ВЕСТНИК
МГИМО-УНИВЕРСИТЕТА

MGIMO Review of International Relations

• 14(6) • 2021

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах: Web of Science, РИНЦ, Google scholar, список ВАК, ERIH PLUS, EBSCO.

Вестник МГИМО-Университета

Научный рецензируемый журнал

http://www.vestnik.mgimo.ru/

Редакционная коллегия:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Главный редактор (Россия).

Байков А.А. – кандидат политических наук, доцент, проректор по научной работе МГИМО МИД России. Заместитель главного редактора (Россия).

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, заместитель начальника Управления научной политики МГИМО МИД России. Шеф-редактор (Россия).

Артизов А.Н. – доктор исторических наук руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации (Россия).

Бусыгина И.М. – доктор политических наук, профессор Департамента прикладной политологии, НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге (Россия).

Вайц Р. – Старший научный сотрудник и директор Центра военно-политического анализа в Институте Хадсона (США)

Войтоловский Ф.Г. – член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН, директор ИМЭМО РАН (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук Университета Аризоны (США).

Гаман-Голутвина О.В. – член корреспондент РАН, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России (Россия).

Грум Дж. – профессор международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Давид Д. – исполнительный вице-президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Казанцев А.А. – доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра исследований политических элит ИМИ МГИМО МИД России (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Колосов В.А. – доктор географических наук, заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор политологии Университета штата Теннесси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации (Россия).

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России (Россия).

Липкин М.А. – доктор исторических наук, профессор РАН, директор Института всеобщей истории РАН (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по развитию — руководитель аппарата ректора МГИМО МИД России (Россия).

Михнева Р. – доктор исторических наук, исполнительный директор Национальной ассоциации Болгарское наследие (Болгария).

Печатнов В.О. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России (Россия).

Пивоваров Ю.С. – научный руководитель ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Рогов С.М. – академик РАН, научный руководитель Института США и Канады РАН (Россия).

Рутланд П. – профессор Уэслевского университета (США).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Сергунин А.А. – профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета

Столбов М.И. – доктор экономических наук, заведующий кафедрой прикладной экономики МГИМО МИД России (Россия).

Терзич С. – главный научный сотрудник Института Истории Сербской академии наук и искусств (Сербия).

Уолфорт У. – профессор им. Дэниэла Вебстера Факультета управления Дартмутского колледжа (США).

MGIMO Review of International Relations

Scientific Peer-Reviewed Journal

http://www.vestnik.mgimo.ru/

Editorial Board:

Torkunov A.V. – Rector of MGIMO University, Academician of the Russian Academy of Sciences. Editor-in-Chief (RAS).

Baykov A.A. – Vice-Rector for Science and Research of MGIMO University, PhD in Political Science, Associate Professor. Deputy Editor-in-Chief (Russia).

Kharkevich M.V. – PhD in Political Sciences, Associate professor, World Politics Department, MGIMO University. Editor-in-Charge. (Russia).

Artizov A.N. – Director of the Federal Archive Agency, Doctor of Historical Sciences (Russia).

Busygina I. – Professor, Department of Applied Politics, National Research University – Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia).

David D. – Executive Vice-President of French Institute of International Relations, IFRI (France).

De Tinguy A. – Senior Research Fellow of the Center for International Studies/Science Po, Professor (France).

Gaman-Golutvina O.V. – Corresponding member of RAS, President of Russian Political Science Association, Head of Comparative Politics Department, MGIMO University (Russia).

Groom J. – Professor Emeritus of International Relations, University of Kent (UK).

Kazantsev A.A. – Doctor of Political Sciences, Senior research fellow of Center for Political Elite Studies, MGIMO University (Russia).

Kokoshin A.A. – Academician of the RAS (Russia).

Kolosov V.A. – Doctor of Geography, Head of the Laboratory of Geopolitical Studies, Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences (Russia).

Korobkov A.V. – Professor of Political Science and International Relations' at Middle Tennessee State University (USA).

Lavrov S.V. – Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia).

Lebedeva M.M. – PhD in Psychology, Doctor of Political Sciences, Professor, the Head of the World Politics Department, MGIMO University (Russia).

Lipkin M. – Doctor of Sciences (History). Director of the Institute of World History of the RAS, professor of the RAS (Russia).

Malghin A.V. – PhD in Political Sciences, Vice-Rector for Strategic Development - Chief of the Rector's Office, MGIMO University (Russia).

Mihneva R. – Executive Director of Bulgarian Heritage National Association, Doctor of Historical Sciences (Bulgaria).

Pechatnov V.O. – Doctor of Sciences (History), Professor at the Department of History of European and American countries, MGIMO University (Russia).

Pivovarov S.U. – Research Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rogov S.M. – Scientific Advisor of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS, Academician of the RAS (Russia).

Rutland P. – Professor of Government at Wesleyan University (USA).

Sakwa S. – Dean of the School of Politics and International Relations of the University of Kent (UK).

Sergunin A.A. – Professor, chair of theory and history of international relations, Saint Petersburg University

Stolbov M.I. – Doctor of Sciences (Economics), Head of Applied Economics Department, MGIMO University (Russia).

Terzic' S. – Chief Research Fellow of the Serbian Academy of Sciences and Arts (Serbia).

Voitolovsky F. – Doctor of Sciences (Politics), Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Corresponding Member of the RAS (Russia).

Volgy Th. – Professor of Political Sciences at the University of Arizona (USA).

Weitz R. – Senior Fellow and Director of the Center for Political-Military Analysis at Hudson Institute (USA).

Wohlforth W.C. – Daniel Webster Professor of Government, Dartmouth College (USA).

© МГИМО МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 г. Перерегистрировано ПИ № ФС77-69112 от 14 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8 (495) 234-84-41;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru
e-mail: vestnik@mgimo.ru

ISSN-Print 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.
ISSN-Online 2541-9099.

Дизайн – Волков Д.Е., редакторы – Меден Н.К., вёрстка – Волков Д.Е.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76.

Тираж 2000 экз. Объём 20,3 усл. п.л. Заказ № 1250.

© Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Founder: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Certificate of registry ПИ № ФС77-29004, 3 August 2007. Reregestered ПИ № ФС77-69112 14 March 2017.

The Publisher Address : 119454, Moscow, Prospect Vernadskogo, 76, room. 14. Phone/fax: +7 495 433 2774.

URL: www.vestnik.mgimo.ru;
e-mail: vestnik@mgimo.ru.

ISSN-Print 2071 – 8160.
ISSN-Online 2541-9099.

Published by MGIMO University Press. Number of printed copies: 2000.

Содержание • 14(6) • 2021

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

К трёхсотлетию Ништадтского мира

7 Анисимов Е. В. – Война и мир Петра Великого

30 Кротов П. А. – Россия Петра I: обретение великодержавности

49 Лебедева О. В. – Ништадтский мир и его роль в становлении российской государственности в период с 1721 по 1917 гг.

71 Dimitrov A., Durev G. – Peter I and the Birth of the Russian Empire: Political Leadership and Military Successes in Comparative Perspective

89 Петрова М. А. – Герман Карл фон Кейзерлинг и признание императорского титула российских государей Священной Римской империей германской нации в 1745–1746 гг.

110 Морохин А.В. – О роли царских врачей в реализации внешнеполитических инициатив Петра I в 1716–1721 гг.

127 Кузнецов В. И. – Немецкая и австрийская историография об участии России в войне Священной лиги

Религиозные аспекты внешней политики Петра Великого

140 Ивонина Л. И. – Сакрализация мира в датах заключения международных договоров Вестфальской системы (1648–1815)

153 Соколова Н. В. – Северная война и церковная реформа Петра I

172 Ястребов А.О. – Венецианское направление внешней политики Петра I и Прутский поход

КНИЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ

191 Строганова Е. В., Сергеева С. А. – Новые бизнес-модели: доминирование ценностей глобальной устойчивости

200 Чернер Н.В. – Инновационный путь совместного создания стоимости в сельском хозяйстве

Table of Contents • 14(6) • 2021

RESEARCH ARTICLES

To the 300th Anniversary of the Peace of Nystad

7 Anisimov E.V. – War and Peace of Peter the Great

30 Krotov P.A. – Russia of Peter I: Gaining Great Power Status

49 Lebedeva O.V. – The Nystad Peace and its Role in the Formation of Russian Statehood from 1721 to 1917

71 Dimitrov A., Durev G. – Peter I and the Birth of the Russian Empire: Political Leadership and Military Successes in Comparative Perspective

89 Petrova M. A. – Hermann Karl von Keyserlingk and the Recognition of the Russian Imperial Title by the Holy Roman Empire in 1745–1746.

110 Morokhin A.V. – Tsarist Doctors in the Implementation of Peter the Great's Foreign Policy Initiatives in 1716 – 1721

127 Kuznetsov V.I. – The German and Austrian Historiography on Russia's Participation in the Holy League War

Religious Aspects of Foreign Policy of Peter the Great

140 Ivonina L.I. – Sacralization of Peace by the Choice of Dates for Conclusion of International Treaties within Westphalian System

153 Sokolova N.V. – Great Northern War and Church Reform of Peter the Great

172 Yastrebov A.O. – Peter the Great's Venetian Policy and the Prut Campaign

BOOK REVIEWS

191 Stroganova E.V., Sergeeva S.A. – New Business Model: The Dominance of Global Sustainability Values

200 Cherner N.V. – An Innovative Roadmap to Value Co-Creation in Agriculture

Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(6). С. 7–29
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-7-29

Check for updates

Война и мир Петра Великого

Е.В. Анисимов

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Цель статьи состоит в анализе планов Петра Великого, связанных с закреплением России на берегах Балтийского моря. Автор уделил внимание возникновению замысла выхода к Балтийскому морю, проследил этапы его осуществления. Было исследовано, как по ходу Северной войны 1700–1721 гг. менялись условия мира, предлагавшиеся российской стороной, как эволюционировали идеи Петра I по достижению желанного мира.

В статье показано, что после «конфуза под Нарвой» в ноябре 1700 г. и первого успеха Б.П. Шереметева у Эрестфера в декабре 1701-го в 1702–1709 гг. ведение военных действий и дипломатические усилия России направлялись исключительно на удержание выхода к морю. Создание Санкт-Петербурга, перенос в него столицы, строительство оборонительной системы в устье Невы – всё это преследовало цель закрепить устье Невы за своей страной. Россия была согласна на заключение мира, по которому получала лишь старые русские провинции Ингрию и Карелию. После победной Полтавы 1709 г. начался новый этап борьбы за приемлемый для России мир. Аннексия Лифляндии, Эстляндии, временная оккупация Финляндии – все эти завоевания также были подчинены главной идее, ради которой Россия начала войну: удержанию и обеспечению безопасности выхода к морю.

При этом Россия постоянно выказывала готовность заключить мир, но все её попытки были отвергнуты шведами, у которых расставание с имперскими амбициями проходило весьма болезненно. Десятилетняя эпопея жёсткого принуждения Швеции к миру закончилась разорением русской армией части собственно шведских территорий и вынужденным согласием шведов на мир. Ништадтский мир 1721 г. не только закончил войну, он стал исходной точкой необыкновенного развития имперского воображения Петра, выхода России на мировую арену как империи – самодержавного государства, опасного для соседей и активно участвующего в непрекращающемся разделе мира.

Ключевые слова: Северная война 1700-1721, Пётр I, Карл XII, Санкт-Петербург, Аландский конгресс, Ништадтский мир, выход к морю, имперское воображение

УДК: 94, 327
Поступила в редакцию: 15.10.2021
Принята к публикации: 03.11.2021

Пётр I начал Северную войну осенью 1700 г. осадой шведской крепости Нарва. В научной литературе нет единой точки зрения на то, почему война для России началась именно с Нарвы. По мнению многих историков (наиболее типичны в этом смысле работы Р. Виттрама (Wittram 1963)), Нарвский поход был прямо нацелен на захват Лифляндии (Ливонии), вопреки расчётам короля Августа II и его советника Иоганна Рейнгольда Паткуля. Известный славист В.Д. Королюк считал наоборот: это Паткуль настаивал на том, чтобы русские двинулись именно под Нарву (Королюк 1952). Несомненно, саксонская сторона и Паткуль, представитель лифляндского немецкого дворянства, первоначально хотели, чтобы Пётр с его армией присоединились в качестве вспомогательной силы к осаде Риги, которую с декабря 1699 г. вёл Август II. Но это оказалось невозможным не только потому, что выдвижение русской армии запоздало – саксонцы раньше сняли осаду Риги, но и потому, что Пётр хотел действовать на собственном театре военных действий, и тем самым помочь союзнику, отвлекая от Риги находившиеся в Лифляндии и Эстляндии неприятельские силы[1]. Театр этот уже оговаривался в союзном договоре с Саксонией от 11 ноября 1699 г.: «провинции Ижорская и Корельская»[2].

Поначалу И.Р. Паткулю, политику проницательного ума, казалось, что участие России будет второстепенным, вспомогательным, и её нельзя подпускать к Нарве – ключу к Эстляндии, Ингерманландии и Карелии. Но война пошла не по сценарию Паткуля и Августа II. Попытка саксонцев в декабре 1699 г. сходу взять Ригу провалилась, а к длительной осаде они оказались не готовы. Август II, будучи польским королём, не сумел поднять Речь Посполитую на войну со шведами.

В итоге в конце июля 1700 г. саксонцы отошли от Риги. Потерпевшая к тому времени поражение и связанная условиями Травендальского мира 1700 г. Дания была уже бессильна помочь своим партнёрам по Северному союзу. И в этой ситуации успешное взятие русскими Нарвы уже не казалось Паткулю опасным. Более того, после отхода саксонцев от Риги он писал: «…мы слабы, помощь царя нам необходима, и Швеция немало ослабнет, потеряв Нарву. Следовательно, мы не должны торговаться с царём, чтобы не раздражать его», только нужно добиться от него согласия на передачу завоёванных им территорий Августу II (Устрялов 1863: 6), что Пётр поначалу охотно и многократно обещал.

Шведские военные историки – авторы коллективного труда о походах Карла XII, считают, что главной целью Петра в 1700 г. было овладение Ингрией, что, глядя на карту, он понимал: земли, заключённые между Ладогой, Невой, Финским заливом, рекой Наровой и Чудским озером, защищены с двух сторон –

[1] Гизен Г. 1787. *Журнал государя Петра I с 1695 по 1709.* Туманский Ф.О. Собрание разных записок и сочинений. Санкт-Петербург. Ч. 1.

[2] *Письма и бумаги императора Петра Великого*. 1887. Санкт-Петербург. Т. 1. С. 304-310.

Ниеншанцем (шв. Nyenskans) и Нотебургом с одной, и Нарвой – с другой. Таким образом, операция против Нарвы была, по их мнению, хорошо продуманным первым шагом к завоеванию Ингрии, так как взятие Нарвы прерывало сухопутную связь между Финляндией и Восточной Прибалтикой (Походы Карла XII 2014: 58). Иначе говоря, поход к Нарве, по их мнению, укладывался в главный стратегический замысел Петра – выйти к морю.

С этой точкой зрения я полностью согласен. Проследить, как Пётр отстаивал свой замысел – закрепиться на Балтике, как, по ходу Северной войны, менялись условия предлагаемого Петром мира, и какие механизмы лежали в основе эволюции идей Петра по достижению желанного мира – цель данной статьи.

Причины Северной войны 1700–1721 гг.

Как известно, в русских документах начала Северной войны фигурировали две главные причины объявления военных действий против Швеции. Первой был так называемый «Рижский инцидент», когда во время посещения Риги весной 1697 г. инкогнито Пётр был оскорблен действиями шведской администрации, не позволившей ему познакомиться с системой рижских укреплений. Второй причиной объявлялось желание Петра вернуть переданные за деньги и военную помощь в начале XVII в., так называемые «отчины и дедины», т.е. земли предков – территории Ингрии и Карелии. Их принадлежность Швеции была подтверждена рядом русско-шведских соглашений, причём в ноябре 1699 г. Пётр, перед лицом шведского посольства, прибывшего с ратификационной грамотой нового короля Карла XII, передал подтвердительную, «докончальную» грамоту, в которой клятвенно подтверждал соблюдать «верно, крепко и ненарушимо» условия Кардисского «вековечного» мира 1662 г. и других русско-шведских договоров о границе[3].

Кстати, это обстоятельство вызывало особое возмущение заклятого врага Петра короля Карла XII, считавшего царя клятвопреступником, который к тому же прислал в Швецию посольство кн. А.Я. Хилкова с обманным объявлением якобы о предстоящем прибытии в Стокгольм Великого посольства с ратификационной грамотой о нерушимом мире.

В указе от 19 августа 1700 г. причиной войны со Швецией выставлялись «Свейского короля [Карла XII – Е.А.] за многия его к нему, Великому государю, неправды и что во время, Его, государя, шествия чрез Ригу от рижских жителей чинились ему, Великому государю, многия противности и неприятства», поэтому велено войскам «идтить на его, свейскаго короля, городы»[4]. Об «отчинах и дединах» речи в указе не шло. Лишь в циркуляре русским послам за границей от

[3] *ПБП*. 1887. Санкт-Петербург. Т. 1. С. 310-317.

[4] *Полное собрание законов Российской империи* (далее – ПСЗ). 1830. Санкт-Петербург. Т. IV. С. 74-75. Т. IV. С. 74-75.

18 ноября 1700 г. об этом было ясно сказано в расчёте на иностранную публику: «Шведский трон, который умело применял принцип "Vivitur ex raptu" ("жить грабежом") ко всем своим соседям, отторг от царя эти провинции [Ингрию и Карелию – Е.А.], воспользовавшись в начале века в Московии внутренними волнениями». Тем самым Россия имеет право денонсировать все прежние договоры со Швецией (Северная война… 2009: 57-58).

Если первая причина символизировала личную обиду государя, нанесение которой требовало не извинений (которые шведы и принесли, не желая войны (Бантыш-Каменский 1902: 206)), а отмщения, то вторая причина может быть понята с учётом национально-ментальных факторов.

По мнению автора статьи, для русского национального сознания пространство всегда играло особую роль. Бескрайнее пространство, огромные размеры территории страны – предмет гордости россиян, они сливаются с эмфатическим понятием «простор», связываются с представлением о вольности, свободе, об отсутствии ограничений и стеснений. Расширение пространства кажется естественным и даже необходимым для полноты национальной самооценки. Подобно американскому движению на Запад, непрерывное расширение территории рассматривается как Manifest Destiny («Предопределение судьбы»). Напротив, потеря даже небольшой части этого пространства в русском сознании оборачивается болезненной, горькой утратой или, как тогда писали, «потерькой», и хоть она маленькая в сравнении с огромной страной, но её непременно надлежит восполнить. Так было с отошедшими к Швеции в 1617 г. территориями новгородских пятин. В принципе, выдвижение этой причины в 1700 г. как основания для войны отвечало на запрос национального сознания, давало правителю карт-бланш на любые действия, обеспечивало обществу психологический комфорт перед лицом возможных испытаний и неизбежных жертв. Впоследствии всё это синхронизировалось с началом экспансии Российской империи, оформлявшей новые территории как «присоединение» или «возвращение» некогда утраченных земель.

Однако, начиная войну и заявляя об этих причинах, Пётр руководствовался, по существу, совсем иными соображениями: в 1695-1696 гг., воюя с турками, Пётр рвался к морю, не помышляя о «дединах и отчинах» на Балтике, да и в ходе Северной войны он был готов отдать шведам несравненно более важные «дедины и отчины» только ради сохранения за Россией Ингрии и Петербурга, который для него символизировал выход к морю.

Именно выход к морю был контрапунктом всей стратегии Петра, истинной, пусть зачастую и скрытой, причиной всех военных и мирных усилий царя на протяжении Северной войны, главным мотивом строительства Петербурга на непригодном для жизни людей болоте, а также причиной беспрецедентного в мировой истории официального переноса столицы (1712 г.) на территорию чужого государства за девять лет до заключения мира, по которому эти территории отошли к России (1721 г.). Отметим, забегая вперед, что это обстоятель-

ство стало одной из причин столь мучительного для противников затягивания войны – шведам было тяжело смириться с этим фактом.

В стремлении Петра к морю отразились присущие ему идеи и чувствования, составлявшие суть его идеологии, сформировавшие его психику и государственное поведение. Нужно учесть характерный для Петра изначальный юношеский романтизм, связанный с морем, то, что у португальцев называется *vento do mar* (ветер моря), который неудержимо влёк их в океан. В одном из писем в 1706 г. Пётр сетовал, что мало в стране таких молодых людей, кто бы, «оставя в компаниях забавы, своею волею шуму морского слушать хотел»[5]. Выход к морю для Петра воплощал ещё и разрыв с ненавистной ему старой Россией, со страхами его детства и юности, проведёнными в Москве, и начало новой счастливой жизни – недаром скромный посёлок, каким был вначале Петербург, он называл «парадизом», а в письме А.Д. Меншикову из Санкт-Петербурга от 29 ноября 1709 г., не боясь кощунства, писал: «…не имею, что из сей святой земли писать, только что всё, слава Богу, здорово»[6].

Для его сознания, освоившего начала картезианства и культа опытного знания, к тому же пропитанного образами барокко, плавание в открытом море на построенном лично корабле (а царь был хорошим кораблестроителем и моряком) было символом не только преодоления слепой стихии с помощью создавшего корабль разума, но и покорения архаичной сухопутной России.

Далее. Он, с юности влюблённый в Голландию, видел в этой стране образец того, как с помощью торговых портов, бороздящих океаны кораблей, торговли можно достичь завидного процветания. В желании обрести Пристань (в этом ёмком для того времени слове подразумевались гавань, приморский город-порт) воплощалась мечта Петра-меркантилиста, который хотел обогатить за счёт коммерции и мореплавания свою страну, удачно расположенную на пути между Востоком и Западом. Увлечённый анатомией, Пётр нашёл такой образ Пристани: «…чрез сию артерию может здоровое и прибыльное сердце государственное быть»[7]. Без выхода к морю создать Пристань невозможно, как невозможно построить основу могущества страны без создания военно-морского флота – того, чем гордится остров «лучшей, красивейшей и счастливейшей из всего света»[8] – так Пётр называл Англию – вторую страну, которую он любил не меньше Голландии. Всем этим и объясняется движение русской армии к Нарве, а потом к берегам Финского залива.

---

[5] *ПБП*. 1912. Санкт-Петербург. Т. 6. С. 85-86.
[6] *ПБП*. 1950. Москва – Ленинград. Т. 9. С. 469.
[7] *ПБП*. 1893. Санкт-Петербург. Т. 3. С. 30-31.
[8] Гизен Г. *Журнал государя Петра I*. Т. 1. С. 67.

Мотивация поиска мира

Желанием выйти к морю и закрепить его побережье за Россией объясняется и упорный поиск Петром мира на протяжении всей Северной войны. Впервые условия, на которых Россия соглашалась мириться со шведами, были высказаны канцлером Ф.А. Головиным в письме от 5 февраля 1701 г. кн. П.А. Голицыну, посланному в Вену искать мирного посредничества у Австрии: «…по последней мере удержать Канцы на реке Неве в нашей стороне» (Устрялов 1863: 78-80), хотя тогда, в 1701 г., до взятия Ниеншанца было ещё почти два года! В тот момент имперское воображение Петра было скромным, он не думал о захвате других шведских прибалтийских земель и в 1700–1704 гг. искренне обещал союзникам «ни пяди земли не искать в Эстляндии и Лифляндии», «ни единой деревни шведской подлинной себе удержать не изволит», только «чтоб отечественные <…> земли [т.е. Ингерманландия и Карелия – Е.А.] недвижно при нём остались»[9].

Искренность этих уверений подтверждает то, как русская армия начиная с 1701 г. безжалостно и жестоко разоряла Эстляндию и Лифляндию: города и мызы беспощадно жгли, скот и имущество грабили, а уцелевших людей угоняли и продавали в рабство (примечательно, что этот полон называли по-татарски «ясырем» (Устрялов 1863: 124)). Особенно страшным был поход фельдмаршала Б.П. Шереметева в Южную Эстляндию и Лифляндию летом 1702 г. Целью разорения было стремление затруднить возможное контрнаступление шведов, «дабы неприятелю пристанища и сикурсу своим городам подать было невозможно»[10]. Напротив, мародёрство солдат корпуса воеводы П.М. Апраксина, действовавшего на территории самой Ингерманландии в 1701–1702 гг., Пётр осуждал: «А что <…> разорено и выжжено, и то не зело приятно нам, о чём словесно вам говорено, и в статьях положено, чтоб не трогать»[11]. Это понятно: Петру нужны были эти территории нетронутыми войной для освоения устья Невы.

В октябре 1702 г. штурмом был взят Нотебург (Орешек), 1 мая 1703 г. сдался Ниеншанц, и в ночь с 1 на 2 мая на военном совете было решено основать на Заячьем острове крепость Санкт-Питер-Бург. Она стала сердцевиной города, получившего в июне 1703 г. такое же название. Так был осуществлён выход к морю. Теперь нам трудно представить, сколь жизненно важен был для Петра выход России к морю. За полгода до сдачи Ниеншанца, в декабре 1702 г., во время празднования взятия Нотебурга Пётр признался прусскому посланнику Г.И. Кейзерлингу, что «должен взять Ниеншанц будущей весной, а иначе жить не стоит» («…oder er wolte nicht leben») (Bushkovitch 2001: 234). Символичным ста-

[9] *ПБП*. 1893. Санкт-Петербург. Т. 3. С. 30-31, 577.
[10] *ПБП*. 1889. Санкт-Петербург. Т. 2. С. 79.
[11] Там же. С. 60–61, 355.

ло и переименование взятых шведских крепостей: Нотебург назван Шлиссельбургом («Ключ-городом»), а Ниеншанц стал Шлотбургом («Замко́м-городом»). Об этом можно было догадаться задолго до падения Ниеншанца: во время празднования в Москве Нового 1703 года на транспаранте фейерверка был изображен бог Марс, который в одной руке держал ключ, а в другой – замок. Над плывущим кораблем светился девиз: «Желание его исполнится» (Васильев 1960: 30-31).

Девиз оказался пророческим: первые слова, которые написал Пётр в начале мая 1703 г. после взятия Ниешанца своим сподвижникам, были: «Желаемая морская пристань получена»[12]. Сподвижники отвечали ему в той же восторженной тональности: «…город Канцы: пристань морская, врата отворенныя, путь морской». Так писал Т.Н. Стрешнев, но ни он, ни другие подданные Петра ещё не знали, что царь задумал построить на месте выхода к морю свою Пристань и одновременно новую столицу. Пётр уже в 1704 г. называл в своей переписке первое поселение на берегу Невы «столицей»[13]. Примечательно, что упомянутый выше Г.И. Кейзерлинг сразу оценил по достоинству взятие Нотебурга и, поздравляя Петра, писал: «Завоеванием этой крепости вы приобретёте гавань на Балтийском море»[14]. Эта мысль приходила в голову многим, взглянувшим на карту и оценившим реализацию неожиданного и изящного стратегического замысла Петра, рассекшего шведскую систему обороны и вышедшего к морю.

Важно подчеркнуть непоказное миролюбие царя: в тот момент Пётр был готов немедленно прекратить войну и остановиться на достигнутом. Но это оказалось нереальным – противник на мировую не шёл.

Впрочем, подобное развитие событий (естественно, без проекта переноса столицы) осознавали и даже предвидели в Стокгольме задолго до начала Северной войны. В мае 1697 г. скандальный проезд Петра через Ригу обсуждался в Стокгольме на заседании Государственного совета. Президент Королевской канцелярии Б.Г. Оксеншерна, докладывая об этом, сказал: «Разумеется, у царя весьма обширные планы, которые очень хорошо видны во всех его действиях», что царь хочет вернуть России провинции, которые она была вынуждена уступить Швеции. В Госсовете не приуменьшали опасность со стороны России, правитель которой проводит реформы внутри страны, проявляет дипломатические инициативы. Всё это, по мнению высших должностных лиц Швеции, делает «богатую ресурсами Россию крайне опасным противником» (Аскер 2009: 366-367). Но укрепить оборону заморских провинций шведы не успели, так что в начале военных действий слабые группировки шведских войск, размещённые

[12] *Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)*. 2004. Составитель Майкова Т.С., под общей ред. Преображенского А.А. Москва. Вып. 1. С. 231.

[13] *ПБП*. 1893. Т. 3. №725. С. 161-162.

[14] Путята А.А. 1880. Вопрос о прусском союзе в первую половину Великой Северной войны. *Сб. Московского главного архива МИД*. Москва. Вып. 1. С. 119.

в Финляндии и Эстляндии, не смогли остановить движение резко усилившейся после Нарвы русской армии к морю. Впрочем, Карла XII, поглощённого тогда польскими делами, погоней за Августом II, шведская драма в устье Невы не смущала: он полагал, что неизбежное в ближайшем будущем повторение нарвского разгрома русских войск приведёт к наказанию вероломного соседа и к непременному возвращению Ингерманландии под власть Швеции.

Иначе на это смотрел Пётр. Для него основание Санкт-Петербурга (топонимический синоним выхода к морю) стало главным, переломным событием в войне со шведами – подчёркиваю: не победная Полтава 1709 г., а основание Петербурга 1703 г.! Всё, что Пётр делал позже, вращалось вокруг Петербурга – материального воплощения выхода России к морю. Для удержания выхода к морю было недостаточно вымыть сапоги в балтийских водах, нужно было решить три важнейших проблемы. Во-первых, следовало навсегда закрепиться на завоеванном плацдарме, возвести там эшелонированную систему обороны, построить город-крепость, перенести в него царскую резиденцию, словом, сделать геополитические изменения в этой части света необратимыми. Во-вторых, надлежало с помощью оружия добиться если не полной военной победы, то хотя бы такого равновесия, которое вынудило бы шведов сесть за стол переговоров и согласиться подписать мирный договор на условиях уступки отторгнутых ранее у России «отчин и дедин». Наконец, в-третьих, предстояло добиться легитимации завоеваний, признания их международным сообществом, ведущими европейскими державами, что было непросто: появление на Балтике новой, сильной державы с имперскими амбициями и развивающейся экономикой обеспокоило тогдашних «потентатов» – главных политических игроков. Даже Фридрих I, «король в Пруссии», показывавший в отношении России особое дружелюбие, через своего посла в 1703 г. тревожно вопрошал Петра касательно завоеваний России и заведения ею флота. Пришлось его успокаивать, уверять, что цель войны в том, чтобы «отечественные земли недвижно при своём государе остались, и <…> ни единой деревни Шведьской не желает себе, хатя б которыя и взяты были, понеже Его величество всегда сие в памяти имеет, чтоб не быть причиною озлобления всех потентатоф», а флот заводится исключительно для защиты торговых караванов[15].

Книга голландского исследователя Х. ван Конингсбрюгге с характерным называнием «История потерянной дружбы» показывает, что даже при весьма дружеских, основанных на экономике, отношениях России и Голландии, столкновение их интересов было неизбежно. Ход мысли в Амстердаме, по мнению автора, был таков: «Поддержав Россию в Северной войне оружием, деньгами и специалистами, голландцы внесли фундаментальный вклад в её победу над Швецией. Так разве русский царь не в долгу перед ними? При таких рассуж-

[15] *ПБП*. 1893. Т.3. № 624. С. 30-31.

дениях забывалось, что государственные интересы могли потребовать от царя совсем иной политики, и что удержать растущую мощь России под контролем было бы трудно <…>. Неизбежным был также рост напряжённости <…> из-за неспособности голландцев понять острую потребность Петра в признании» (Конингсбрюгге 2014: 117-118, 143-144).

В рамках данной статьи нет смысла говорить о решении первой проблемы, лишь отметим, что за счёт огромных расходов и неисчислимых человеческих жертв были построены и мощная система обороны в устье Невы, и сам город на болоте. Решение же двух других проблем встретило массу трудностей. Почти сразу Пётр понял, что без военной победы над Карлом XII выход к морю России не удержать. 10 апреля 1703 г. он писал Августу II, что «его [шведского короля – Е.А.] гордость» можно только «силами преломить» и «сим способом токмо, а никакими иными пути, способной и благополучной мир возможно получити»[16]. Позже, в 1708 г., царь писал, что «непрестанную суету» имеет об «исправлении полков по баталии, которая вещь есть надежнея всех посланнических дел»[17] (т.е. дипломатии).

Победить Карла XII на поле боя поначалу казалось царю задачей невыполнимой, учитывая полководческий талант короля-воина и прекрасную подготовку его армии. Русской армии предстояло преобразоваться на основе «регулярства», учиться по ходу войны. Поэтому все усилия Петра в ходе военных действий 1705-1709 гг. были направлены на то, чтобы, с одной стороны, пользуясь отсутствием армии Карла XII в восточной Прибалтике, укрепиться в устье Невы; а с другой стороны, при одновременном наращивании мощи своей армии и обретении ею опыта походов и боевых столкновений, постоянно уклоняться от желанного шведам генерального сражения – центрального события всех войн того времени. Пётр очень опасался генерального сражения. В 1704 г. он писал: «…сие дело в ведении точно Вышнего суть, нам же, яко человеком, надлежит ближняя смотреть, кратко рещи, что искание генералного бою зело суть опасно, ибо в один час может все дело опровержено быть»[18]. Поэтому при отступлении вглубь России широко применялся «скифский метод» ведения войны, при котором противник шёл по разорённой, сожжённой стране, терпел нужду в провианте и фураже, отбивался от нападений мелких отрядов с разных сторон, терял людей в стычках и фуражировках. Пётр рассчитывал, что «неприятель от дального похода утомитца и в немалое разорение свои войска» приведёт[19].

Тактика Петра в конце концов оправдала себя: движение армии Карла XII на восток, к Москве, было приостановлено и, не дойдя до Смоленска, шведы повернули на юг, на Украину. Этот поворот, как известно, закончился в июне

[16] *ПБП*. 1889. Санкт-Петербург. Т. 2. С. 150-151.
[17] *ПБП*. 1948. Москва – Ленинград. Т. 8. Ч. 1. С. 188-189; ПБП. 1951. Москва – Ленинград. Т. 8. Ч. 2. С. 797-799, 808-809.
[18] *ПБП*. Т. 3. С. 2-4.
[19] *ПБП*. Т. 2. С. 19-20.

1709 г. победным для России Полтавским сражением. В эти напряжённые годы военного противостояния со шведами Пётр без устали искал пути к достижению мира, который, по его мнению, был бы лучшим исходом в опасной, на грани катастрофы, борьбе с таким могучим и непредсказуемым противником, каким казался царю Карл XII.

С 1703 г., сразу после основания Петербурга, Пётр многократно предлагал шведам мир с одним условием – Ингерманландия переходит к России[20]. Но король молчал или отвергал предложения России. Так продолжалось из года в год. Не было в Европе посредников, к кому бы ни обратился Пётр в поисках пути к миру: англичане и голландцы, австрийцы и французы, датчане и пруссаки. В первые месяцы 1707 г., когда было известно о твёрдом намерении Карла XII начать Московский поход, Пётр активизировал поиски мира; положение России, оказавшейся фактически в международной изоляции накануне шведского вторжения, было критическим: готовили к подрыву занятые Россией крепости Прибалтики, срочно укрепляли Москву – главную цель противника.

Несмотря на отчаянность ситуации царь, тем не менее, остался верен себе: на вопрос об уступке Ингерманландии однозначно отвечал, что «ни по которому образу того не будет, <…> понеже хуже сего нечему быть»[21]. Об этом Пётр писал, пытаясь завязать через французского посла в Швеции Ж.В. Безенваля переговоры со шведами и был готов торговаться по поводу Нарвы и Дерпта (который, кстати, считался «славным отечественным градом» Юрьевым[22], некогда основанным Ярославом Мудрым – в православии Георгием-Юрием), но при непременном условии: «А о Питербурхе всеми мерами искать удержать за что-нибуть, а отдачи оного ниже в мысли [не] иметь»[23].

Пётр был готов и к новым, по существу, беспрецедентным уступкам, которые тогда называл «разумными условиями». Английский посланник Чарльз Уитворт сообщал в Лондон, что царь допускает уступку шведами Ингерманландии «за деньги или взамен города Пскова с приплатою некоторой суммы» («… is to keep Ingria for an equivalent either of money alone or of town of Pleskow with some money»)[24]. То есть Пётр выказал готовность отдать шведам древнейшую «отчину и дедину» – Псков, город, без которого невозможно представить Россию. Несомненно, это высшее свидетельство исключительной важности, которую придавал Пётр выходу в море.

Но Карл XII считал, что переговоры с Петром возможны только при условии полной капитуляции России, возвращения ею всех захваченных территорий и уплате компенсации за их разорение, а также за все понесённые шведами

[20] Гизен. Ук. соч. С. 369-376.
[21] *ПБП*. 1907. Санкт-Петербург. Т. 5. С. 51.
[22] *ПБП*. Т. 3. С. 104-105.
[23] *ПБП*. 1907. Т. 5. С. 620-621; ПБП. Т. 6. С. 349.
[24] *Сборник императорского Русского исторического общества* (далее – РИО). 1884. Санкт-Петербург. Т. 39. С. 372-373.

убытки и моральные издержки[25]. Ф. А. Головин писал в 1704 г. И.Р. Паткулю, что по его данным «…король Свейской зело упорен и ни о каком миру с Его царским величеством и с королём Полским слышить не хочет, но против обоих свое восприятное намерение до крайней меры исполнить хощет»[26], т. е. вести войну до победы. Ни канцлер Головин, ни его государь, жившие в реальном мире международных отношений, в которых поиски компромиссов составляли суть политики, не могли понять Карла XII. Историк Северной войны В.Е. Возгрин по этому поводу писал: «…важен для историка дипломатии сам подход Карла XII к проблеме заключения мира: основываясь на фактах нарушения (с его точки зрения) царём ряда им же данных гарантий, король делал вывод о невозможности любых компромиссных решений, основанных на договорах с Россией, до победы над ней. Отсюда, очевидно, следовал вывод – безопасность Швеции в будущем немыслима без разгрома русской армии, замены царя (предположительно, Я. Собеским), возможно, раздела страны на мелкие государства, зависимые от Швеции, и возврата боярской аристократии былого влияния» (Возгрин 1986: 204-205).

Исходя из этих соображений, Карл XII готовил Петру в его же столице участь Августа II, лишённого в 1705 г. польского трона, и не отвечал ни на один из призывов России, упрямо отвергая предложения многочисленных мирных посредников. Предлагая разные варианты мира, Пётр был столь же упорен, как и Карл, в своём непреклонном намерении стоять насмерть ради сохранения выхода России к морю. Английский резидент Д. Джефферис записал в 1719 г. слова вице-канцлера П.П. Шафирова о том, что Пётр «готов продолжить войну ещё 20 лет, чем уступить малейшую часть своих завоеваний»[27].

Так возник тупик: достижение компромисса и заключение мира было абсолютно невозможно. Оба монарха из последних сил, изнемогая, стояли 18 лет насмерть на своём, пока пуля из датского фальконета не пробила голову одному из них, да и на этом противостояние двух держав не закончилось…

Был момент, когда на политическом горизонте, казалось, забрезжил рассвет. Зимой 1709 г. на Украине стояли почти полярные морозы, и Карл XII оказался в весьма затруднительном положении из-за того, что вспомогательный корпус генерала А.Л. Левенгаупта был разгромлен Петром осенью 1708 г. под деревней Лесной в Белоруссии. Царь решил воспользоваться затруднительным для шведов моментом и в феврале 1709 г. через пленного шведского обер-аудитора канцлер Г.И. Головкин предложил первому министру короля Карлу Пиперу заключить мирный договор на условии покупки России Ингерманландии (с Петербургом), а также части Карелии. Была высказана готовность Петра купить и Нарву. Царь надеялся, что если не король, то хотя бы его окружение отреаги-

[25] *ПБП*. 4. С. 739.
[26] *ПБП*. 3. С. 557.
[27] *РИО*. 1888. Санкт-Петербург. Т. 61. С. 524.

руют на предложение денег, столь необходимых бюджету воюющей страны, и проявят «министерскую склонность» к миру[28]. Однако К. Пипер ответил Г.И. Головкину, что король готов заключить мир, но только на условиях капитуляции России и предложение царя воспринимает как насмешку[29]. Так в очередной раз попытка переговоров сорвалась и 27 июня (28 июня по шведскому юлианскому календарю – действовал в 1700-1712 – и 8 июля по григорианскому календарю) 1709 г. непримиримые противники вышли на Полтавское поле.

«Жёсткое принуждение» Швеции к миру

Блестящая победа под Полтавой обозначила решительный перевес России в войне. Но и тут важно понять, что не сама по себе победа была для Петра важна. Первое, о чём подумал Пётр после победы – это о Петербурге. Он писал Ф.М. Апраксину: «Ныне уже совершенной камень во основание Санкт-Петербурху положен…»[30]. И тотчас предложил поверженному противнику мир – царь был убежден, что перед лицом удручающей для него реальности Карл XII согласится на переговоры. Но этого не произошло!

В воззвании Петра к шведскому народу 1 августа 1709 г. с горечью говорилось, что сделанные сразу после битвы мирные предложения России были отвергнуты Карлом XII, хотя это было «умеренное и вполне христианское предложение мира на условиях предоставления нам только Выборга и Карелии». Примечательно, что Ингерманландия не упоминается, так как вопрос о ней для Петра окончательно решён: она однозначно принадлежит России. Но, констатирует Петр: «… как мало отзвука со стороны короля и шведского сената получили эти наши достохвальные замыслы» (Флоровский 1959: 361).

После Полтавы Пётр начал стремительно пожинать плоды победы с Полтавского поля: он восстановил Северный союз, в течение 1710 г. ему сдались Рига, Ревель, Пернов, Аренсбург, Эльбинг, Выборг и Кексгольм. Если Кексгольм-Корела относился к «отчинам и дединам», то все остальные города и земли никогда таковыми не являлись. С этого момента в словаре русской дипломатии появляются понятия «возвращённые» (Ингерманландия, или Ижорская земля, и Карелия) и «завоёванные» территории, причём статус последних не был чётко определён, как статус неотторжимых «возвращённых». Новые «завоёванные» территории становятся, по мысли Петра, предметом дипломатического торга во имя удержания «возвращённых». Правда, было сделано два исключения, допускавшие удержание этих территорий (или части их) Россией.

Первое исключение основано на «мотиве компенсации», второе – на «мотиве барьера». Мотив компенсации был впервые продемонстрирован приме-

[28] ПБП. Т. 9. Ч. 1. С. 176.
[29] ПБП. Т. 9. Ч. 2. С. 856-858.
[30] ПБП. Т. 9. Ч. 2. С. 988; Т. 9. Ч. 1. С. 228-231.

нительно к Эстляндии. В начале октября 1709 г. Август II и Пётр I подписали секретную статью к договору о восстановлении союза. Согласно ей, Лифляндия после её завоевания русской армией должна отойти к Августу в наследственное владение, а когда Россия завоюет Эстляндию, то присоединит её на том основании, что Пётр имеет право «за претерпенной от него [неприятеля – Е.А.] в своих землях великой убыток награждение себе, при помощи Вышняго, получити»[31]. После взятия Ревеля в 1710 г. Пётр расширил формулу компенсации – за убытки, понесённые Россией в ходе военных действий, шведы уступают Эстляндию, Выборг, Гельсингфорс с округом, да ещё приплачивают пять миллионов ефимков. Более того, они должны отдать эти территории также за «плодоупотребления <…> во время целого века» доходов с оккупированных с 1617 г. русских территорий[32].

Но и это тяжкое, в сущности, неисполнимое для шведов условие не было последним. Серьёзнее по своим последствиям были ясно выраженные царём условия, основанные на так называемом «мотиве барьера». Предполагалось, что при заключении мира из «завоёванных» территорий будет создана зона безопасности вокруг Петербурга («…для безопасения впредь от нападения шведцкого»). С одной, северной, стороны в эту зону попадал Выборг. 14 июня 1710 г., поздравляя свою сожительницу, будущую императрицу Екатерину с взятием Выборга, Пётр писал: «…уже крепкая падушка Санкт-Питербурху устроена»[33] (теперь бы сказали: «подушка безопасности»).

Второй «подушкой безопасности» становилась уже упомянутая «компенсационная» Эстляндия, а третьей «подушкой» после завоевания Финляндии в 1714 г. был объявлен Гельсингфорс на том основании, что если «Ревель и Гельсингфорс в шведском владении останутся, то и весь фарватер [в Финском заливе – Е.А.] в Санкт-Петербург у них же в руках будет»[34]. «Укладывание подушки», «возведение барьера», создание «зоны безопасности» вокруг Петербурга стал с тех пор ключевым мотивом в переговорах о мире со шведами. Да и в последующие времена тема создания зоны безопасности вокруг Петербурга-Ленинграда оставалась актуальной для отечественной дипломатии и военных – выдвинутый на границу огромный город, важный экономический центр, да к тому же – столица, был чрезвычайно уязвим для нападения и постоянно требовал особого внимания к проблеме своей безопасности.

Думаю, Пётр понимал, что шведы не согласятся на предложенные условия, означавшие фактическую ликвидацию их империи. Поэтому, как в случае с «самовольным» строительством Петербурга и объявлением его столицей, он приступил к инкорпорации завоёванных территорий, превращая их в части своего

[31] *ПБП*. 1956. Москва. Т. 10. С. 458, 775.
[32] *ПБП*. 1962. Москва. Т. 11. Вып. 1. С. 38-39, 79.
[33] *ПБП*. 10. С. 193.
[34] Цит. по: (Фейгина 1959: 222).

государства, ставшего империей задолго до её провозглашения в 1721 г. Сразу же после занятия Риги (а затем и Ревеля) царь принял присягу у жителей Лифляндии и Эстляндии. Дворянству и бюргерам было гарантировано сохранение всех их прежних, бывших при шведах, привилегий, а шведских военнослужащих, попавших в плен, но рожденных в Лифляндии, было предписано освободить из-под ареста, предложив им вступить в русскую армию[35]. Основание – «лифляндцы и других городов [жители], бывших короны Швецкой, взятых чрез оружие российское <…> – те могут назватися росийскими подданными»[36]. У этих офицеров не было выбора: лифляндцы, которые отказывались служить русскому царю, подлежали, подобно русским дезертирам, военному суду «яко бунтовщики»[37].

Заняв в 1710 г. Выборг, Пётр также сразу продемонстрировал, что аннексирует его навсегда. Гарнизон Выборга был задержан под предлогом, что пока шведы не возвратят бежавших в Швецию жён и детей выборгских мещан, а также вывезенное ими имущество, гарнизон не будет отпущен. Основание – «гражданя выборгские по капитуляции под владетельством Его царского величества обретатися имеют»[38]. Тем самым Пётр ещё до подписания мирного договора со Швецией признавал жителей завоеванного шведского города своими подданными.

При таком повороте событий прежние поиски мирного диалога со Швецией с позиции равенства сторон завершились. Россия окончательно перешла к политике жёсткого принуждения Швеции к миру, используя все возможные средства давления. Вытеснив шведов с южного побережья Балтики, Пётр с той же целью, но в союзе с датчанами и саксонцами, устремился в шведскую Померанию, и эта цель была вскоре достигнута. С 1713 г. царь приступил к завоеванию Финляндии. В письме генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину (октябрь 1712 г.) он назвал Финляндию «титькой Швеции, как сам ведаешь, не только что мяса и протчее, но и дрова оттоль» и рассчитывал экономически надавить на противника, лишавшегося, вследствие потери заморских территорий, половины доходов государственного бюджета. Экономическая блокада должна была, по мысли Петра, привести Швецию к «разорению», и тогда, как писал склонный к образности царь, «шведская шея мяхче гнутца станет»[39]. К 1714 г. Финляндия была оккупирована, но «наклонить» Швецию таким образом не удалось.

Получалось, что с каждым успехом на поле боя и в дипломатической игре у Петра возникала уверенность, что шведы сломлены и заключение мира на его условиях близко, но вскоре наступало разочарование – шведы не мог-

[35] *ПБП*. Т. 10. С. 645-646; ГСВ. Т. 1. С. 350.
[36] *ГСВ*. Т. 1. С. 350-351.
[37] *ПБП*. Т. 11. Вып. 1. С. 242.
[38] *ПБП*. Т. 10. С. 632.
[39] *ПБП*. 1975. Москва. Т. 12. Вып. 2. С. 197-198.

ли смириться с утратой своей страной имперского статуса, вновь показывали «упрямство», а, в сущности, проявляли стойкость и терпение. Каждый раз они находили внутренние ресурсы для сопротивления, и опять мир для Петра оказывался недостижимым.

Только к 1718 г., во многом благодаря усилиям голштинца Г. Гёрца, фаворита Карла XII, на Аландских островах начались русско-шведские переговоры, но они были бесплодными, ибо Швеция и тогда не была готова во имя необходимейшего ей мира смириться с огромными территориальными потерями. Но всё же к концу Северной войны, даже до заключения мира, Пётр уже осуществил мечту своей молодости – Россия вышла к морю, и царь наконец-то смог, как писал через сто лет А.С. Пушкин, «ногою твёрдой встать при море». Петербург стал той реальностью, в которой не сомневались даже шведы и в переговорах они уже больше не ставили вопрос о возвращении Швеции устья Невы. Любопытно, что во время обсуждения условий мира в 1721 г. Пётр внёс поправку в шведский проект договора: против места в проекте, где сказано, что Швеция уступает «Ингерманландию с Петербургом», Пётр пометил: «…о Петербурге упоминать не надлежит, ибо оного при их владении не было»[40]. Это к вопросу о том, что шведы считали город своим, незаконно построенным на их территории.

После 1714 г. все переговоры велись преимущественно о судьбе «барьерных» территорий – Эстляндии, Финляндии и Выборга и отчасти Кексгольма. Долгое время в центре был вопрос о судьбе Лифляндии, важнейшей заморской провинции Швеции. На протяжении десяти лет с начала войны Пётр и его дипломаты уверяли Августа II, что Россия передаст Лифляндию в личное владение короля – это было негласное условие заключения Северного союза. В переговорах с Речью Посполитой её право на владение этой территорией, отобранной Швецией в 1620 г., также не ставилось под сомнение.

Но после того как русская армия взяла Ригу, всё переменилось. В мае 1711 г. в беседе с французским посланником де Балюзом вице-канцлер П.П. Шафиров сказал, что шведский король «требует возвращения провинций, которыми царь в настоящее время владеет по праву войны, что это невозможно исполнить по справедливости и вследствие лучшего положения, в котором находится его государь и что, кроме того, он имеет на Лифляндию такие же притязания, как и король и Речь Посполитая»[41]. Здесь отчётливо прозвучал традиционный мотив «справедливости сильного», оправдывающий завоевания. Тем самым впервые с начала Северной войны Россия, находившаяся в выигрышном, лучшем, чем Швеция положении, предъявила свои права на Лифляндию. Это выразилось, для начала, как сказано выше, в приведении её жителей к присяге. Правда, на-

[40] Голиков. *Деяния Петра Великого*. Т. 8. С. 215-216, 218.
[41] РИО. 1881. Санкт-Петербург. Т. 34. С. 68-69.

мерение инкорпорировать Лифляндию (в отличие от Эстляндии), и даже присяга её жителей не закрывали вопроса о её принадлежности после заключения возможного мира.

Дело в том, что Лифляндия длительное время выступала классической разменной картой в геополитических расчётах Петра, который не мог не считаться с мнением великих держав, с тревогой смотревших на быстрое усиление России и расширение её владений. Это сдерживало Петра, особенно когда в лагере противников России оказалась Англия, чей король Георг I был раздражён имперской попыткой Петра внедриться в Германию, разместив войска в Мекленбурге, что создавало угрозу Ганноверу – наследственному владению Георга. Могущество Англии с её прославленным флотом, который входил в Балтику и блокировал русский флот в гавани Ревеля, вынуждало Петра быть осторожным. Он был готов пожертвовать Лифляндией во имя достижения (хотя бы в виде прелиминарного условия), бесспорного признания Швецией и её союзниками за Россией «наследственных земель» (Ингерманландия, Карелия). Пётр был готов принять так называемый Гузумский проект мирного договора, разработанный в Северном союзе ещё в 1712-1713 гг. В этом проекте было зафиксировано признание «дедин и отчин» за Россией и предполагалось, что Лифляндия отходит к Августу II и (или) Речи Посполитой, Рига же объявляется вольным городом (Крылова 1959: 196).

Более того, царь был согласен даже вернуть Лифляндию шведам с условием разрушения там всех крепостей и уступки России (вместо Лифляндии) Финляндии, которая, так же как и Лифляндия, с момента её завоевания в 1714 г. стала разменной картой в переговорах со шведами. При этом Пётр, заняв Финляндию, как сказано выше, для удушения экономики Швеции, имел и другую прагматическую цель – чтобы во время переговоров «было б что при мире (в смысле – при заключении мира) уступить»[41]. Позже, в 1721 г., так и произошло.

Переговоры о мире

Проходившая в 1718 г. на Аландских островах русско-шведская дискуссия, инициатором которой был Г. Гёрц, внезапно оборвалась с гибелью Карла XII в конце 1718 г. Гёрц был отозван с переговоров, судим и казнён, а позиция шведского правительства стала жёстче: Стокгольм получил миллион талеров и военно-морскую поддержку из Лондона и уже не соглашался ни на какие уступки.

Тогда для победного завершения войны Пётр решился применить свою «хиросиму» – начать «экзекутивные» десанты на побережье собственно Швеции. Мысль о том, чтобы сломить волю шведов к сопротивлению тотальным уничтожением их городов, деревень и всей прибрежной инфраструктуры Швеции,

[42] *ПБП*. Т. 12. Вып. 2. С. 197-198.

пришла ему давно. Ещё в 1716 г., в союзе с датчанами, он планировал подобную операцию в Сконе, но тогда десант не состоялся. Теперь ничто не мешало осуществлению операции устрашения. Как сообщал в Лондон в 1719 г. Д. Джефферис, один из сподвижников Петра сказал ему, что будет сделано всё, чтобы «пламя войны нужно перенести к самой столице Швеции» («…il falloit porter le flambeau de la guerre jusques dans la capitale de la Suède»)[43].

Русским галерам с десантом нужно было проскочить от Аландских островов к берегам Швеции, пока в Балтику не вошла английская эскадра и не помешала задуманному разгрому шведского побережья. И хотя Пётр опасался английского флота и своим морякам писал, что при необходимости надо отступать, ибо «от сильного ретироваться стыда нет»[44], операции прошли успешно, англичане с приходом к шведским берегам опоздали. Дважды (в 1719 и 1720 гг.) русский десант (в 1719 г. – 25 тыс. человек) беспрепятственно высаживался на шведский берег. Солдаты сожгли около 2 тыс. деревень, замков, мыз и городков (около 17 тыс. дворов), десятки предприятий и мельниц, были подожжены обширные леса[45]. Правда обошлось почти без человеческих жертв – прибрежное население поспешно бежало вглубь страны, а экспедиционному корпусу категорически запрещалось брать «ясырь» – позволено было забирать только скот и материальные ценности. Одновременно Пётр давил на шведов жёсткими ультимативными нотами.

Устрашённый видом горящих пригородов Стокгольма (один из русских отрядов оказался в 10 км от столицы) и перспективой нового нашествия, вступивший на престол король Фредерик I предложил провести прямые мирные переговоры в Ништадте.

Парадокс окончания Северной войны состоял в том, что к тому времени Россия уже растеряла союзников и друзей и оказалась фактически в изоляции, как было в 1707 г., после распада Северного союза, когда Пётр был этим страшно удручён[46]. Но в 1721 г. одиночество уже не страшило царя: благодаря радикальным реформам и мобилизации людских и материальных ресурсов Россия резко усилилась. Пётр уже мог не считаться ни с кем на Балтике. По словам Джеффериса, ему говорили в Петербурге, что напрасно Швеция испытывает терпение Петра, так как «он достаточно силён, чтобы принудить их к миру и без посторонней помощи» («…ils sont assez capables par leur propre force d'en tirer une paix selon leur souhaite»)[47]. В одном из писем весной 1721 г. царь в свойственной ему прагматичной манере так выразился касательно угрозы со стороны Англии: «…агличан опасатца нечево, <…> понеже никакой прибыли в том нет им»[48].

---

[43] *РИО*. Т. 61. С. 468.
[44] *Архив Санкт-Петербургского института истории РАН* (далее – АСПбИИ). Ф. 270. Оп. 1. Д. 97. Л. 360.
[45] *АСПбИИ*. Ф. 270. Оп. 1. Д. 90. Л. 491–492; (Ullman 2006).
[46] *РИО*. Т. 61. С. 383.
[47] *РИО*. Т. 34. С. 68.
[48] *АСПбИИ*. Ф. 270. Оп. 1. Д. 97. Л. 383.

В кругу своих сподвижников он потешался над тем, как грозный англо-шведский флот адмирала Джона Норриса, придя в 1720 г. к берегам Эстляндии, ничего не добился и смог только сжечь сарай и баню на острове Нарген[49]. Пётр полагал, что Швеция напрасно возлагает надежды на английскую помощь и что она, в конечном счёте, останется один на один с Россией. Это и понял новый король Фредерик I, чуждый шведским имперским рефлексиям, морально не связанный обязательствами прежнего правления. Для него, немца из Касселя, вся эта долгая война была уже историей, и с ней нужно было покончить.

Весной 1721 г. Пётр предъявил окончательные условия: в полное владение России отходят Ингерманландия и Эстляндия, а также Выборг «с пристойною бариерою, також и в Карелии город Кексгольм с некоторым дистриктом». За Лифляндию Пётр обещал дать «определённую сумму денег», с рассрочкой на четыре года, причём дипломатам предписано было «торговаться о деньгах», а Финляндию и болотистую часть Карелии, кроме Выборга и Кексгольма, царь был готов вернуть Швеции[50]. Словом, после непродолжительных переговоров в Ништадте осенью 1721 г. Пётр получил всё, что хотел и даже больше, чем мечтал в 1703 году. Ништадтский мир ознаменовал полную и безусловную победу России над Швецией, прежним имперским владетелем Балтики.

Имперские горизонты Петра

Мир принёс России новые территории, легитимизировал её выход к морю, обеспечил законность существования нового города-столицы. Но главным и прямым следствием Ништадтского мира стало провозглашение Российской империи в европейском понимании этого статуса. Важно отметить, что провозглашение империи стало эманацией установившегося при Петре жёсткого полицейского режима самодержавия, непосредственно отразившейся во внешней политике. С тех пор для России стали характерны такие черты имперской государственной репутации (свойственной и другим великим державам того времени), как территориальная экспансия, культ имперской силы и стремление к безусловной гегемонии над соседями. Культ имперской силы должен был наводить страх на соседей империи. И это уже к концу Северной войны было достигнуто. Вице-канцлер П.П. Шафиров писал в «Рассуждении о причинах Свейской войны» (1717 г.): «И могу сказать, что никого так не боятся, как нас» (Шафиров 1987: 548-549). Поддержание страха в соседях, по мнению Шафирова, необходимо во избежание реванша побеждённых (Шафиров 1987: 548-549). Добавим к месту, что распространённый миф о Швеции, которая якобы с времён Полтавы стала сугубо мирной страной, опровергается фактами – дважды: в 1740–1741 и 1788-1790 гг. шведы пытались взять реванш, изменить условия Ништадтского мира

[49] *АСПбИИ*. Ф. 270. Оп. 1. Д. 93. Л. 472.
[50] Голиков. *Деяния Петра Великого*. Т. 8. С. 198-200.

1721 года. Фантомные имперские боли Швеции привели к войне с Россией, которая показалась реваншистской «партии шляп» ослабевшей из-за внутренних нестроений времен правления Анны Леопольдовны.

При всей жёсткости собственного политического режима Россия уже со времён Петра трепетно заботилась о сохранении политической толерантности в Швеции и Речи Посполитой, выступая гарантом свобод в этих странах, что позволяло России сохранять своё преимущество над ними.

Победа над Швецией привела Петра к мысли о постоянном поддержании культа имперской силы как гарантии безопасности России. Негативным, резко отрицательным примером для Петра была Византия, чьё якобы миролюбие и пренебрежение могуществом вооружённых сил привело империю к гибели («о греческом падении от презрения войны»)[51]. В результате имперских побед резко вырос престиж России. Архиепископ Феофан (Прокопович) – теоретик петровского самодержавия, говорил в одной из своих проповедей о волшебном эффекте перемен, происшедших с соседями после победы в войне: «…те из них, которые нас гнушалися яко грубых, ищут усердно братства нашего; которыи бесчестили – славят; которые грозили, боятся и трепещут; которые презирали – служити нам не стыдятся; многии в Европе коронованныи главы в союз с Петром <…> идут доброхотно; <…> отменили мнение, отменили прежния свои о нас повести, затерли историйки своя древния, инако и глаголати и писати начали; поднесла главу Россия – светлая, красная, сильная, другом любимая, врагом страшная (Феофан (Прокопович) 1760: 115).

Феофан и другие публицисты того времени рисовали новую реальность: созданную с выходом к морю имперскую Россию, распрощавшуюся со своим прошлым – архаичным, слабым. В новой системе международных отношений Россия, поначалу встреченная без восторга за столом великих держав, стала активно участвовать в сколачивании союзов, формировании блоков, коалиций, азартно вела закулисную борьбу по разделу сфер влияния и непрерывно расширяла свою территорию.

Начало этого пути было положено сразу же после Ништадтского мира и провозглашения империи. Поражает масштаб начатых имперских мероприятий Петра: в Петербурге была принята программа строительства огромных, 100-пушечных, кораблей, предназначенных для океанского плавания, продолжились экспедиции с целью проникновения в Среднюю Азию, в 1722 г. начался Персидский поход, занятие, а затем и аннексия западного побережья Каспия, а также двух североиранских провинций, причём у Петра были впечатляющие по масштабам планы их освоения. Не менее грандиозен был план Петра построить новый Петербург в устье Куры, сделав его центром мировой торговли, и для этого хотел организовать (типа Ост-Индской) торговую компанию во главе с аван-

[51] *Законодательные акты Петра I*. 2020. Сост. Н.А. Воскресенский. Москва. Т. 2-3. С. 336.

тюристом Джоном Ло, только что разорившим Францию. Тогда же разрабатывались планы сухопутного похода в Индию (Анисимов 2019: 11). Помимо плана сухопутной экспедиции из Гиляна в Индостан, в 1724 г. Пётр готовил эскадру для завоевания Мадагаскара как базы для броска в Индию. В итоге, Пётр титаническим усилием поставил Россию на имперские рельсы, по которым она и покатилась. А всё началось с юношеской мечты о выходе к морю…

Об авторе:

Евгений Викторович Анисимов — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербургский филиал). 197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7. E-mail: vbrevis@yandex.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: October 15, 2021.
Accepted: November 03.2021.

War and Peace of Peter the Great

E.V. Anisimov
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-7-29

St. Petersburg Institute of History RAS

Abstract: The article analyzes the plans of Peter the Great related to the consolidation of Russia on the shores of the Baltic Sea. It focuses on the emergence of the idea to gain access to the Baltic Sea and the stages of its implementation. During the Northern War of 1700-1721, Russia's peace conditions changed. The article tries to explain the basis for the evolution of Peter the Greate's ideas of achieving the desired peace.
It shows that after the "embarrassment at Narva" in November 1700 and the first success of B.P. Sheremetev at Erestfer in December 1701 in 1702 - 1709, the conduct of hostilities and the diplomatic efforts of Russia were directed exclusively at keeping the outlet to the sea. The creation of St. Petersburg, the transfer of the capital to it, the construction of a defensive system at the mouth of the Neva - all this was aimed at securing the mouth of the Neva for Russia. Russia agreed to the conclusion of a peace, according to which it received only Ingria and Karelia – the old Russian provinces.
After the victory under Poltava in 1709, a new struggle for peace began. The annexation of Livonia, Estland, the temporary occupation of Finland – all these conquests were motivated by the idea for which Russia started the war: keeping and ensuring the safe outlet to the sea. Russia constantly showed its readiness to conclude peace, but Sweden rejected all such attempts because it could not get along with the idea of parting with imperial ambitions. Russia began ten-year-long harsh coercion of Sweden to peace, which resulted in the devastation of a part of the Swedish territories proper by the Russian army and the forced consent

of the Swedes to peace. The Nystad Peace of 1721 ended the war and became the starting point for the extraordinary development of the imperial imagination of Peter the Great. Russia's entry into the world arena as an empire, an autocratic state dangerous to its neighbors and actively participating in the incessant division of the world.

Keywords: Great Northern War 1700-1721, Peter I, Karl XII, St. Petersburg, Aland Congress, Nystad Peace Treaty, access to the sea, imperial imagination, Charles XII, Noteburg (Shlisselburg), Aland Congress, space factor, Sweden

About the author:

Evgenii V. Anisimov — Doctor of Science (History), Chief Researcher, St. Petersburg Institute of History RAS; professor Research University Higher school of Economics (St Petersburg Branch), 197110, Russia, Saint-Petersburg, Petrozavodskaya st., 7. E-mail: vbrevis@yandex.ru.

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Bushkovitch P. 2001. *Peter the Great: The Struggle for Power, 1671-1725.* Cambridge: Cambridge univ. press. 485 p.

Ullman M. 2006. *Rysshärjningarna på Ostkusten sommaren 1719.* Stockholm: Norrköping. 183 p.

Wittram R. 1963. Die Unterwerfung Livlands und Estlands 1710. *Geschichte und Gegenwartsbewußtsein.* Historische Betrachtungen und Untersuchungen, Göttingen. S. 233.

Anisimov E.V. 2019. Peter the Great and the Foundations of his Eastern Policy [Petr Velikij i osnovy ego vostochnoj politiki]. *Petr I i Vostok. Materialy XI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. 2018 goda.* Saint Petersburg: Evropejskij Dom. P. 11-16. (In Russian)

Asker B. 2009. «Naciya, kotoroj nado pokazyvat' zuby». Shvedskij vzglyad na Rossiyu vremen Petra Velikogo [«A Nation that Needs to Show its Teeth». Swedish View of Russia during the Time of Peter the Great]. *Poltava. The Fate of Prisoners and the Interaction of Cultures.* Ed. Toshtendal-Salycheva T. and Juno L. Moscow. (In Russian)

Bantysh-Kamensky N.N. 1902. *Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god) [Review of Russia's Foreign Relations (up to 1800)].* Moscow. Ch. 4. (In Russian)

Fejgina S.A. 1959. *The Aland Congress. Russia's Foreign Policy at the end of the Northern War [Alandskij kongress. Vneshnyaya politika Rossii v konce evernoj vojny].* Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 546 p. (In Russian)

Feofan (Prokopovich). 1760. *Slova i rechi [Words and Speeches].* Saint Petersburg. Part 1. P. 115. (In Russian)

Florovskij A.V. 1959. The Forgotten Appeal of Peter I to the Swedes after Poltava [Zabytoe vozzvanie Petra I k shvedam posle Poltavy]. *Poltava. K 250-letiyu Poltavskogo srazheniya.* Moscow. P. 359-362. (In Russian)

Koningsbrugge H. 2014. *Istoriya poteryannoj druzhby. Otnosheniya Gollandii so Shveciej i Rossiej v 1714 – 1725 gg. [The Story of a Lost Friendship. Dutch Relations with Sweden and Russia in 1714 – 1725].* Saint Petersburg. (In Russian)

Korolyuk V.D. 1952. The Polish-Lithuanian Commonwealth and the Beginning of the Northern War [Rech' Pospolitaya i nachalo Severnoj vojny]. *Uchenye zapiski Instituta slavyanovedeniya.* Moscow. T. 5. P. 259-295. (In Russian)

Krylova T.K. 1959. The Gusum Negotiations on the Northern Peace and the Surrender of the Second Swedish Army of Stenbock in May 1713 [Guzumskie peregovory o severnom mire i kapitulyaciya Vtoroj shvedskoj armii Stenboka v mae 1713 g.]. *Poltavskaya pobeda: iz istorii mezhdunarodnyh otnoshenij nakanune i posle Poltavy.* Moscow. P. 186-208. (In Russian)

Severnaya vojna 1700-1721: k 300-letiyu Poltavskoj pobedy [The Northern War of 1700-1721: the 300th Anniversary of the Poltava Victory]. 2009. Ed. Bloodless L.G. and Kumanev G.A. Collection of documents. Moscow. Vol. 1 (1700-1709). (In Russian)

Shafirov P.P. 1987. *Rassuzhdenie o prichinah Svejskoj vojny. «Rossiyu podnyal na dyby» [Reasoning about the Causes of the Army War. "Raised Russia on its Hind Legs"].* Moscow. Vol. 1. (In Russian)

The Campaigns of Charles XII. Zealand and Narva [Pohody Karla XII. Zelandiya i Narva]. 2014. Perevod so shved. Sholin O., nauch. red. Velikanov V.S., SHolin O. Moscow: Kniga. Tom 1. 136 p. (In Russian)

Ustryalov N.G. 1863. The History of the Reign of Peter the Great [Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo]. Saint Petersburg: Tip. II- go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kancelyarii. T. 4. CH. 1. 631 p. (In Russian)

Vasil'ev V.N. 1960. Ancient Fireworks in Russia (17 – the First Quarter of the 18 Century) [Starinnye Fejerverki v Rossii (XVII – pervaya chetvert' XVIII veka)]. Leningrad: Izd-vo Gos. Ermitazha. 58 p. (In Russian)

Vozgrin V.E. 1986. Russia and European Countries during the Northern War [Rossiya i evropejskie strany v gody Severnoj vojny]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. 296 p. (In Russian)

Литература на русском языке:

Анисимов Е.В. 2019. Пётр Великий и основы его восточной политики. Петр I и Восток. *Материалы XI Международного петровского конгресса.* 2018 года. Санкт-Петербург: Европейский дом. С. 11-16.

Аскер Б. 2009. «Нация, которой надо показывать зубы». Шведский взгляд на Россию времен Петра Великого. *Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур.* Под ред. Тоштендаль-Салычевой Т. и Юнсона Л. Москва.

Бантыш-Каменский Н.Н. 1902. *Обзор внешних сношений России (по 1800 год).* Москва. Ч. 4.

Васильев В.Н. 1960. *Старинные фейерверки в России (XVII – первая четверть XVIII века).* Ленинград: Изд-во Гос. Эрмитажа. 58 с.

Возгрин В.Е. 1986. *Россия и европейские страны в годы Северной войны.* Ленинград: Наука. Ленинградское отделение. 296 с.

Конингсбрюгге Х. 2014. *История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714 – 1725 гг.* Санкт-Петербург.

Королюк В.Д. 1952. Речь Посполитая и начало Северной войны. *Учёные записки Института славяноведения.* Москва. Т. 5. С. 259-295.

Крылова Т.К. 1959. Гузумские переговоры о северном мире и капитуляция Второй шведской армии Стенбока в мае 1713 г. *Полтавская победа: из истории международных отношений накануне и после Полтавы.* Москва. С. 186-208.

Походы Карла XII. Зеландия и Нарва. 2014. Перевод со швед. Шолин О., науч. ред. Великанов В.С., Шолин О. Москва: Книга. Том 1. 136 с.

Северная война 1700-1721: к 300-летию Полтавской победы. 2009. Под ред. Бескровного Л.Г. и Куманева Г.А. Сб. документов. Москва. Т. 1 (1700-1709 гг.).

Устрялов Н.Г. 1863. *История царствования Петра Великого.* Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии. Т. 4. Ч. 1. 631 с.

Фейгина С.А. 1959. *Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце еверной войны.* Москва: Изд-во Акад. наук СССР. 546 с.

Феофан (Прокопович). 1760. *Слова и речи.* Санкт-Петербург. Ч. 1.

Флоровский А.В. 1959. Забытое воззвание Петра I к шведам после Полтавы. *Полтава. К 250-летию Полтавского сражения.* Сб. ст. Москва. С. 359-362.

Шафиров П.П. 1987. *Рассуждение о причинах Свейской войны. «Россию поднял на дыбы».* Сб. мат-лов. Москва. Т. 1.

Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(6). С. 30–48
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-30-48

Check for updates

Россия Петра I: обретение великодержавности

П.А. Кротов

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Статья посвящена вопросу изменения международно-правового статуса России во время правления Петра Великого. Цель статьи состоит в том, чтобы выяснить, когда и каким образом произошло международно-правовое оформление перехода России от статуса региональной державы Евразии к статусу великой державы. По итогам исследования автор приходит к выводу, что Полтавская победа над шведской армией (1709) показала, что Россия создала необходимый для великодержавного статуса военно-промышленный потенциал. Царь постепенно готовил условия для провозглашения России империей, а себя – императором. Признание европейскими государствами принятого Петром I титула императора (1721) не может быть главным критерием определения времени превращения России в великую державу, так как процесс признания императорского титула затянулся на несколько десятилетий. Великодержавное положение России и её новая роль в международных отношениях были равнозначно и своевременно отражены в договорах между ведущими государствами Европы. Изучение международных договоров России с Францией, Австрией, Пруссией, Речью Посполитой, Швецией, Китаем, Османской империей и Крымским ханством показало, что впервые новая роль России в качестве великой державы была закреплена в Амстердамском трактате (1717) между Россией, Францией и Пруссией, согласно которому Россия стала одним из гарантов общеевропейской договорной системы, закрепившей итоги войны за испанское наследство (1701/1702-1714). Следующий договор, имевший подобное значение для утверждения великодержавной роли России в Европе, был подписан в Вене 26 июля (6 августа) 1726 г. с другой великой державой – Австрией. Система договоров, в которую входила, Россия в последние годы правления Петра Великого существенно отличалась от той, которая была в начале его царствования. По Ништадтскому договору (1721) Россия стала гарантом нового внутригосударственного устройства Швеции (которая перестала быть абсолютистским государством) и даже гарантом прав на престол короля Фредрика I (статья 7-я). В союзном оборонительном договоре со Швецией (22 февраля 1724 г.) была закреплена договорённость обеих стран быть гарантами внутриполитического устройства Речи Посполитой. Исследование договоров России с другими странам в конце правления Петра Великого позволяет сделать вывод, что они были одними из опорных конструкций системы международных отношений Европы, что говорит о приобретении Россией статуса великой европейской державы.

УДК: 94, 327
Поступила в редакцию: 11.11.2021
Принята к публикации: 02.12.2021

Ключевые слова: Россия как великая держава, Пётр Великий, императорский титул, Амстердамский договор (1717)

Поднимаемая в статье проблема качественного изменения положения России в системе международных отношений, скачка от роли значимой региональной державы на востоке европейского континента и в Азии до статуса одной из великих держав Европы и политически актуальна, и научно значима. Вопрос о том, является ли Россия в международных отношениях сверхдержавой, великой или региональной державой с учётом исторической ретроспективы служит предметом исследований, в том числе историков (Neumann 2005: 13). Историк Б.Н. Миронов справедливо, на взгляд автора, обращает внимание на то, что непризнание западными государствами великодержавной роли России как империи в Евразии в конце правления Петра Великого «до смешного напоминает усилия современных США понизить статус России как великой державы до статуса региональной державы» (Миронов 2015: 645). Любопытно, что иногда в научной литературе выдвигается важный тезис, но автор не озадачивает себя приведением каких-то аргументов, фактов, цифр в защиту выдвинутой мысли. Ф.К. Шнейд, для образца, делает довольно странное, по моему мнению, утверждение, что Россия оказалась полностью вовлечённой в общеевропейскую политику и военные конфликты начиная только со времени Семилетней войны (1756–1763) (Schneid 2012: 7).

Критерий современной великодержавности чёткий и определённый – постоянное членство государства в Совете Безопасности ООН с правом вето. Для времени же Петра Великого, вообще для конца XVII и XVIII столетий вопрос критериев великодержавности, времени оформления (или утраты) великодержавного статуса странами составляет предмет дискуссий, требующий углублённого анализа.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, когда и каким образом Россия совершила качественный скачок в своём международно-правовом статусе: от державы регионального значения к великой державе Европы, и в чём это выразилось.

Историографический обзор научной литературы

В отечественной историографии последних десятилетий изучение вопроса о времени приобретения Россией статуса великой европейской державы отличается чёткой постановкой проблемы, исследовательских вопросов, нацеленным поиском критериев великодержавного статуса и анализом положения России именно в системах международных отношений.

Статус России как региональной державы накануне правления Петра I выпукло очерчен историком международных отношений Л.А. Никифоровым:

«Но вплоть до начала XVIII в., до Петра I, сфера участия России в европейских международных отношениях ограничивалась соседними странами Восточной и Юго-Восточной Европы – Польшей, Швецией и вассалом Оттоманской империи – Крымским ханством. Участия в делах западноевропейских Россия не принимала, а её политические контакты со странами Западной Европы были эпизодическими. Правительства западноевропейских стран в свою очередь принимали в расчёт силы и возможности России только в тех случаях, когда дело касалось пограничных с Россией государств – Польши, Швеции и в конце XVII в. Турции» (Никифоров 1973: 9–10). Вывод Л.А. Никифорова подтверждён и в сравнительно недавнем фундаментальном монографическом исследовании К.А. Кочегарова: «Детальный анализ внешней политики России … не подтверждает тезиса советской историографии о якобы значительной и весомой роли России на международной арене в 1680-е гг., и в частности, о способности русской дипломатии повлиять на ослабление французско-габсбургских противоречий. Такое утверждение было бы правомерно, по крайней мере, со времени Полтавской битвы» (Кочегаров 2008: 469).

Перспективное направление для исследований обозначил выдающийся историк международных отношений Г.А. Некрасов. Оговорив некоторую нечёткость самого понятия и определений «великая держава» и «великодержавство» («великодержавие») применительно к XVIII столетию, он высказался, что под «великими державами» этого исторического периода он понимает «наиболее крупные европейские государства, игравшие ведущую роль в международных отношениях» (Некрасов 1972: 381). Главное же состояло в том, что историк обратил внимание на то, что «приобретение ранга великой державы находило тогда своё юридическое отражение в международных актах и соглашениях, официально признанных ведущими государствами Европы и содержащих определённые договорённости о титулатуре и этикете» (Некрасов 1972: 381). Историк заключил, что поэтому и признание императорского титула за российскими монархами и России империей «имеет непосредственное отношение к международно-правовому оформлению российского великодержавия» (Некрасов 1972: 381). Г.А. Некрасов сделал ещё один важный вывод: на момент заключения Ништадтского мирного договора (1721) к великим державам в Европе следует отнести такие страны как Австрия, Великобритания, Россия и Франция; великодержавный же статус Пруссии оформился, по мнению историка, позднее – в 40-х годах XVIII столетия (Некрасов 1972: 381). Автор статьи согласен с заключением глубокого знатока международных отношений, но с тем исключением, что в XVIII столетии следует считать в числе великих держав также и Османскую империю.

Г.А. Некрасов, приведя даты признания императорского титула за русскими самодержцами после принятия Петром I титулов Великого, Отца Отечества и императора Всероссийского (22.10.1721) рядом иностранных государств, пришёл к выводу, что «императорский титул давался иностранными правительствами неохотно и под большим нажимом», что «юридическое признание Рос-

сийской империи на международной арене … затянулось надолго» (Некрасов 1972: 387, 388). Однако историк не произвёл поиска других возможных критериев положения России как великой державы.

Большой вклад в изучение процесса приобретения Россией великодержавного положения при Петре I внёс В.Е. Возгрин. Согласно работам этого историка, в заключавшихся с западными державами союзах накануне Великого посольства (1697–1698) Россия «большим весом не пользовалась, о её лидирующей позиции не могло быть и речи» (Возгрин 1986: 280). Но уже во время Великого посольства, когда были заложены основы сильной коалиции против Швеции, «региональная политика России сменяется общеевропейской, глобальной», то есть, как сделал вывод В.Е. Возгрин, «задолго до Полтавы» (Возгрин 1986: 280).

Тему становления России в качестве великой державы при Петре I рассматривал также и Г.А. Санин. Он развивал мысли предшественников и сделал следующий вывод: «Полтавская победа 27 июня 1709 г. положила начало превращению России в великую европейскую державу» (Санин 1998: 35).

В своей работе автор опирается на мысль Г. А. Некрасова, что ранг великой державы, одного из наиболее мощных в военно-политическом отношении государств мира, игравшего структурообразующую роль в международных отношениях, должен был отражаться в международных договорах и иных правовых актах, признававшихся официально одной или несколькими великими державами Европы. Изучив совокупность договоров петровской России с иностранными державами, автор сделал вывод, что впервые в международном договорном праве Европы роль России как великой державы оформил Амстердамский союзный оборонительный договор между Россией, Францией и Пруссией от 4(15) августа 1717 г. В этом договоре Россия впервые выступила как гарант Утрехтского (1713) и Баденского (1714) договоров, которые завершили войну за Испанское наследство (1701/1702–1714). В результате автор пришёл к выводу, что «постоянно растущий авторитет России в международных делах достиг, таким образом, качественно новой ступени (гарант общеевропейской стабильности), получившей международно-правовое признание со стороны одной из великих держав – Франции. Амстердамский договор также оформил в международном праве политическую интеграцию России в систему общеевропейских политических отношений, попутно в договоре Франция впервые признала за русским монархом титул «величества», уравнивавший его правовое положение в отношении титулатуры с французским королём» (Кротов 1998: 117). Ранее автор также высказывал убеждение, что вторично в общеевропейскую договорную систему в качестве великой державы Россию включил подписанный в Вене 26 июля (6 августа) 1726 г. союзный оборонительный и наступательный трактат с Австрией, которым обе договаривавшиеся стороны взаимно гарантировали границы. Австрия же присоединилась к российско-шведским Ништадтскому трактату 1721 г. и союзному оборонительному российско-шведскому договору

1724 г. Таким путём Россия вторично вводилась в общеевропейский «концерт» в качестве одного из краеугольных камней, одной из несущих конструкций системы международных соглашений (Кротов 1998: 117–118).

Несмотря на успешное продвижение исследовательского процесса, к настоящему времени вопросы о времени становления России в качестве великой державы, о международно-правовом оформлении её в качестве великой державы остаются предметом споров и нуждаются в продолжении изучения.

Положение Российского государства в международной договорной системе к началу Великой Северной войны

В начале правления Петра I основой стабильного положения страны были мирные договоры с соседними государствами: вечный мир со Швецией (21.6(1.7).1661), Бахчисарайский договор с Османской империей и Крымским ханством (3(13).1.1681), вечный мир с Речью Посполитой (26.4.(6.5)1686) и Нерчинский договор с Империей Цин (27.8(6.9).1689). По ним фиксировались либо подтверждались границы между странами.

Подписанием Кардисского вечного мира со Швецией Россия предотвратила возможность одновременной войны против Швеции и Речи Посполитой, но уступила все завоевания в Прибалтике, полученные в ходе войны 1656–1658 гг. и не возвратила выхода к Балтийскому морю. Бахчисарайское перемирие по итогам войны 1672–1681 гг. остановило натиск на российские границы с юга. Военная машина Османской империи забуксовала на рубеже Днепра при осаде Чигирина (1677). Мощь Османской империи тем самым была перенаправлена на запад, и в 1683 г. турецкими войсками осаждалась уже столица Священной Римской империи Вена (пусть и неудачно). Историческое значение Бахчисарайского мирного договора состоит в том, что был положен территориальный предел турецкой экспансии против Российского государства. По утверждённой границе земли к северу от Днепра и Киев оставались за Россией. Вечный мир с Речью Посполитой закрепил за Россией Смоленские земли, Левобережную Украину и Киев. Нерчинский договор с Империей Цин, по которому Россия уступила Албазин и отказалась от территорий к северу от Амура, обеспечил мирное освоение огромных пространств Сибири на протяжении около полутора столетий, установив границу страны с Китаем по Аргуни и Становому хребту до Охотского моря. Таким образом, Россия ко времени начала правления Петра I была «региональной державой», отжатой внутрь Евразии соседними мощными и крупными по площади государствами, которая не имела сил для решения задач получения выходов к побережьям Балтийского и Чёрного морей, столь необходимых для развития экономики и повышения внешнеполитического веса.

Внешнеполитический курс, взятый державою Петра I, отличался явным новаторством. Старинная идея «собирания русских земель» – исторического наследия Древней Руси, как главная задача единого Русского государства, по

словам польского историка А. Новака, сменилась при царе-преобразователе «задачей более амбициозной – России войти в Европу» (Krokosz P. 2020: 39), а по моему мнению, главную идею государственного строительства и внешней политики Петра I можно сформулировать в обобщённом виде так – превратить Московскую Русь в империю Всероссийскую, в великую державу – неотъемлемую часть европейской системы международных отношений (Кротов 2018 : 8, 24).

По результатам Великой Северной войны (1700–1721) Россия обрела широкий доступ к Балтийскому морю, основала на его берегах новую столицу, создала сильный военно-морской флот и прочно вошла в европейскую межгосударственную договорную систему. Каковы самые главные вехи продвижения страны по пути к великодержавному статусу?

Россия Петра I на пути к великодержавному статусу (1709–1717)

Итак, по мнению автора, время приобретения Россией великодержавного статуса, начало её качественно новой роли в межгосударственных отношениях Европы следует искать, анализируя содержание договоров, заключавшихся страной с иностранными державами.

Решительный разгром шведской армии под Полтавой, пленение её остатков на Днепре, бегство короля Карла XII в пределы Турции изменили соотношение сил в Европе. Историк Г. А. Санин высказался так: «После Полтавы Россия вступает на долгий и сложный путь превращения в великую державу, то есть в такую державу, позиция которой оказывала порой решающее влияние на развитие международной ситуации» (Санин 1998: 40). Сразу же после Полтавской победы был восстановлен направленный против Швеции Северный союз. В октябре 1709 г. Пётр I подписал союзный наступательный договор с Августом II, королём Польши и курфюрстом Саксонии[1], присоединился к тройственному оборонительному датско-саксонско-прусскому союзному трактату от 15 июля 1709 г.[2]. Наступательный и оборонительный трактат с Данией 22 октября того же года заключил русский посол в Копенгагене В.Л. Долгоруков[3]. В.Е. Возгрин пришёл к выводу: «… в послеполтавский период обращают на себя внимание русские политические инициативы, более свойственные великим державам, чем странам, серьёзно ущемлённым в своих международно-правовых интересах, борющимся за «место под солнцем». Ранее политические цели Петра I касались прежде всего неотложных, самых актуальных нужд страны, которую он вверг в чрезвычайно сложную внешне- и внутриполитическую ситуацию: он удержи-

[1] *Письма и бумаги императора Петра Великого.* 1950. Т. 9, вып. 1. Москва, Ленинград: издательство АН СССР. С. 400–407.

[2] *Письма и бумаги императора Петра Великого.* 1950. Т. 9, вып. 1. Москва, Ленинград: издательство АН СССР. С. 420–425.

[3] П*исьма и бумаги императора Петра Великого.* 1950. Т. 9, вып. 1. Москва, Ленинград: издательство АН СССР. С. 496–502.

вал партнёров по Северному союзу, которые стремились его покинуть, пытался передать свои войска в качестве вспомогательных для приобретения воинского опыта, торговался из-за субсидий, шёл на всё, чтобы отвести удары противника от своих войск, сталкивая с ним союзников, домогался, несмотря на унизительные отказы, принятия России в Высокий союз … » (Возгрин 1986: 271).

В.Е. Возгрин заключил, что в 1709–1710 гг. российская «политика окончательно становится политикой великой державы Нового времени» (Возгрин 1986: 281). Однако историк полагал, что «до первых актов, свидетельствующих о международном признании её в ранге великой державы, оставалось ещё около 10 лет» (Возгрин 1986: 271).

На наш взгляд, пожалуй, главной (пусть и скрытой) причиной учреждения Сената в 1711 г. был расчёт царя, что после задуманной впечатляющей победы над Османской империей в 1711 г. или позднее именно Сенат должен был поднести ему титул императора, подобно тому, как это сделал Римский сенат после военных побед Юлию Цезарю в 46 г. до н.э. Об этом он, естественно, не мог написать в указе об учреждении этого высшего учреждения (Кротов 2018: 592). «Триумфа» на Пруте, как известно, у Петра I в 1711 г. не получилось. На мой взгляд, подробно обосновывавшийся в предыдущих исследованиях, именно деятельность Юлия Цезаря, Александра Македонского и римского императора Константина служила для царя Петра I главными образцами при строительстве империи (Кротов 2013: 5; 2017: 26). Не случилось запланированного завершения войны со Швецией и в 1714 г., когда царь думал осуществить российско-датский план совместных действий соединённого флота от Ревеля (ныне Таллин), высадки союзного десанта у шведской приморской крепости Карлскруны и захвата военно-морского флота Шведского королевства в этой гавани. 23 февраля 1714 г. усилиями посла В.Л. Долгорукова и присланного в Копенгаген генерал-адъютанта царя П.И. Ягужинского с датским королём Фредериком IV был согласован проект договора, по которому датский флот должен был соединиться с российским у Ревеля и далее совместными усилиями следовало «аттаковать порт Карлискронской и разорить флот швецкой» – статья 1-я договора (Кротов 2013: 62). Царь двинулся с флотом в море на следующий день после объявления Санкт-Петербурга в качестве «царствующаго града», которое совершенно не случайно произошло в день апостола Иоанна Богослова 8 (19) мая 1714 г. («царствующий град» приобрёл ещё одного небесного покровителя). Создание новой столицы (подобно Александру Македонскому и римскому императору Константину Великому) составляло, по мнению автора, другую важнейшую часть концепции правления монарха. Объявить о переносе столицы царь решился только в ожидании завершения войны в том же 1714 г.[4]. Итогом кампании 1714 г. стала

[4] Во избежание ненужных внешнеполитических осложнений объявление Санкт-Петербурга «царствующим градом» 8 (19) мая 1714 г. было явно осознанно сделано в «малозаметной» форме, но весомо и уверенно – на титульном листе главного ежегодного официального российского издания «Календарь или месяцеслов» на 1714 г.

не победа над шведским флотом в генеральной баталии (подобной Полтавской на суше), но захват царём в качестве контр-адмирала (шаутбенахта) в итоге упорного сражения при полуострове Гангут 27 июля шхерного отряда шведского контр-адмирала Н. Эреншёльда. Как следствие, в 1714 г. Швецию не удалось принудить к заключению выгодного России мирного договора. По этой причине Сенат поднёс Петру I, победителю в морской баталии, во время триумфа на Неве 9 сентября 1714 г. не титул императора, а только следующий военно-морской чин вице-адмирала (Кротов 2013: 62, 192, 211, 214, 228, 236). Путь к провозглашению страны империей, к превращению её в признанную великую державу, как видно, не шёл для царя по самым благоприятным сценариям развития событий, но Пётр I неуклонно двигался к поставленной цели, преодолевая трудности и временами терпя неудачи. Поднесение российскому монарху Сенатом «имянем всего Всероссийскаго государства подданных» титулов Великого, Отца Отечества и императора Всероссийского произошло только по итогам победы России над Швецией в войне 1700–1721 гг. 22 октября 1721 г.[5].

Итак, Полтавская виктория показала, что Россия набрала необходимый для великодержавного статуса военно-экономический потенциал, но победный гром российских пушек на Полтавском поле не означал международно-правового оформления новой роли страны в международных отношениях.

После победы под Полтавой фиксируется пусть ещё очень осторожная, но неустанная работа российского правительства над продвижением признания императорского титула за Петром I со стороны правителей Европы. Договор о браке племянницы царя Анны Иоанновны и герцога Курляндии Фридриха Вильгельма, подписанный в Санкт-Петербурге 10 (21) июня 1710 г., был заключён от имени «царя и императора Всероссийского» (Czaar und Imperator von Aller Rußland)[6].

Российской стороне важно было закрепить договором установившуюся с середины XVI столетия, со времени возобновления политических связей между Россией и Англией, практику неуклонного употребления императорского титула правителями Англии (а затем Великобритании), одной из великих держав Европы, по отношению к монархам России[7]. Для решения этой задачи был использован торжественный приём, устроенный в Грановитой палате Московского кремля 5 (16) февраля 1710 г. чрезвычайному великобританскому послу

---

[5] *Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого)*. 2004. Вып. 1. Сост. Т. С. Майкова. Москва: Кругъ. 632 с. С. 536-539.

[6] *Российский государственный архив древних актов. Ф. 156 (Исторические и церемониальные дела). Оп. 1. Д. 12. Л. 2;* Договор бракосочетания царевны Анны Иоанновны с герцогом Курляндским Фридрихом Вильгельмом. 10 июня 1710 г. URL: http://romanovy.rusarchives.ru/anna-ioannovna/dogovor-brakosochetaniya-carevny-anny-ioannovny-s-gercogom-kurlyandskim-fridrihom (дата обращения: 12.12.2021).

[7] Исключением является краткий отрезок времени при короле Карле II (1660–1685), который в грамотах начиная с 1681 г. вместо императорского титула стал употреблять такой: «Lord Tzar and Great Duke» (Бантыш-Каменский Н. Н. 1803. Историческое показание о российско-императорском титуле. *Научно-исследовательский отдел рукописей БАН*. Санкт-Петербург. 12.4.18 нов. Л. 6–7).

Ч. Уитворту. Порядок церемонии, в ходе которой это должно было произойти, подробно обсуждался во время переговоров британского посла с самим царём, канцлером Г.И. Головкиным, подканцлером П.П. Шафировым и другими дипломатами. В произнесённой в Грановитой палате сначала по-английски речи Ч. Уитворт десять раз упомянул, обращаясь к Петру I, титул «Его цесарское Величество». Затем речь была прочитана по-немецки для иностранного дипломатического корпуса, потом по-русски. Во вручённой затем Ч. Уитвортом российскому монарху грамоте королевы Анны I от 15 августа 1709 г. императорский титул употреблялся 22 раза. На совещании 9 февраля 1710 г. в доме канцлера Г.И. Головкина было документально закреплено, что британская сторона и впредь будет неукоснительно применять в обращении к российским монархам титул императора (Кротов. Признание … 2017: 176, 184). Пётр I же обязался вместо титула «Аглинское Величество» употреблять в грамотах титул «Великобританское Величество» (Никифоров 1950: 62).

Высоко поднявшая престиж России, её монарха, её вооружённых сил, Полтавская победа создала условия и для установления связей родства и свойства с представителями правящих домов Европы. Такие связи тоже закрепляли «вхождение» страны в качестве неотъемлемой части в европейскую систему международных отношений. Сын царя Алексей, наследник престола, заключил статусный брак (1711) с Шарлоттой Кристиной Софией Брауншвейг-Вольфенбюттельской, сестра которой Елизавета-Кристина была супругой австрийского императора Карла VI (1711–1740). Попытка сватать дочь Петра Великого Елизавету за короля Франции Людовика XV не увенчалась успехом. Однако старшая дочь Петра Великого Анна при жизни монарха была сговорена (1724) и в 1725 г. сочеталась браком с его королевским высочеством Швеции Карлом Фридрихом, герцогом Гольштейн-Готторпским, племянником бывшего короля Швеции Карла XII и вероятным кандидатом на шведский трон после смерти короля Фредрика I (1720–1751), который не имел законных детей. Племянницы Петра I были выданы замуж за правителей небольших немецких государств, которые по своему географическому положению были важны для России, и эти браки также закрепляли качественно более тесное внедрение России в общеевропейскую систему международных отношений. Анна Ивановна стала супругой герцога Курляндии (1710), Екатерина Ивановна венчалась с герцогом Мекленбург-Шверинским (1716).

Желание монархов ключевых европейских держав установить свойство с Петром I свидетельствовало о том же: после виктории при Полтаве Россия вступила в «клуб» реальных великих держав, вершивших дела Европы. В 1715 г. великобританский король Георг I в грамоте царю выказал готовность стать крёстным отцом его дочери Маргариты, умершей в младенчестве. Соглашался быть крёстным отцом Маргариты и император Священной Римской империи Карл VI. 29 ноября 1715 г. Георг I благодарил царя за выбор его в качестве восприемника от купели (заочного) сына царя Петра Петровича (1715–1719) (Болотина 2015: 720).

Но в международном договорном праве новая роль России как великой державы, способной оказывать в ряде случаев решающее влияние на дела континента, впервые была закреплена именно в Амстердамском договоре (4(15).8.1717) между Россией, Францией и Пруссией. В этом договоре с одной из великих держав – Францией (Пруссия – более слабое государство; она играла вспомогательную роль), была закреплена принципиально новая роль России как гаранта европейской системы межгосударственных отношений, сложившейся после заключения Вестфальского мира 1648 г. (Кротов 1998: 114, 119). Г.А. Санин высоко оценил значение Амстердамского договора. Он писал, что Гавельсбергское соглашение между Петром I и королём Пруссии (5(16).11.1716), поездка царя во Францию (1717) и Амстердамский трактат нейтрализовали враждебную политику Великобритании и Нидерландов: «Создавалась новая ситуация, в которой Россия выступала уже как влиятельная политическая сила. Место её в Европе определялось внушительными успехами в Северной войне» (Санин 1998: 45).

Три державы, заключившие союз, имели военно-промышленный потенциал, составлявший почти половину общеевропейского. Россия по штатам 1711 г. располагала регулярной армией в составе 171 тыс. чел., а в 1715 г. к Ревелю были выведены 20 линейных кораблей (Кротов 2017: 476); во Франции в самом начале правления Людовика XV (1715–1774) численность армии была определена в 133 тыс. чел. (Colin, Reboul 1925: 490) и в 1715 г. имелось 40 боеспособных линейных кораблей (Lacour-Gayet 1902: 21); Прусское королевство в июне 1715 г. имело 45,7 тыс. чел. в армии (без артиллерии), в мае 1720 г. – 56,6 тыс. (Jany 1928: 659, 660). Такая великая держава как Австрия, не располагавшая флотом, имела, для сравнения, по списку в 1715 г. 145,5 тыс. чел. в профессиональных войсках[8]. Иными словами, Россия, Франция и Пруссия в 1717 г. могли при желании заставить коллективными действиями остальные державы континента уважать своё мнение.

Место России как великой державы в межгосударственной договорной системе на завершающем этапе правления Петра Великого

Система договоров, в которую входила Россия в последние годы правления Петра Великого, существенно отличалась от той, которая существовала тогда, когда он пришёл к власти.

По Ништадтскому трактату Россия фиксировалась гарантом нового внутригосударственного устройства Швеции (переставшей быть абсолютистским государством после гибели в 1718 г. короля Карла XII), гарантом так называемой

[8] Ведомость численности личного состава австрийской армии на 27 февраля 1715 г. *Российский государственный архив древних актов. Ф. 9. (Кабинет Петра Великого). Отд. 2. Д. 25. Л. 430–431.*

«эры свобод», аристократического правления, в Швеции и даже гарантом прав на престол правившего тогда короля Фредрика I (статья 7-я) (Никифоров 1959: 481-482). Слишком крупная перемена по сравнению со временем начала Великой Северной войны! Швеция, таким образом, оказывалась в зависимости от Российской империи по самым существенным вопросам своего государственного устройства.

По союзному оборонительному трактату со Швецией (22 февраля 1724 г.) обе страны договорились быть гарантами внутриполитического устройства Речи Посполитой (2-й «секретный артикул»), её шляхетских вольностей, права части шляхты на вооружённую борьбу против избранного неугодного короля, отсутствия права передачи польского трона по наследству и т. д. (Некрасов 1964: 124-126). Это означало, что Речь Посполитая под бдительным присмотром России (Швеции же объективно теперь нужна была сильная Польша в качестве противовеса великодержавной России) будет всё более и более превращаться эволюционным путём из субъекта международных отношений лишь в объект интересов иностранных держав.

На южных границах краеугольным камнем положения России в системе международных отношений стал Константинопольский договор (12 июня 1724 г.) с Османской империей. Его подписание явилось логическим следствием успехов русского оружия на Каспийском море. Обе великие державы перешли к ситуативному стратегическому партнёрству, разграничив новоприобретённые владения и сферы влияния в Закавказье и прикаспийских областях и присоединив значительные территории Персии, пребывавшей в положении усобиц и государственного распада. Оговаривалось обязательство российского монарха «с общаго согласия с Высокою Портою действовать» в персидских делах[9].

Международное признание императорского титула – важная часть международно-правового оформления статуса России как великой державы

Следует согласиться с тем, что новый имперский статус Российского государства отражался (хоть и с запозданием) в постепенном признании иностранными государствами России империей. В существующей литературе процесс признания императорского титула за российскими монархами изложен весьма неполно (в этой статье тоже не ставилась задача изложить его во всех деталях, но он показан более подробно).

Череду международно-правовых признаний императорского титула Петра Великого открыл герцог Гольштейн-Готторпа Карл Фридрих. Он был единственным иностранным главой государства, участвовавшим в торжестве по случаю

[9] *Полное собрание законов Российской империи.* 1830. Т. 7. Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии. С. 303–308.

провозглашения Российской империи. Непосредственно после выхода российского монарха из соборной церкви Пресвятой Троицы в Санкт-Петербурге герцог принёс свои поздравления[10]. Все грамоты герцога Гольштейн-Готторпа в дальнейшем содержали новый титул[11]. Он присутствовал в том числе в договоре о браке Карла Фридриха с дочерью Петра Великого Анной от 24 ноября 1724 г.[12].

26 октября 1721 г. из Коллегии иностранных дел был разослан официальным российским дипломатическим представителям за границей рескрипт, днём ранее просмотренный императором, предписывавший «прилагать … старание», чтобы российскому монарху «неотменно давали» торжественно принятый им титул императора. Рескрипт отослали российским дипломатам к императорскому двору в Австрию, во Францию, Нидерланды, Пруссию, Речь Посполитую, Данию и Гамбург, Венецию, Гданьск (Данциг), Мекленбургское герцогство (Агеева 2014: 54).

Волна дипломатических признаний нового статуса российского монарха покатилась по Европе. Одним из первых признать императорский титул Петра Великого согласился король Пруссии Фридрих Вильгельм I. В ноябре 1721 г. он заявил о согласии использовать титул императора в официальных отношениях. Впервые этот титул прусский король употребил в поздравительной грамоте от 10 декабря 1721 г. Грамота венецианского дожа Иоанна Корнелия с императорским титулом Петра Великого была подписана 21 декабря (н. ст.) 1721 г. Сразу же императорский титул был признан Пармским герцогством. Делегация Генеральных штатов Нидерландов торжественно объявила российскому чрезвычайному и полномочному послу в Гааге Б.И. Куракину 27 апреля 1722 г., что «их высокомочия по особливому почтению взяли резолюцию признать Его Величество в титуле императора Всероссийского, и оной титул впредь давать». Депутаты Генеральных штатов Нидерландов 24 апреля того года постановили, что «они впредь Его Царскому Величеству титул цесаря Всероссийского и Его Царского Величества давать будут» (Агеева 2014: 59, 61). 25 мая 1722 г. Генеральные Штаты Нидерландов подготовили первую грамоту, содержавшую императорский титул Петра I. Примечательно, что в этой же грамоте содержалось обращение к Петру Великому с просьбой об ответной любезности – выплатить 46 000 ефимков (иоахимс-талеров) за сожжённые вблизи гавани Гельсингфорса по недоразумению пять голландских больших торговых судов (флейтов). В мае же 1722 г. согласилась с императорским титулом русского самодержца Женевская республика (Агеева 2014: 60-61). Король Швеции Фредрик I подписал грамоту

[10] *Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого)*. 2004. Вып. 1. Сост. Т. С. Майкова. Москва: Кругъ. 632 с. С. 539-540.

[11] Бантыш-Каменский Н. Н. 1803. *Историческое показание о российско-императорском титуле.* Л. 108.

[12] Мартенс Ф.Ф. 1880. *Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россиею с иностранными державами.* Т. 5. Санкт-Петербург: тип. Министерства путей сообщения. с. 215.

о признании императорского титула Петра Великого не без грустного юмора 8 июля 1723 года (ст. ст.), т. е. в годовщину Полтавской битвы (если бы дата в грамоте была по новому стилю) (Кротов 2018: 620). 3 февраля 1724 г. в Санкт-Петербурге датский посланник Г.Г. Вестфален объявил, что ему предписано титуловать российского монарха императором (Некрасов 1964: 227).

Волна признаний шла и по иным городам и странам Европы. Гданьск поспешил признать титул в грамоте от 30 декабря 1721 г., герцог Мекленбурга Карл Леопольд – в грамоте от 3 января 1722 г., вольный город Любек – в грамотах начиная с 17 марта 1722 г., магистрат Гамбурга после непродолжительных отговорок о необходимости дождаться признания титула Венским двором – в грамоте от 27 апреля 1722 г.[13]. Ряд государственных образований Священной Римской империи, однако, не слишком торопились с признанием новой международно-правовой реальности. Гессен-Кассельский ландграф Карл прислал в Санкт-Петербург генерал-майора Витгенау, который в день рождения Петра Великого 30 мая 1724 г. поздравил его «с заключённым с Швециею славным миром и с принятием императорского титула», брауншвейгский герцог Людовик Рудольф в грамоте от 15 декабря 1724 г. обращался к российскому монарху как к «Его Императорскому Величеству, императору России». Магистрат вольного города Бремена только в грамоте с поздравлением Екатерины I с вступлением на престол от 5 апреля 1725 г. назвал её императрицей Всероссийскою[14]. Торжественное же признание российского императорского титула от всех курфюрстов, графов «и разных чинов» Священной Римской империи последовало лишь в сентябре 1745 г. на имперском съезде во Франкфурте-на-Майне[15].

Тем не менее немало европейских государств обострённо восприняли провозглашение России империей и всемерно уклонялись от признания нового статуса России. Посол германского императора С.В. Кинский, чтобы уклониться от сложностей с титулованием особы русского монарха, покинул Россию в июне 1722 г. без отпускной аудиенции, воспользовавшись отъездом Петра Великого в Персидский поход (Флоровский 1972: 392, 396). Австрия решилась признать российский императорский титул только 8 июля 1742 г.[16] в сложнейших для страны обстоятельствах лишь после того, как австрийский монарх королева Мария Терезия утратила титул императора, а баварский курфюрст был избран германским императором под именем Карла VII. Франция же сделала это ещё позже – только в 1744/1745 гг. Как доносил русский посланник во Франции Г. Гросс Елизавете Петровне весной 1744 г.: «… двор французский титул императорский даром признавать не хочет» (Черкасов 2010: 96), – французы ожи-

[13] Бантыш-Каменский Н. Н. *Историческое показание о российско-императорском титуле.* Л. 109–111.
[14] Там же. Л. 107, 108, 110.
[15] Там же. Л. 111–112.
[16] Мартенс Ф.Ф. 1874. *Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россиею с иностранными державами.* Т. 1. Санкт-Петербург: тип. Министерства путей сообщения. С. 129.

дали ни много ни мало разворота внешней политики России от ориентации на союзные отношения с Австрией и Великобританией на союзы с Францией и Пруссией. 10 ноября 1744 г. в Санкт-Петербург прибыл полномочный министр и посланник шевалье д' Алион. В его верительной грамоте имелось обращение от имени Людовика XV к «Елизавете Первой, императрице и самодержице Всероссийской». (Черкасов 2010: 98). За несколько дней до первой аудиенции у императрицы 2 марта 1745 г. великий канцлер А.П. Бестужев-Рюмин сообщал в Париж Г. Гроссу, что шевалье д' Алион представил копию верительной грамоты и надписи на конверте: «… с нашей полной титулатурой и сходно с нашим требованием находится, и, следовательно, бывшее в допуске его к нам затруднение … тем снято» (Черкасов 2010: 98). О признании императорского титула российских монархов Османской империей в 1741 г. имеется интересная запись в «Журнале жизни и службы» князя М. Н. Волконского (1713–1788), пребывавшего в свите посольства А. И. Румянцева в Стамбул (1740–1741): «26 августа. Были мы у везиря, и Порта признала роси[й]ских монархов за императоров, и титул оной окордовала[17] вечно»[18].

Длительное время не желали признавать императорский титул правителей России короли Испании. В грамотах испанского короля Карла II царям Иоанну и Петру Алексеевичам (1687, 1688) содержался императорский титул[19], но в дальнейшем лишь грамота, помеченная 23 сентября 1759 г., отправленная от имени короля Карла III, снова придавала российской правительнице Елизавете Петровне титул императрицы, что и положило начало его постоянному употреблению по отношению к российским монархам (Волосюк 1997: 23, 45, 49).

* * *

Проделанный анализ позволяет сделать вывод о существенной перемене в международном статусе страны при Петре I Великом: от положения региональной державы, выдавленной вглубь континента и отрезанной от морей сильными соседями, закрепившими это положение договорами, к положению великой державы, образовывавшей каркас системы международных отношений в Европе и Закавказье (на основании обладания прикаспийскими провинциями) и имеющей закреплённую в международном договоре (Амстердамский трактат 1717 г.) с великой державой (Франция) роль гаранта появившейся после завершения войны за испанское наследство Утрехтской системы международных отношений.

Приведённые данные о борьбе России за международно-правовое признание её империей, за признание российских монархов императорами (наиболее

[17] Акордовать (окордовать) – 1. согласиться на что-либо; 2. даровать, пожаловать.

[18] Волконский М. Н. Журнал жизни и службы. *Отдел письменных источников ГИМ (Москва).* Ф. 145 (Прозоровские – Голицыны). Оп. 2. Ед. 105. Л. 26 об.

[19] Бантыш-Каменский Н. Н. *Историческое показание о российско-императорском титуле.* Л. 8.

подробные в существующей историографии) показали вторичность этого критерия для определения времени получения страной статуса великой державы. Этот процесс слишком растянулся и не отражал установившейся реальной роли России в делах Европы – роли гаранта Утрехтско-Ништадтской европейской договорной системы. Иностранные субъекты международных отношений нередко требовали от России за акт признания конкретных уступок, затягивая фиксацию свершившегося. Российская империя, составлявшая уже несколько десятилетий наряду с другими великими державами каркас системы международных отношений Европы, только в первой половине 1740-х гг. получила признание имперского статуса со стороны таких великих держав континента, как Австрия, Франция и Османская империя.

Великодержавность России, её новая роль в международных отношениях, нашли равнозначное и своевременное отражение в первую очередь в договорах между ведущими государствами Европы. Великодержавная роль России была закреплена в заключённых ею международных договорах с уже имевшими такой статус державами Францией (1717) и Австрией (1726). Военно-промышленный же и людской потенциал участвовавших в этих союзах Прусского королевства (1717) и Швеции (1726) был недостаточен для великодержавной роли этих государств в Европе.

Об авторе:

Павел Александрович Кротов – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времён до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. 199034. Россия, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5.
E-mail: pav_krotov.naval@mail.ru ; p.krotov@spbu.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: November11, 2021
Accepted: December 12, 2021

Russia of Peter I: Gaining Great Power Status

P.A. Krotov
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-30-48

Saint Petersburg State University, Russia

Abstract: The article focuses on the issue of the international status of Russia during the reign of Peter the Great, which progressed from regional power in Eurasia to great power. It seeks to establish when and how Russia officially became a great power. The Poltava victory over the Swedish army (1709) showed that Russia had created the military-industrial potential necessary for great power. The tsar gradually prepared the conditions for the proclamation of Russia as an empire and himself as an emperor. Arguably, the recognition of the title by the European states cannot be the main criterion for determining the time of Russia's transformation into a great power because recognizing the imperial title dragged on for several decades. The great power position of Russia and its new role in international relations began to find its reflection in the treaties between the leading European powers before the official recognition as an empire. International treaties of Russia with France, Austria, Prussia, Rzeczpospolita, Sweden, China, the Ottoman Empire and the Crimean Khanate show that for the first time, the new role of Russia as a great power, as the guarantor of the common European contractual system after the War of the Spanish Succession (1701 / 1702-1714) was enshrined in the Amsterdam Treaty (1717), which was concluded between Russia, France, and Prussia. The subsequent treaty, which had a similar significance for the assertion of the great power role of Russia in Europe, was signed in Vienna on July 26 (August 6), 1726, with another great power - Austria. The system of treaties that Russia was part of in the last years of the reign of Peter the Great was strikingly different from the one that was at the beginning of the reign. According to the Treaty of Nystad, Russia was registered as the guarantor of the new internal state structure of Sweden (which ceased to be an absolutist state) and even the guarantor of the rights to the throne of King Fredrik I (Article 7). Under the allied defense treaty with Sweden (February 22, 1724), both countries agreed to be the guarantors of the internal political structure of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The analysis of documents allows us to make a general conclusion that the treaties of Russia with other countries at the end of the reign of Peter the Great were one of the pillars of the system of international relations in Europe, which signified that Russia acquired new great power status.

Keywords: Russia as a great power, Peter the Great, imperial title, Treaty of Amsterdam (1717)

About the author:

Pavel A. Krotov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Russia from Ancient Times to the 20th Century, Institute of History, St. Petersburg State University. 199034. Russia, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5.
E-mail: pav_krotov.naval@mail.ru; p.krotov@spbu.ru

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Neumann I. 2005. Russia as a Great Power. *Russia as a Great Power: Dimensions a Security Under Putin.* Ed. by Jacob Hedenskog, Vilhelm Konnander, Bertil Nygren, Ingmar Oldberg, Christer Pursiainen. London, New York: Routledge Taylor and Francis Group. P. 13-28.

Schneid F. C. 2012. Introduction. *The Projection and Limitations of Imperial Powers, 1618–1850.* Ed. by Fredrick C. Schneid. Leiden, Boston: Publisher BRILL. P. 1-11.

Colin J., Reboul F. 1925. *Histoire de la nation française* [History of the French Nation]. Paris: Plon-Nourrit et Cie. 7(1). 591 p. (In French)

Jany C. 1928. *Geschichte der königlich preussischen Armée bis zum Jahre 1807. Bd. 1: Von den Anfängen bis 1740* [History of the Royal Prussian Army up to 1807.Vol. 1: From the beginning to 1740]. Berlin: Verlag von K. Siegismund. VIII, 834 p. (In German)

Krokosz P. 2020. Armia Piotra I gwarantem mocarstwowej pozycji Rosji w Europie [The Army of Peter I as a Guarantor of Russia's Superpower Position in Europe]. *Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodiej.* 55(1). P. 9-49. (In Polish)

Lacour-Gayet G. 1902. *La Marine militaire de la France sous le Règne de Louis XV* [The Military Navy of France under the Reign of Louis XV]. Paris: Champion. X. 571 p. (In French).

Kochegarov K.A. 2008. *Rech' Pospolitaya i Rossiya v 1680-1686 gg. Zaklyucheniye dogovora o vechnom mire* [Rzeczpospolita and Russia in the Years 1680-1686. Conclusion of a Treaty for Eternal Peace]. Moscow: Indrik. 504 p. (In Russian)

Ageyeva O.G. 2014. Imperatorskiy titul v Rossii i Gollandiya v trudakh N. N. Bantysh-Kamenskogo [Imperial Title in Russia and Holland in the Works of N.N.Bantysh-Kamensky]. *Rossiya – Niderlandy. Dialog kul'tur v yevropeyskom prostranstve: Materialy V Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa* [Russia-Netherlands. Dialogue of cultures in the European space: materials of the V International Peter's Congress]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Yevropeyskiy dom». P. 53-62. (In Russian)

Bolotina N.Yu. 2015. Gramoty angliyskikh monarkhov Petru I v sobranii Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov [Diplomas of the English Monarchs to Peter I in the Collection of the Russian State Archive of Ancient Acts]. *Rossiya – Velikobritaniya: Pyat' vekov kul'turnykh svyazey. Materialy VI Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa.* [Russia – Great Britain: Five Centuries of Cultural Ties. Materials of the Sixth International Petrine Congress]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Yevropeyskiy dom». P. 715-723. (In Russian).

Cherkasov P.P. 2010. *Yelizaveta Petrovna i Lyudovik XV. Russko-frantsuzskiye otnosheniya 1741–1762* [Elizaveta Petrovna and Louis XV. Russian-French Relations 1741-1762]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK. 375 p. (In Russian)

Florovskiy A.V. 1972. Stranitsa istorii russko-avstriyskikh diplomaticheskikh otnosheniy XVIII v [A Page in the History of Russian-Austrian Diplomatic Relations in the 18th Century]. In: *Feodal'naya Rossiya vo vsemirno-istoricheskom protsesse. Sb. statey, posvyashchonnyy L.V. Cherepninu* [Feudal Russia in the World Historical Process. Collection of Articles Dedicated to L.V. Cherepnin]. Ed. By Guber A., Druzhinin M., Nechkina M., Gorskaya N., Pashuto V., Shtrange M. Moscow: Nauka. P 389-397. (In Russian)

Krotov P.A. 1998. Mezhdunarodno-pravovoye oformleniye Rossii kak velikoy derzhavy v pervoy treti XVIII v. (k postanovke voprosa) [International Legal Registration of Russia as a Great Power in the First Third of the 18th Century (to the Formulation of the Question)]. *Rossiyskaya monarkhiya: voprosy istorii i teorii. Mezhvuzovskiy sbornik statey, posvyashchonnyy 450-letiyu tsarstva v Rossii (1547–1997 gg.)* Voronezh: Izdatel'stvo «Istoki». P. 114–119. (In Russian)

Krotov P.A. 2013. *Gangut: srazheniye i korabli* [Gangut: Battle and Ships]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo «Galeya Print». 326 p. (In Russian)

Krotov P.A. 2017. Priznaniye imperatorskogo titula Petra I Velikobritaniyey v kontekste mezhdunarodno-pravovogo oformleniya velikoderzhavnogo polozheniya Rossii [Recognition of the Imperial Title of Peter I by Great Britain in the Context of the International Legal Registration of the Great-Power Position of Russia]. *Sbornik v chest' V. K. Ziborova (Opyty po istochnikovedeniyu. Vyp. 5)* Saint-Petersburg: Skriptorium. P. 176–184. (In Russian)

Krotov P.A. 2017. *Rossiyskiy flot na Baltike pri Petre Velikom* [Russian Fleet in the Baltic under Peter the Great]. Saint-Petersburg: Istoricheskaya illyustratsiya. 744 p. (In Russian)

Krotov P.A. 2018. *Poltavskaya bitva. Perelomnoye srazheniye russkoy istorii* [Battle of Poltava. A Turning Point in Russian History]. Moscow: Yauza-katalog: Yakor'. 640 p. (In Russian)

Mironov B.N. 2015. *Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu: v 3 t.* [Russian Empire: From Traditions to Modernity: in 3 Volumes]. Saint-Petersburg: Dmitriy Bulanin. Vol. 3. 992 p. (In Russian).

Nekrasov G.A. 1964. *Russko-shvedskiye otnosheniya i politika velikikh derzhav v 1721–1726 gg* [Russian-Swedish Relations and the Politics of the Great Powers in 1721-1726]. Moscow: Nauka. 277 p. (In Russian)

Nekrasov G.A. 1972. Mezhdunarodnoye priznaniye rossiyskogo velikoderzhaviya v XVIII v. [International recognition of Russian Great Power in the 18th Century]. *Feodal'naya Rossiya vo vsemirno-istoricheskom protsesse. Sb. statey, posvyashchonnyy L.V. Cherepninu* Ed. By Guber A., Druzhinin M., Nechkina M., Gorskaya N., Pashuto V., Shtrange M. Moscow: Nauka. P. 381-388. (In Russian)

Nikiforov L.A. 1950. *Russko-angliyskiye otnosheniya pri Petre I* [Russian-English Relations under Peter I]. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury. 279 p. (In Russian)

Nikiforov L.A. 1959. V*neshnyaya politika Rossii v poslednie godyy Severnoy voyny. Nishtadtskiy mir.* [Russia's Foreign Policy in the Last Years of the Northern War. Nystadt peace]. Moscow: izdatel'stvo Akademii nauk, 498 p.

Nikiforov L.A. 1973. Rossiya v sisteme yevropeyskikh derzhav v pervoy chetverti XVIII v. [Russia in the System of European Powers in the First Quarter of the 18th Century]. *Rossiya v period reform Petra I*. Edited by Pavlenko N.I. Moscow: Nauka. P. 9-39. (In Russian)

Sanin G.A. 1998. Stanovleniye velikoy derzhavy [Formation of a Great Power]. *Istoriya vneshney politiki Rossii: Ot Severnoy voyny do voyn Rossii protiv Napoleona. XVIII vek*. Ed. by Ponomarev V.N., Sanin G.A. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya. P. 34-48. (In Russian)

Volosyuk O.V. 1997. *Ispaniya i rossiyskaya diplomatiya v XVIII v.* [Spain and Russian Diplomacy in the 18th Century]. Moscow: Izdatel'stvo Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. 199 p. (In Russian)

Vozgrin V.Ye. 1986. *Rossiya i yevropeyskiye strany v godyy Severnoy voyny (istoriya diplomaticheskikh otnosheniy v 1697–1710 gg.)* [Russia and European Countries during the Northern War (History of Diplomatic Relations in 1697-1710)]. Leningrad: Nauka. 296 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Агеева О. Г. 2014. Императорский титул в России и Голландия в трудах Н.Н. Бантыш-Каменского. *Россия – Нидерланды. Диалог культур в европейском пространстве: Материалы V Международного петровского конгресса.* Санкт-Петербург. С. 53–62.

Болотина Н.Ю. 2015. Грамоты английских монархов Петру I в собрании Российского государственного архива древних актов. *Россия – Великобритания: Пять веков культурных связей. Материалы VI Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 6–8 июня 2014 г.* Санкт-Петербург: Издательство «Европейский дом». С. 715–723.

Возгрин В.Е. 1986. *Россия и европейские страны в годы Северной войны (история дипломатических отношений в 1697–1710 гг.).* Ленинград: Наука. 296 с.

Волосюк О.В. 1997. *Испания и российская дипломатия в XVIII в.* Москва: Издательство Российского университета дружбы народов. 199 с.

Кочегаров К.А. 2008. *Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 гг. Заключение договора о вечном мире.* Москва: Индрик. 504 с.

Кротов П.А. 1998. Международно-правовое оформление России как великой державы в первой трети XVIII в. (к постановке вопроса). *Российская монархия: вопросы истории и теории. Межвузовский сборник статей, посвящённый 450-летию царства в России (1547–1997 гг.).* Воронеж: Издательство «Истоки». С. 114–119.

Кротов П.А. 2013. *Гангут: сражение и корабли.* Санкт-Петербург: Издательство «Галея Принт». 326 с.

Кротов П.А. 2017. Признание императорского титула Петра I Великобританией в контексте международно-правового оформления великодержавного положения России *Сборник в честь В. К. Зиборова (Опыты по источниковедению. Вып. 5).* Санкт-Петербург: Скрипториум. С. 176–184.

Кротов П.А. 2017. *Российский флот на Балтике при Петре Великом.* Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация. 744 с.

Кротов П.А. 2018. *Полтавская битва. Переломное сражение русской истории.* Москва: Яуза-каталог: Якорь. 640 с.

Миронов Б.Н. 2015. *Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т.* / Б. Н. Миронов. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. Т. 3. 992 с.

Некрасов Г.А. 1964. *Русско-шведские отношения и политика великих держав в 1721–1726 гг.* Москва: Наука. 277 с.

Некрасов Г.А. 1972. Международное признание российского великодержавия в XVIII в. *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвящённый Л. В. Черепнину.* Под ред. Губера А., Дружинина М., Нечкиной М., Горской Н., Пашуто В., Штранге М. Москва: Наука. С. 381–388.

Никифоров Л.А. 1950. *Русско-английские отношения при Петре I.* Москва: Государственное издательство политической литературы. 279 с.

Никифоров Л.А. 1959. *Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир.* Москва: издательство Академии наук, 498 с.

Никифоров Л.А. 1973. Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. *Россия в период реформ Петра I.* Под ред. Павленко Н. И. Москва: Наука. С. 9–39.

Санин Г.А. 1998. Становление великой державы. *История внешней политики России: От Северной войны до войн России против Наполеона. XVIII век. (от Северной войны до войн России против Наполеона).* Под ред. Понмарёва В.Н., Санина Г. А. Москва: Международные отношения. С. 34–48.

Флоровский А.В. 1972. Страница истории русско-австрийских дипломатических отношений XVIII в. *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей, посвящённый Л. В. Черепнину.* Под ред. Губера А., Дружинина М., Нечкиной М., Горской Н., Пашуто В., Штранге М. Москва: Наука. С. 389–397.

Черкасов П.П. 2010. *Елизавета Петровна и Людовик XV. Русско-французские отношения 1741–1762.* Москва: Товарищество научных изданий КМК. 375 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(6). С. 49–70
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-49-70

Check for updates

Ништадтский мир и его роль в становлении российской государственности в период с 1721 по 1917 гг.

О.В. Лебедева

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

Статья посвящена изучению роли и значения Ништадтского мира как исторического документа, отражающего усиление роли и значения России на мировой арене, следствия развития отечественной дипломатии.
Целью работы выступало изучение текста исторического документа на основании применения современных методов политологических исследований: контент-анализа, когнитивного картирования, фоносемантического анализа. В результате изучения документа можно сделать вывод, что Ништадтский договор выступает отражением особенностей становления внутренней политической системы России, что находит своё отражение в особенностях употребления антропонимов. Важно подчеркнуть, что анализ текста исторического документа отражает особенности исторического развития России: её постепенной трансформации в империю, отсутствия банковской системы, купечества как сословия, купеческого флота — всё это и многие иные особенности развития России в той или иной степени нашли своё отражение в соглашении. При этом анализ документа позволяет сделать вывод, что соглашение регулирует взаимодействия не только между Россией и Швецией, но содержит отсылки к иным странам Европы, что говорит о выходе России на международную арену и усилении её роли, причём не только и не столько военной, но и дипломатической, что находит своё отражение в особенностях вербализации соглашения.
Результаты фоносемантического анализа отражают позитивное восприятие номинаций географических объектов, присоединённых к России по условиям Ништадтского мира. При этом восприятие Швеции, всего шведского отличается негативизмом. В целом, выводы, полученные в результате исследования, позволяют подтвердить сложившееся в отечественной историографии представление о высокой значимости, важности Ништадтского мира для дальнейшего развития России, её превращения в империю, во влиятельную военную силу, инициации модернизации внутренней системы управления, создания новых социальных институтов и практик, а также усиления отечественной дипломатии, но при этом получены они были при помощи применения современных методов исследования, позволяющих выявить дополнительные смысловые нюансы, оттенки исторического документа.

Ключевые слова: Северный союз, Пётр I, Ништадтский договор, Швеция, Россия.

УДК: 94, 327
Поступила в редакцию: 07.11.2021
Принята к публикации: 02.12.2021

Северная война стала поворотным пунктом в истории развития многих стран Северной и Восточной Европы. Преодоление конфликта потребовало заключения ряда военно-политических договоров между Россией и другими странами. Военные действия повлекли за собой фундаментальные структурные изменения на политической карте мира. Для России итогом участия в войне стало не только возвращение ранее изученных территорий, но и превращение в великую державу. Важно отметить, что для России Северная война стала стимулом модернизации по европейскому образцу.

Несмотря на то что проблематика Северной войны, её причин, военных тактик, применяемых странами, последствий поражения Швеции является достаточно изученной, как правило, дипломатическая составляющая вопросов «войны и мира» остаётся на периферии научного внимания. Учёные подчёркивают, что подписание Ништадтского мира стало новой эрой в развитии отечественной дипломатии, повысило авторитет, статус России на международной арене, что, в свою очередь, потребовало изменений дипломатических стратегий и тактик, однако фундаментальные исследования самого Ништадтского договора не представлены, анализ деятельности отечественной дипломатии остаётся фрагментарным. Кроме того, как правило, Ништадтский договор привлекает внимание историков в аспектах деятельности Карла и Петра, работы, направленные на изучение текста самого договора с привлечением современных методов исследования документов практически не представлены. Соответственно, целью исследования выступает изучение текста Ништадтского договора на основании применения контент-анализа, компьютерных методов анализа текста.

При этом исследовательский вопрос может быть сформулирован следующим образом: действительно ли Ништадтский договор отразил усиление роли, значимости России на мировой арене и как это отразилось в соглашении, нашло своё закрепление в дипломатической документации?

Как было сказано, на протяжении длительного времени тематика Северной войны привлекала внимание отечественных и зарубежных исследователей. В шведской историографии XIX ст. в рамках возглавляемой Йерне «Новой школы» историков рассматривались причины поражения Швеции в результате влияния совокупности факторов: невыгодной международной обстановки, неблагоприятного стечения обстоятельств, роковых случайностей (Эрикссон 2009). Пристальное внимание проблематике Северной войны и условиям заключения Ништадтского мира уделялось крупнейшими учёными, сгруппировавшимися вокруг «Ежегодника Каролинского общества» (Эрикссон 2009). Они изучали особенности экономик и военных стратегий стран, втянутых в войну. Отдельно изучалась роль Карла XII, который чаще всего представал перед читателем как «чудо добродетели и в то же время источник несчастий, постигших Швецию» (Цит. по Беспалов 2019: 10). В шведской историографии периода «старой школы» детальному рассмотрению подвергаются преимущественно военные стра-

тегии и тактики, роль личности в истории, дипломатические вопросы заключения Ништадтского договора исследуются фрагментарно.

Начиная с 1890-х гг. на первый план стала выдвигаться мысль о величии Карла, который всё чаще был представлен как крупный государственный деятель. Например, бестселлером дважды становилась книга Франса Г. Бенгтсона «Жизнь Карла XII», которая была опубликована в 1935 и 1936 гг. и оказала огромное влияние на восприятие шведами образа Карла (Bengtsson 1960). По мнению автора, Карл — это, прежде всего, герой, гений. Соответственно, рассматривать негативные последствия его правления для страны неуместно.

В отечественной историографии история Северной войны также неоднократно становилась предметом научных исследований. Одна из первых работ появилась непосредственно в годы самой войны, в 1713 г., когда в свет вышла «Книга Марсова или Воинских дел…». Книга содержала реляции и гравюры о победах русского оружия в войне со Швецией, непосредственное участие в создании книги принимал Пётр I (Книга 1776).

На протяжении XIX — начала XX вв. изучением Северной войны занимались такие исследователи, как В.И. Баскаков (Баскаков 1890), П.О. Бобровский (Бобровский 1881), А.З. Мышлаевский (Мышлаевский 1893, 1896). Труды основывались на скрупулёзном исследовании первоисточников, но при этом в центре внимания авторов была преимущественно проблема формирования российской армии, вопросы дипломатии, особенностей заключения соглашений если и рассматривались, то фрагментарно, во взаимосвязи с усилением военной мощи России.

В советские времена вопросами заключения международных договоров, соглашений занималась в научном плане Т.К. Крылова (Крылова 1940; 1942; 1946). Развитие системы международных отношений и особенностей российской дипломатии получило своё освещение в работах В.Д. Королюка (Учёные записки Института славяноведения 1951).

Огромный вклад в развитие системы представлений о роли и значении исторического периода был внесён А.А. Сванидзе (Из ранней истории шведского народа… 1999), В.Е. Возгриным (Возгрин 1986). В работах учёных раскрываются основные тенденции экономического, социального, политического развития скандинавских стран, вопросы развития отечественной дипломатии затронуты фрагментарно.

В начале нового столетия проблематика Северной войны не утрачивает актуальности: появляются работы В.А. Артамонова (Артамонов 1990; 2007; 2008), А.В. Беспалова (Беспалов 2008а; 2008б; 2008в; 2019), Б.Н. Григорьева (Григорьев 2006), П.А. Кротова (Кротов 2004; 2009) К.В. Татарникова (Татарников 2008) и др. Каждая из представленных работ отличается высокой научной новизной, привносит новое понимание тех или иных аспектов Северной войны и Ништадтского мира, но, к сожалению, текст самого договора остаётся на периферии научного внимания. Учёные акцентируют внимание на результатах соглашения, на возвращении Россией территорий, усилении влияния государства

на международной арене и т.д., т.е. на основных итогах договора, но сам договор исследованию не подвергается.

В последнее десятилетие рост научного интереса к исследованию проблематики Северной войны снизился. Как отражает анализ интернет-платформы elibrary.ru, за период с 2011 по 2021 гг. на площадке было представлено лишь одно исследование, посвящённое Северной войне (Иванюк 2016), в котором изучаются стратегии и тактики проведения военных операций. В то же время исследования исторических личностей, деятельность которых в той или иной степени привела к Северной войне, остаются актуальными. Например, в 2019 г. вышло исследование А.В. Беспалова, направленное на изучение роли Карла XII как полководца (Беспалов 2019).

В целом даже краткий обзор литературных источников позволяет сделать вывод, что ни в отечественной, ни в зарубежной литературе современные методы исследования к изучению текста Ништадского мира не применялись. Между тем обращение к современным методам позволит взглянуть по-новому на содержание договора, выявить семантические аспекты, которые не были очевидны ранее, смысловые нюансы, которые позволят лучше понять, каким образом в тексте соглашения отражается усиление роли и значения России на международной арене. Кроме того, исследование текста договора предполагает и выявление восприятия важных смысловых аспектов, смысловых узлов документа в общественном сознании.

На основании вышесказанного гипотезы исследования могут быть сформулированы следующим образом:

H1: *применение современных методов исследования к изучению исторических документов позволит выявить новые смысловые нюансы текста или подтвердить результаты исследований, проведённых раннее, посредством приведения новых данных;*

H2: *текст Ништадтского соглашения отражает усиление роли и значения России на международной арене, что находит своё отражение в особенностях вербального оформления документа.*

В качестве основных методов исследования текста документа были выбраны следующие:

Контент-анализ — «систематизированное изучение содержания письменного или устного текста с фиксацией наиболее часто повторяющихся в нём словосочетаний или сюжетов» (Бахлов, Напалкова 2011: 15); «анализ, основанный на исследовании слов, тем и сообщений», который «сосредоточивает внимание исследователя на содержании сообщения, на том, о чём в нём говорится» (Бахлов, Напалкова 2011: 15). Количественный контент-анализ осуществлялся на основании применения программы Yoshikoder – «методики контент-анализа текста, включающей разработку и использование словарей, автоматический поиск, по ключевым словам, в контексте» (Митина, Евдокименко 2010: 33). В процессе проведения количественного анализа предполагается выявление числен-

ности, особенностей употребления онимов, имён собственных, прежде всего, антопонимов (что позволит выявить роль личности в заключении договора) и топонимов (что позволит очертить географических охват соглашения, страны, интересы которых в той или иной степени затрагивал Ништадтский мир);

Когнитивное картирование — выявление восприятия коммуникантами определённых политических проблем путём анализа текстов (Бахлов, Напалкова 2011: 15). Метод когнитивного картирования позволяет выявлять основные понятия, причинно-следственные связи между ними, визуализировать результаты исследования. В процессе визуализации использовалась технология Google.

Важно добавить, что сегодня контент-анализ и когнитивное картирование широко применяются при изучении политической, дипломатической коммуникации, например, в работах И. В. Бахлова, И.Г. Напалковой (Бахлов, Напалкова 2011: 15), В.М. Сергеева, Е.С. Алексеенковой (Новое пространство мировой политики… 2011).

Фоносемантический (ФС) анализ позволит выявить особенности восприятия ключевых смысловых лексем – узлов текста россиянами. Сущность анализа заключается в оценке звучания текста, отдельных лексем безотносительно к его содержанию на основании сопоставления по ряду биполярных шкал (Журавлёв 1991). В работе используется программа Vaal, разработанная Б.И. Шалаком и соавторами в 2001 г.[1]. Программа позволяет выявлять восприятие лексем, оценивать влияние слова на личность, «осуществлять полноценный контент-анализ текста по большому числу специально составленных встроенных категорий и категорий, задаваемых самим пользователем»[2]. Иными словами, применение метода позволит дополнить, уточнить данные, полученные в результате применения контент-анализа и когнитивного картирования. Как и приведённые выше методы, фоносемантический анализ сегодня широко применяется для изучения различных форм коммуникации.

Соответственно, диагностический инструментарий исследования представлен в Табл. 1:

Таблица 1. Диагностический инструментарий исследования
Table 1. Diagnostic research tools

Метод	Цель	Технология
Контент-анализ	Количественный анализ, выявление (1) имён собственных, представленных в договоре и, как следствие, исторических личностей, так или иначе принимавших участие в договорённости, стран, интересы которых в той или иной степени затрагивало соглашение; (2) топонимов, отражающих географический охват соглашения	Yoshikoder
Когнитивное картирование	Выявление взаимосвязей между смысловыми узлами, их визуализация	Google
Фоносемантический анализ	Выявление восприятия, оценивания смысловых узлов	Vaal

[1] Ваал. Доступно по адресу: http://www.vaal.ru/ (дата обращения: 23.12.2021).
[2] Там же.

Проведение исследования предполагает применение количественных и качественных методов, что способствует «консолидации сильных сторон обоих методов» (Кошарная, Кошарный 2016: 118), обеспечивает соответствие принципу триангуляции.

Материалом для исследования является текст самого соглашения (Ништадтский мирный договор… 1992).

История подписания Ништадтского мира

В последние годы Северной войны Россия и Швеция активно искали мира после двух десятилетий боевых действий. Первая попытка заключения мира в 1718 г., получившая название Аландский конгресс, не позволила найти компромиссных решений.

Ответственным за переговоры со Швецией в 1718 г. был советник канцелярии А.И. Остерман, действовавший на этом поприще совместно с Я.В. Брюсом.

При рассмотрении русско-шведских переговоров нельзя проигнорировать действия шведского министра Гёрца, одного из наиболее приближенных к королю Карлу XII при дворе. Он не просто выступал за скорейший мир с Россией, но и смог донести до Карла выгоду подобного шага, убедив последнего в необходимости мира, даже на русских условиях. Гёрц предлагал отказаться от всех прибалтийских владений короны. В его планах было объединение рукой Карла XII всех скандинавских земель, возврат утерянных территорий в Германии с последующим ударом по Англии. Добиться этого можно было только при наличии мощной и большой армии, а получить её министр предлагал за счёт союза с Петром I и его практически безграничными человеческими ресурсами.

На первых порах стороны предъявляли взаимоисключающие условия мира. Российская делегация требовала сохранения за собой всех завоёванных на момент территорий, а шведская — возврата всех утраченных территорий под контроль Швеции. При этом каждый предъявлял собственные аргументы в пользу своей точки зрения.

Пётр требовал от своих уполномоченных гибкости действий, наделял их внушительными полномочиями, вплоть до права обещаний возмещения территориальных потерь. Общая же позиция строилась на том, что мир является желанным решением вопроса, но и войну в Санкт-Петербурге готовы продолжать. Вместе с письмами ко всей делегации А.И. Остерман получил от царя и отдельное письмо, в котором ставилась конфиденциальная задача войти в доверие к Гёрцу, обещая ему личные дары и награды за сговорчивость на переговорах.

В приватных беседах российскому дипломату стало известно о бедственном положении страны, резком снижении численности населения, экономических проблемах, голоде, разорении, минимальной поддержке населени-

ем короля. Война, по словам И.И. Ростунова, «унесла тысячи человеческих жизней. Хозяйственная жизнь страны замерла» (Ростунов 1987: 178). Шведский министр раскрыл и свои планы. Они предусматривали предоставление Петром I в обмен на земли союзный договор и 150 тысяч солдат для войны с Польшей, Германией, Данией, Англией. А.И. Остерман прекрасно осознавал как нереальность планов Герца, так и необходимость завершения войны «здесь и сейчас».

Нуждался в мире и Пётр I, поэтому в своих письмах к А.И. Остерману он запрещал дипломату открыто отказываться от предложений Гёрца. В письмах П.П. Шафирову дипломат указывал на свою крайнюю степень усталости от переговорного процесса, протекающего максимально сложно. В условиях серьёзнейших противоречий, способных кардинально изменить ход истории всей Европы, произошло чудо: жизнь Карла XII оборвалась от случайной пули, попавшей в него во время осады одной из крепостей на территории Норвегии. Вместе с ней оборвался и Аландский конгресс, завершившийся ничем. Ушли с повестки дня и идеи Гёрца, но невозможность найти компромисс привела к тому, что война продолжалась ещё больше двух лет.

В 1721 г. начались новые российско-шведские переговоры, результатом которых стало заключение Ништадтского мира. Подписание договора в финском городе Ништадт положило конец одной из самых продолжительных войн в истории России, продлившейся более 20 лет. Продолжавшийся более трёх лет переговорный процесс сопровождался двукратной сменой политического режима в Швеции и в общем значительными политическими изменениями в государствах Северной Европы.

Ништадтский мир был заключён на выгодных для России условиях. Государство приросло обширными пространствами Эстляндии, Ингерманландии и Лифляндии, городами Выборг и Кексгольм в Финляндии, смогло окончательно закрепиться на берегах Балтийского моря, встав в один ряд с великими державами Европы (Ростунов 1987: 178). В свою очередь за территориальные уступки Швеция получила денежную компенсацию в размере 2 миллионов ефимков, а также возможность без уплаты пошлин проводить закупки зерна в портах Риги и Ревеля. Ништадский мир стал настоящим успехом отечественной дипломатии, завершив длительную и кровопролитную войну с сильным соперником.

Ништадтский мир: отражение усиления России и роли личности в истории

Представляется целесообразным выявить особенности употребления имён собственных, антропонимов, в тексте соглашения. На начальном этапе работы осуществляется количественный анализ употребления лексем (Табл. 2):

Таблица 2. Количественное употребление антропонимов в тексте Ништадтского мира
Table 2. The quantitative use of anthroponyms in the text of the Nystadt peace

Антропоним	Кол-во	Частота, %
Фридрих	5	0,10
Иоган	4	0,8
Брюс	3	0,6
Петр	3	0,6
Остерман	3	0,6
Лилиенстет	3	0,6
Штремфельт	3	0,6
Андрей	2	0,4
Гендрих	2	0,4
Даниэль	2	0,4
Рейнгольт	2	0,4
Яков	2	0,4
Каролус	1	0,2
Ульрика	1	0,2
Элеонора	1	0,2

Анализ антропонимов позволяет сделать вывод, что в тексте соглашения фигурируют следующие исторические лица: (1) Г.И.Ф. Остерман (0,6%), (2) Пётр Первый (0,6%), (3) Фридрих Первый Свейский (0,6%), (4) Я.Д. Брюс (0,6%), (5) О.Р. Штремфельт (0,6%), (6) И. Лилиенстет (0,6%), (7) Ульрика Элеонора Свейская (0,2%), (8) Карл XII (0,2%).

В графическом виде количественное распределение упоминаний об исторических личностях представлено на Рис. 1:

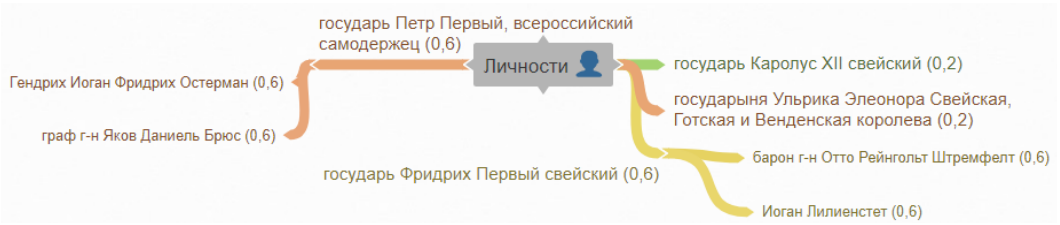

Рисунок 1. Распределение антропонимов в тексте соглашения
Figure 1. Distribution of anthroponyms in the text of the agreement

Чаще всего обращение к именам исторических личностей обусловлено требованиями дипломатического этикета, предполагающего полную номинацию званий и должностей лица, уполномоченного заключать договор от имени государства, например:

Мы, Фридрих, ***Божьей милостью король шведский, готский и венденский и проч., и проч., и проч.,*** *объявляем, что понеже между нами и короной шведской с одной, и Божьей милостью* ***с пресветлейшим и державнейшим царем и***

государем, государем Петром Первым, всероссийским самодержцем, и проч., и проч., и проч., *и с государством Российским, с другой стороны* — употребление полного титула представителей договаривающихся сторон направлено на устранений любой двузначной интерпретации условий соглашения, ошибочной интерпретации или сознательных манипуляций.

В то же время со шведской стороны отмечается дополнительное обращение к именам Ульрики Элеоноры Свейской и Карла XII.

Ништадтский мир: географический охват

Количественное распределение топонимов, прилагательных, отражающих принадлежность объекта к той или иной географической площади, представлено в Табл. 3:

Таблица 3. Количественное употребление топонимов в тексте Ништадтского мира
Table 3. The quantitative use of toponyms in the text of the Nystadt peace

Топоним	Кол-во	Частота, %	Результаты ФС анализа
свейский (устар. шведский)	55	1,1	Шероховатое, низменное, слабое, тихое, трусливое, хилое, маленькое, быстрое
российский	23	0,46	Шероховатый, маленький, подвижный, быстрый
Швеция	7	0,14	Плохая, шероховатая, тёмная, низменная, тихая, тусклая
Выборг	6	0,12	Величественное, грубое, мужественное, сильное, громкое, храброе, могучее, большое
шведский	6	0,12	Плохой, шероховатый, низменный, слабый, тихий, маленький, тусклый
венденский	5	0,10	Слабый, маленький,
готский	5	0,10	Шероховатый, угловатый, тихий, подвижный, быстрый
Лифляндия	5	0,10	Тихая, медлительная
Ништат	5	0,10	—
Эзель	5	0,10	Хороший, красивый, безопасный, округлый, светлый, сильный, громкий, большой, яркий
Эстляндия	5	0,10	Хорошая, красивая, безопасная, округлая, светлая, величественная, сильная, громкая, храбрая, большая, медленная, яркая
кексгольмский	4	0,8	Плохой, шероховатый, угловатый, низменный, слабый, горячий, тихий, трусливый, хилый, маленький, подвижный, быстрый, тусклый
Финляндия	4	0,8	Плохая, сложная, шероховатая, тёмная, низменная, нежная, женственная, слабая, горячая, тихая, трусливая, хилая, маленькая, медлительная, медленная, пассивная, тусклая, печальная
финляндский	4	0,8	
финский	3	0,6	
великобританский	3	0,6	—
всероссийский	3	0,6	Шероховатый, маленький, быстрый
Ревель	3	0,6	Величественный, мужественный, сильный, громкий, храбрый, могучий, активный, яркий
Далерн	2	0,4	Хороший, красивый, величественный, грубый, мужественный, сильный, громкий, храбрый, могучий, большой, активный, яркий, радостный
лифляндский	2	0,4	Слабый, хилый, тихий
Нарва	2	0,4	Хорошая, простая, величественная, грубая, мужественная, сильная, громкая, храбрая, могучая, большая, активная, яркая

Топоним	Кол-во	Частота, %	Результаты ФС анализа
Рига	2	0,4	Шероховатая, угловатая, громкая, подвижная, быстрая, активная, яркая, радостная
римский	2	0,4	Шероховатый, угловатый, слабый, маленький, подвижный, быстрый
Россия	2	0,4	Величественная, мужественная, сильная, холодная, храбрая, могучая, яркая
эстляндский	2	0,4	Хороший, красивый, безопасный
Амстердам	1	0,2	Хороший, мужественный, могучий
Аренсбург	1	0,2	Мужественный, сильный, громкий, храбрый, могучий, большой, активный, яркий
Берлин	1	0,2	Безопасный, весёлый, подвижный, быстрый, яркий
Брауншвейг	1	0,2	Грубый, мужественный, сильный, могучий, подвижный
Виллаиоки	1	0,2	Нежная
Вирелакс	1	0,2	—
выборгский	1	0,2	Быстрый
Гамбург	1	0,2	Угловатый, злой, мужественный, сильный, холодный, могучий, большой, подвижный
Даго	1	0,2	Красивый, простой, величественный, грубый, мужественный, сильный, холодный, громкий, храбрый, могучий, большой, подвижный, быстрый, активный, яркий
датский	1	0,2	Шероховатый, угловатый, подвижный, быстрый
Дерпт	1	0,2	Маленький, маленький, подвижный, быстрый, активный
Дюнаминд	1	0,2	Хороший, красивый, безопасный, добрый, светлый, нежный, женственный, весёлый, радостный
Ингерманландия	1	0,2	Безопасная, яркая
ингерманландский	1	0,2	—
Карелия	1	0,2	Хорошая
Кексгольм	1	0,2	Плохой, шероховатый, угловатый, низменный, слабый, горячий, тихий, трусливый, хилый, маленький, подвижный, быстрый, тусклый
курляндский	1	0,2	Быстрый
Лапстранд	1	0,2	Хороший, величественный, грубый, мужественный, сильный, громкий, храбрый, могучий, большой
Лейпциг	1	0,2	Тихий, маленький
Лондон	1	0,2	Хороший, красивый, величественный, грубый, мужественный, сильный, холодный, громкий, храбрый, могучий, большой, яркий
Куду Макуба	1	0,2	Мужественный, холодный, большой
Пороэрви	1	0,2	Мужественный

Результаты количественного анализа позволяют сделать вывод, что абсолютное большинство лексем связаны со странами, достигшими соглашения: Россией (Россия, российский, всероссийский) и Швецией (свейский, Швеция, шведский), однако при этом численность единиц, связанных со Швецией, намного больше: их суммарное количество достигает 68, доля в тексте — 1,36%, тогда как численность лексем, связанных с Россией, составляет лишь 28 единиц, а доля в тексте — 0,56%.

При этом большинство номинаций, связанных со Швецией, направлены на репрезентацию либо исторических личностей, так или иначе вовлечённых в события Северной войны и заключение Ништадтского мира, либо на отражение атрибутов государства (Рис. 2):

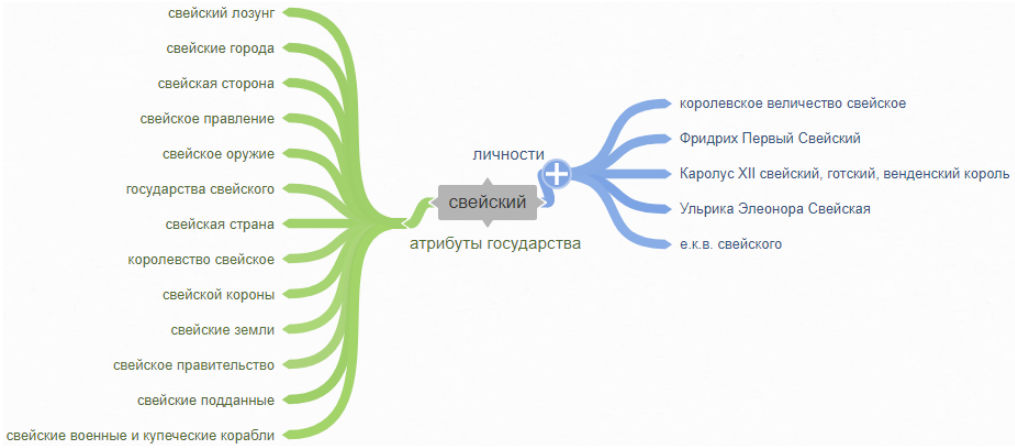

Рисунок 2. Результаты когнитивного картирования лексемы «свейский»
Figure 2. Results of cognitive mapping of the lexeme "sveisky"

Результаты когнитивного картирования позволяют сделать вывод, что, помимо обращения к политическим деятелям, *свейский* используется для номинации государственных атрибутов: *свейская сторона, свейская страна, свейское государство, свейское королевство, свейские земли, свейские города, свейские подданные, свейское правление, свейское правительство, свейское оружие, свейские корабли, свейский лозунг.*

Результаты когнитивного картирования лексемы «российский» представлены на Рис. 3:

Рисунок 3. Результаты когнитивного картирования лексемы «российский»
Figure 3. Results of cognitive mapping of the lexeme "Russian"

Полученные результаты выступают во многом аналогичными, представленным на Рис. 2, однако численность обращения к отдельным политическим деятелям, государственным атрибутам ниже: *российское государство, российская страна, российский престол, российские подданные, российские корабли, российский лозунг.*

Абсолютное большинство топонимов связано с описанием территорий, которые передаются Швецией российской короне, например:

провинции: ***Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию*** *и часть* ***Карелии*** *с дистриктом* ***Выборгского лена****, который ниже сего в артикуле разграничения означен и описан, с городами и крепостями:* ***Ригой, Дюнаминдом, Пернавой, Ревелем, Дерптом, Нарвой, Выборгом, Кексгольмом*** *и всеми прочими к помянутым провинциям надлежащими городами, крепостями, гавенами, местами, дистриктами, берегами, с островами* ***Эзель, Дагои Меном*** — т. е. в данном случае употребление топонимов объясняется необходимостью конкретизации сути соглашения, точного описания территорий, которые отныне переходят под власть российской короны.

Принимая во внимание результаты фоносемантического анализа, представляется возможным выявить оценивание концепта как (+1) позитивное, (0) нейтральное, (–1) негативное (Steibel, Marinkova 2013). При этом, если в качестве средств репрезентации позитивной (+1), негативной (–1) оценки выступают лексические единицы, в семантике которых представлены позитивные/отрицательные значения, в качестве нейтральных кодируются топонимы, в которых одновременно представлены и позитивные, и негативные оценки (Steibel, Marinkova 2013). Количественное распределение топонимов на основании учета оценочности восприятия представлено в Табл. 3:

Таблица 4. Распределение единиц на основании учёта критерия оценочности (по результатам ФС анализа)
Table 4. Distribution of units based on the evaluation criterion (based on the results of FS analysis)

Позитивная (+)	Негативная (—)	Нейтральная (0)
Выборг, Эзель, Эстляндия, Равель, Далерн, Нарва, Рига, Россия, эстляндский, Амстердам, Аренсбург, Берлин, Брауншвейг, Виллаиоки, выборгский, Даго, Дерпт, Дюнаминд, Ингерманландия, Карелия, курляндский, Лапстранд, Лондон, Куду Макуба, Пороэрви	Швеция, шведский, венденский, Лифляндия	Свейский, российский, готский, кексгольмский, Финляндия, финляндский, финский, всероссийский, лифляндский, римский, Гамбург, датский, Кексгольм, Лейпциг

Как отражают приведённые результаты, преобладают позитивные и нейтральные оценки, негативной оценочностью отличаются лишь четыре топонима: *Швеция, шведский, Лифляндия и венденский.* Количественное распределение единиц на основании учёта критерия оценочности представлено на Рис. 4:

Результаты фоносемантического анализа позволяют сделать вывод о преобладании позитивной оценки при восприятии топонимов, единиц, так или иначе связанных с событиями Северной войны и заключением Ништадтского мира, 59% от проанализированных единиц обладают выраженной позитивной оценочностью, ещё 32% единиц обладают нейтральной оценочностью, вызыва-

[3] Классификации подвергались единицы, обладающие оценочностью.

ют одновременно и позитивные, и негативные оценки, т. е. противоречивы. 9% единиц характеризуются негативным восприятием.

Рисунок 4. Распределение единиц на основании учёта оценочности (по результатам ФС анализа)
Figure 4. Distribution of units based on the accounting of appraisal (based on the results of FS analysis)

Обсуждение результатов

Изначально хотелось бы остановиться на выявлении особенностей обращения к историческим личностям, что позволяет сделать вывод, что упоминание имён собственных в текстах в основном отвечает требованиям дипломатического этикета, отражает стремление минимизировать возможности двузначной, ошибочной интерпретации условий договорённости, сознательных манипуляций, нарушений, обмана. В то же время акцент внимания на личностях Ульрики Элеоноры Свейской и Карла XII позволяет подчеркнуть древность шведского королевского рода, его связи с королевскими фамилиями Европы, представить себя в качестве наследника Римской империи: *«наследниками и потомками свейской короны и королевством свейским и оного так в Римской империи»*. Подчёркивается связь Королевства с Римской империей, отражающая претензии Швеции на сохранении своего влияния на европейские страны.

Говоря о соотношении численности топонимов, связанных с номинацией договаривающихся стран, большую численность единиц, связанных со Швецией, можно объяснить двумя основными факторами:

1) Швеция являлась проигравшей стороной, соответственно, в договоре тщательно были прописаны обязательства, которые принимала на себя страна, например: *Е.к.в. свейское уступает сим за себя и своих потомков и наследников свейского престола и королевства Свейского е.ц.в. и его потомкам и наследникам Российского государства в совершенное непрекословное вечное владение и собственность в сей войне, чрез е.ц.в. оружия от короны свейской завоеванные провинции* — в данном случае множественное обращение к прилагательному «свейский» обусловлено необходимостью повышения точности, документаль-

ности договора, продиктовано практикой заключения подобных договорённостей.

2) Стремлением Швеции как государства «сохранить лицо», что достигалось в том числе и обращением к многочисленным атрибутам государственности, отсылками к древности истории, взаимосвязям с королевскими фамилиями Европы.

Отдельно хотелось бы отметить, что результаты когнитивного картирования отражают тот факт, что шведская сторона акцентирует внимание на трёх королях, которые в той или иной степени принимали участие в событиях Северной войны, российская — на роли *«всероссийского самодержца»* и *«российского генерал-фельдцейгемейстера»,* т. е. лиц, непосредственно принимающих участие в обсуждении условий соглашения, любые отсылки к прошлому отсутствуют.

В тексте договора отдельно прописывается невозможность амнистии «российских казаков»:

Имеет ещё с обеих стран генеральная амнистия и вечное забвение всего того быть, что во время продолжающейся войны … (окроме тех ***российских казаков****, которые свейским оружиям следовали)* — т. е. в самом тексте соглашения подчёркивается невозможность включения казаков, перешедших на сторону шведов, в «генеральную амнистию».

Результаты когнитивного картирования дополнительно позволяют сделать ряд выводов:

1) и Швеция, и Россия могут быть представлены как *страны, государства, стороны* (в данном случае – военного конфликта), при этом Швеция может быть представлена как *«свейское королевство»,* Россия — ещё не империя, но уже больше, чем царство, что затрудняет поиск формулировки, которая отражала бы особенности правления государством;

2) Швеция в тексте договора может быть представлена как *шведское правление, шведское правительство,* в отношении России особенности правления представлены исключительно *российским престолом,* т. е. уже в тексте данного документа отражается усиление централизации власти, роли царя, императора, единолично принимающего решения и несущего ответственность за них. Для определения шведской стороны характерно упоминание имён королей, акцент на связи с другими королевскими фамилиями Европы, но при этом ответственность делит королевский дом и правительство.

3) В тексте договора отдельно прописана необходимость оказания помощи русским и шведским кораблях, но при этом, в отношении шведских говорится как о военных, так и о купеческих:

Ежели свейские военные или купеческие корабли от штурма погоды и иных случаев при берегах и морских краях Российского государства и ко оному принадлежащими землями на мель попадут или потонут, то имеет от е.ц.в. подданных в той нужде сущим всякое верное истинное вспоможение показано — т. е. Швеция отдельно прописывает необходимость защиты своего купечества,

купеческих кораблей. В России купеческие корабли только начинают строиться, необходимость защиты купечества отсутствует. Само строительство купеческого флота в России во многом будет обусловлено подписанием Ништадтского договора и выходом России на мировой рынок.

Говоря об особенностях употребления топонимов, следует отметить, что большая часть из них связана непосредственно с территориями, выступающими объектом соглашения между Россией и Швецией, но ряд из них затрагивает другие европейские страны: в частности, текст соглашения апеллирует к немецким (в современном понимании) городам: *Берлин, Брауншвейг, Лейпциг, Гамбург;* нидерландскому — *Амстердам*, английскому — *Лондон*. Большинство приведённых употреблений связано с процедурой выплаты Россией Швеции денежных средств через немецкие, английские и др. банки. В России банковской системы ещё не существовало, обращение к номинации английских, немецких банков было обусловлено объективно существующими реалиями.

В то же время в тексте договора отдельно упоминается прилагательное «*великобританский*»:

От страны е.к.в. свейского також е.к.в. великобританское в сей мирный трактат включается — условия Ништадтского договора подчёркивают, что военные действия прекращаются не только со стороны России и Швеции, но и стран, поддерживающих одну из конфликтующих сторон. В данном случае наглядно отображено, что Северная война в той или иной степени затронула не только Россию и Швецию, не только прибалтийские (в современном понимании), но и другие европейские страны, в том числе островную Великобританию. Текст договора наглядно отображает усиление роли, значения России не только в Прибалтике, но и на мировой арене, превращение государства, как минимум, во влиятельную в военном и дипломатическом отношении державу, позволяет подтвердить сформулированную гипотезу исследования:

Н2: текст Ништадтского соглашения отражает усиление роли и значения России на международной арене, что находит своё отражение в особенностях вербального оформления документа.

Результаты фоносематического анализа позволяют сделать вывод о преобладании позитивного восприятия лексем, очерчивающих географический охват соглашения. При этом, негативной оценочностью отличаются лексемы, связанные со Швецией, шведским, преимущественно негативное восприятие отличает и устаревшую номинацию «свейский», лишь значение «быстрый» не позволяет однозначно отнести её к группе с негативной оценкой. Сегодня сложно сказать, отличало ли негативное восприятие всего, связанного со Швецией, во время подписания Ништадтского договора или, наоборот, сам негативизм выступает следствием Северной войны.

Интересным представляется восприятие Лифляндии как «тихой и медлительной, при этом всё лифляндское оценивается как «слабое, тихое, хилое».

Римское воспринимается как что-то «слабое и маленькое», подобное оценивание в русской культуре кардинально отличается от представленного в шведском дискурсе, в частности, в тексте документа подчёркивается связь Королевства с Римской империей, что позволяет сделать вывод, что последняя оценивается шведскими подписантами как великая империя.

Финляндия и всё финское воспринимается как нечто нежное, но при этом сложное, тёмное, трусливое, тусклое, печальное.

При этом большая часть номинаций присоединённых к Российской империи территорий вызывает позитивные ассоциации: Рига, Выборг, Нарва, Дюнаминд, Дерпт, Ингерманландия, Карелия и т. д. Исключение составляет Кексгольм, который может восприниматься как нечто плохое, трусливое, хилое, тусклое.

Интересным представляется восприятие всего, связанного с российским: российский и всероссийский — это что-то шероховатое, маленькое, быстрое. При этом Россия — величественная, мужественная, сильная, холодная, храбрая, могучая, яркая. Т. е. получается, что страна величественная и могучая, а все, к ней относящееся — маленькое и шероховатое.

В целом результаты, полученные в процессе применения современных методов исследования к изучению исторического документа, позволяют сделать вывод, что Ништадтский мир стал важным шагом для дальнейшего становления Российской империи, текст документа выступает отражением усиления роли царя, императора в процессе принятия внутриполитических и внешнеполитических решений.

Результаты количественного анализа позволяют сделать вывод, что география охват соглашения охватывает не только территорию, выступающую объектом договора, но выходит за рамки двусторонних переговоров. Иными словами, особенности вербального оформления текста соглашения отражают изменение роли России в мире.

Результаты фоносемантического анализа позволяют сделать вывод о преимущественно позитивном восприятии номинаций географических объектов, которые были присоединены к России в результате Ништадтского мира.

Применение совокупности методов исследования позволяют подтвердить результаты многочисленных исследований, проведённых раннее и, как следствие, подтвердить сформулированную гипотезу:

H1: применение современных методов исследования к изучению исторических документов позволит подтвердить результаты исследований, проведённых раннее, посредством приведения новых данных.

* * *

Переоценить роль и значение Ништадтского договора для дальнейшего усиления России, становления Российской империи невозможно. Начиная с периода военных действий Северная война неоднократно выступала объектом науч-

ных рефлексий, в то же время, как отражает анализ теоретических источников, на сегодняшний день изучение текста документа с применением современных методов политических исследований не осуществлялось.

Целью исследования выступало изучение текста Ништадтского договора на основании применения контент-анализа, компьютерных методов анализа текста.

В процессе исследования использовался контент-анализ, когнитивное картирование, фоносемантический анализ.

Результаты исследования позволяют сделать вывод, прежде всего, об усилении центральной власти, роли царя, который принимает внутриполитические и внешнеполитические решения, несёт полную ответственность за них, что проявляется в снижении численности номинаций политических деятелей. В данном аспекте характер управления Россией существенно отличается от шведского: текст договора отражает обращение к трём шведским королям, так или иначе связанным с Северной войной, участие шведского правительства в принятии управленческих решений.

Анализ исторического документа позволяет сделать вывод, что соглашение содержит тщательное описание границ между странами, территорий, что приводит к функционированию в тексте многочисленных топонимов-номинантов географических объектов. В то же время наибольшая численность лексем, связанных с территориальным положением, относится непосредственно к договаривающимся сторонам — Швеции и России.

Результаты контент-анализа позволяют сделать вывод об усилении роли России на международной арене, что приводит к обращению к номинациям других европейских городов, географических объектов.

Результаты фоносемантического анализа позволяют говорить о негативном восприятии Швеции, шведского, свейского в сознании россиян, при этом практически все территории, которые в результате Ништадтского мира перешли России, обладают позитивной оценочностью.

Разумеется, полученными результатами все особенности текста соглашения, а также применения современных методов политологических исследований к изучению исторических документов не ограничиваются, работа в данном отношении должна быть продолжена: с одной стороны, представляется целесообразным осуществить изучение текста договора посредством внедрения дополнительных методов, с другой — осуществить исследование иных исторических документов на основании применения методологического инструментария.

Об авторе:

Ольга Владимировна Лебедева – доктор исторических наук, профессор кафедры дипломатии МГИМО МИД России, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: o.lebedeva@mgimo.ru

Конфликт интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: November 07, 2021
Accepted: December 02, 2021

The Nystad Peace and its Role in the Formation of Russian Statehood from 1721 to 1917

O.V. Lebedeva
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-49-70

MGIMO University

Abstract: The article is devoted to studying the role and significance of the Nystad Peace as a historical document reflecting the strengthening and importance of Russia in the world arena.
The article studies the document's text using modern methods of political science research: content analysis, cognitive mapping, phonosemantic analysis. It shows that the Treaty of Nystad reflects the features of the formation of the internal political system of Russia, witnessed in the use of anthroponyms. It also reflects the features of the historical development of Russia: its gradual transformation into an empire, the absence of a banking system, merchants as an estate, a merchant fleet. The analysis of the document allows us to conclude that the agreement regulates interactions not only between Russia and Sweden but contains references to other European countries. It speaks of Russia's strengthening role in the international arena, not so much in the military but also in diplomatic terms. It is reflected in the ways the agreement is verbalized.
The results of the phonosemantic analysis show a positive perception of the toponymy of geographic entities annexed to Russia under the terms of the Nystad Peace. At the same time, the perception of Sweden and everything Swedish is characterized by negativism. Nystad peace was vital for the development of Russia, its transformation into an empire, into an influential military force, for the modernization of the domestic governance system, the creation of new social institutions and practices, and the strengthening of domestic diplomacy.

Keywords: The Northern Union, Peter I, the Nystad Peace Treaty, Sweden, Russia

About the author:

Olga V. Lebedeva – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Diplomacy of the Moscow State Institute of International Relations (University).
E-mail: o.lebedeva@mgimo.ru

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflicts of interests.

References:

Bengtsson F. G. 1960. *The Life of Charles XII, King of Sweden, 1697-1718*. London: Macmillan.

Steibel F., Marinkova M. 2013. Positive, Negative or Neutral? The "Appraisal" Variable in Content Analyses Studies of the Media. *E-Compós.* 16(2). DOI: 10.30962/ec.v16i2.928

Artamonov V.A. 1990. *Rossiya i Rech' Pospolitaya posle Poltavskoj pobedy (1709-1714)* [Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth after the Poltava Victory (1709-1714)]. Otv. red. G. A. Nekrasov; AN SSSR, In-t istorii SSSR. Moscow: Nauka. 205 p. (In Russian)

Artamonov V.A. 2007. *Kalishskaya bataliya 18 oktyabrya 1706 g. K 300-letiyu pobedy konnicy generala A.D. Menshikova* [Kalish Battle on October 18, 1706 To the 300th Anniversary of the Victory of the Cavalry of General A.D. Menshikov]. Moscow: Cejhgauz. 51 p. (In Russian)

Artamonov V.A. 2008. *Mat' Poltavskoj pobedy. Bitva pri Lesnoj. K 300-letiyu pobedy Petra Velikogo pri Lesnoj* [Mother of the Poltava Victory. The Battle of Lesnaya. To the 300th Anniversary of the Victory of Peter the Great at Lesnaya]. Rossijskaya akad. nauk, In-t Rossijskoj istorii. Saint Petersburg: O-vo pamyati igumenii Taisii. 206 p. (In Russian)

Bahlov I.V., Napalkova I.G. 2011. Praktika razrabotki kompleksnogo prikladnogo politologicheskogo issledovaniya (na primere temy «Politicheskie mekhanizmy territorial'nogo upravleniya v sovremennoj Rossii») [The Practice of Developing a Comprehensive Applied Political Science Research (on the Example of the Topic «Political Mechanisms of Territorial Administration in Modern Russia»)]. *Integraciya obrazovaniya.* №3. P. 14-20. (In Russian)

Baskakov V.I. 1890. *Severnaya vojna 1700-1721 gg.: Kampanii ot Grodna do Poltavy 1706-1709 gg.* [The Northern War of 1700-1721: Campaigns from Grodno to Poltava 1706-1709]. Saint Petersburg: skl. izd. u avt. 263 p. (In Russian)

Bespalov A.B. 2008a. *Krestnyj put'. Poteri oficerskogo korpusa armii SHvecii v srazhenii pod Poltavoj 27 iyunya 1709 goda* [The Way of the Cross. Losses of the Swedish Army Officer Corps in the Battle of Poltava on June 27, 1709]. Moscow: AGPS MCHS RF. (In Russian)

Bespalov A.B. 2008b. *Uroki Gemauertgofa* [Gemauerthoff Lessons]. *Rejtar.* №36. (In Russian)

Bespalov A.B. 2008v. Fraushtadskij manevr 2/3 fevralya 1706 g. [Fraustadsky Maneuver. February 2/3 , 1706]. *Nauchno-tekhnicheskij sbornik.* №34., ch. 1. P. 32-37. Moscow: VI (IV) OA VS RF. (In Russian)

Bespalov A.B. 2019. Karl XII – pocherk polkovodca [Charles XII – the Handwriting of the Commander]. *Norwegian Journal of Development of the International Science.* №35. P. 8-16. (In Russian)

Bespalov A.B. Bitva pri Hel'singborge 27/28 fevralya 1710 g. [Battle of Helsingborg February 27/28 , 1710]. *Nauchno-tekhnicheskij sbornik.* №34., ch. 1., S. 22-27. Moscow: VI (IV) OA VS RF. (In Russian)

Bobrovskij P.O. 1881. *Staroshvedskoe voennoe pravo* [Old Swedish Military Law]. Saint Petersburg: Mamontov i Ko. 38 p. (In Russian)

Grigor'ev B.N. 2006. *Karl XII, ili pyat' pul' dlya korolya* [Charles XII, or Five Bullets for the King]. Moscow: Molodaya gvardiya. 547 p. (In Russian)

Ivanyuk S.A. 2016. Furazhirovka kak element vedeniya maloj vojny russkoj armiej na pervom etape Severnoj vojny (1706-1707 gg.) [Foraging as an Element of the Conduct of a Small

War by the Russian Army at the First Stage of the Northern War (1706-1707)]. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki.* Tom 8. P. 439-471. (In Russian)

Iz rannej istorii shvedskogo naroda i gosudarstva: pervye opisaniya i zakony [From the Early History of the Swedish People and State: the First Descriptions and Laws]. 1999. Rossijskij gos. gumanitarnyj un-t, Rossijsko-shvedskij centr; otv. red. i sost. A A. Svanidze. Moscow: Rossijskij gos. gumanitarnyj un-t. 332 p. (In Russian)

Kosharnaya G.B., Kosharnyj V.P. 2016. Triangulyaciya kak sposob obespecheniya validnosti rezul'tatov empiricheskogo issledovaniya [Triangulation as a Way to Ensure the Validity of Empirical Research Results]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region.* Obshchestvennye nauki. 2(38). P. 117-122. (In Russian)

Krotov P.A. 2004. *Sovershennyj kamen' vo osnovanie Sankt-Peterburha» (Poltavskaya bitva: nekotorye itogi i perspektivy izucheniya)* [The Perfect Stone for the Foundation of St. Petersburg. (The Battle of Poltava: Some Results and Prospects of Study)]. Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy. Materialy pyatoj ezhegodnoj Mezhdunarodnoj konferencii. Saint Petersburg: P. 74-83. (In Russian)

Krotov P.A. 2009. *Bitva pri Poltave. K 300-letnej godovshchine* [The Battle of Poltava. For the 300th Anniversary]. Saint Petersburg: Istoricheskaya illyustraciya. 414 p. (In Russian)

Krylova T.K. 1940. Franko-russkie otnosheniya v pervoj polovine Severnoj vojny [Franco-Russian Relations in the First Half of the Northern War]. *Istoricheskie zapiski.* Moscow. T. 7. P. 115-148. (In Russian)

Krylova T.K. 1942. Rossiya i «velikij soyuz» [Russia and the «Great Union»]. *Istoricheskie zapiski.* №13, P. 84–129. (In Russian)

Krylova T.K. 1946. Diplomaticheskaya podgotovka vstupleniya russkoj armii v Pomeraniyu v 1711 godu [Diplomatic Preparation of the Entry of the Russian Army into Pomerania in 1711]. *Istoricheskie zapiski.* T. 19. P. 17-62. (In Russian)

Mitina O.V., Evdokimenko A.S. 2010. Metody analiza teksta: metodologicheskie osnovaniya i programmnaya realizaciya [Methods of Text Analysis: Methodological Foundations and Software Implementation]. *Psihologiya. Psihofiziologiya.* Vyp. 11. P. 29-38. (In Russian)

Myshlaevskij A.Z. 1893. Severnaya vojna na Ingermanlandskom i Finlyandskom teatrah v 1708-1714 godah [The Northern War at the Ingermanland and Finnish Theaters in 1708-1714]. *Dokumenty gosudarstvennogo arhiva: Sbornik voenno-istoricheskih materialov.* T. 5. Izdanie voenno-uchenogo Komiteta Glavnogo SHtaba. Saint Petersburg: Voen. tip. Gl. shtaba. 486 p. (In Russian)

Myshlaevskij A.Z. 1896. Petr Velikij: *Vojna v Finlyandii v 1712-1714 goda* [Peter the Great: The War in Finland in 1712-1714]. Sovmest. operaciya suhoput. armii, galer. i korabel. flotov. Saint Petersburg: Voen. tip. 668 p. (In Russian)

Nishtadtskij mirnyj dogovor mezhdu Rossiej i Shveciej. 30 Avgusta 1721 g. [The Nystad Peace Treaty between Russia and Sweden. August 30, 1721]. 1992. Pod styagom Rossii: Sbornik arhivnyh dokumentov. Moscow: Russkaya kniga. P. 118-131. (In Russian)

Novoe prostranstvo mirovoj politiki: vzglyad iz SSHA [The New Space of World Politics: a View from the USA]. 2011. *Analiticheskie doklady IMI.* 6(30). Moscow: MGIMO-University. 136 p. (In Russian)

Rostunov I.I. 1987. *Istoriya Severnoj vojny 1700-1721 gg.* [History of the Northern War of 1700-1721]. Moscow: Nauka Yazyk. 217 p. (In Russian)

Tatarnikov K.V. 2008. *Russkaya polevaya armiya 1700-1730. Obmundirovanie i snaryazhenie* [The Russian Field Army 1700-1730. Uniforms and equipment]. Moscow: Lyubimaya kniga. 352 p. (In Russian)

Vozgrin V.E. 1986. *Rossiya i evropejskie strany v gody Severnoj vojny: istoriya diplomaticheskih otnoshenij v 1697-1710 g.g.* [Russia and European Countries during the Northern War: the History of Diplomatic Relations in 1697-1710]. Otv. red. E.V. Anisimov; AN SSSR, In-t istorii SSSR. Leningradskoe otd-nie. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otd-nie. 296 p. (In Russian)

Zhuravlev A.P. 1991. *Zvuk i smysl* [Sound and meaning]. Moskva: Prosveshchenie. 160 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Артамонов В. А. 2007. *Калишская баталия 18 октября 1706 г. К 300-летию победы конницы генерала А. Д. Меншикова.* Москва: Цейхгауз. 51 с.

Артамонов В. А. 2008. *Мать Полтавской победы. Битва при Лесной. К 300-летию победы Петра Великого при Лесной.* Российская акад. наук, Ин-т Российской истории. Санкт-Петербург: О-во памяти игумении Таисии. 206 с.

Артамонов В. А. 1990. *Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714).* Отв. ред. Г. А. Некрасов; АН СССР, Ин-т истории СССР. Москва: Наука. 205 с.

Баскаков В. И. 1890. *Северная война 1700–1721 гг.: Кампании от Гродна до Полтавы 1706–1709 гг.* Санкт-Петербург: скл. изд. у авт. 263 с.

Бахлов И.В., Напалкова И. Г. 2011. Практика разработки комплексного прикладного политологического исследования (на примере темы «Политические механизмы территориального управления в современной России»). *Интеграция образования.* №3. С. 14–20.

Беспалов А.В. 2019. Карл XII — почерк полководца. *Norwegian Journal of Development of the International Science.* №35. С. 8–16.

Беспалов А.В. 2008а. *Крестный путь. Потери офицерского корпуса армии Швеции в сражении под Полтавой 27 июня 1709 года.* Москва: АГПС МЧС РФ.

Беспалов А.В. 2008б. Уроки Гемауэртгофа. *Рейтар.* №36 (3/ 2007 г.).

Беспалов А.В. Битва при Хельсингборге 27/28 февраля 1710 г. *Научно-технический сборник.* №34., ч. 1., С. 22–27. Москва: ВИ (ИВ) ОА ВС РФ.

Беспалов А.В. 2008в. Фрауштадский маневр 2/3 февраля 1706 г. *Научно-технический сборник.* №34., ч. 1., С. 32–37. Москва: ВИ (ИВ) ОА ВС РФ.

Бобровский П.О. 1881. *Старошведское военное право.* Санкт-Петербург: Мамонтов и Ко. 38 с.

Возгрин В.Е. 1986. *Россия и европейские страны в годы Северной войны: история дипломатических отношений в 1697–1710 г.г.* Отв. ред. Е. В. Анисимов; АН СССР, Ин-т истории СССР. Ленинградское отд-ние. Ленинград: Наука. Ленинградское отд-ние. 296 с.

Григорьев Б.Н. 2006. *Карл XII, или пять пуль для короля.* Москва: Молодая гвардия. 547 с.

Журавлев А.П. 1991. *Звук и смысл.* Москва: Просвещение. 160 с.

Иванюк С.А. 2016. Фуражировка как элемент ведения малой войны русской армией на первом этапе Северной войны (1706–1707 гг.). *История военного дела: исследования и источники.* Том 8. С. 439–471.

Из ранней истории шведского народа и государства: первые описания и законы. 1999. Российский гос. гуманитарный ун-т, Российско-шведский центр; отв. ред. и сост. А.А. Сванидзе. Москва: Российский гос. гуманитарный ун-т. 332 с.

Кошарная Г.Б., Кошарный В.П. 2016. Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки.* 2(38). С. 117–122.

Кротов П.А. 2004. Совершенный камень во основание Санкт-Петербурха» (Полтавская битва: некоторые итоги и перспективы изучения). *Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы пятой ежегодной Международной конференции.* Санкт-Петербург: С. 74—83

Кротов П.А. 2009. *Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине.* Санкт-Петербург: Историческая иллюстрация. 414 с.

Крылова Т.К. 1940. Франко-русские отношения в первой половине Северной войны. *Исторические записки.* Москва. Т. 7. С. 115–148

Крылова Т.К. 1942. Россия и «великий союз». *Исторические записки*». №13, С. 84–129

Крылова Т.К. 1946. Дипломатическая подготовка вступления русской армии в Померанию в 1711 году. *Исторические записки.* Т. 19. С. 17–62.

Митина О.В., Евдокименко А.С. 2010. Методы анализа текста: методологические основания и программная реализация. *Психология. Психофизиология.* Вып. 11. С. 29–38.

Мышлаевский А.З. 1893. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 годах. *Документы государственного архива: Сборник военно-исторических материалов.* Т. 5. Издание военно-ученого Комитета Главного Штаба. Санкт-Петербург: Воен. тип. Гл. штаба. 486 с.

Мышлаевский А.З. 1896. *Пётр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 года: Совмест. операция сухопут. армии, галер. и корабел. флотов.* Санкт-Петербург: Воен. тип. 668 с.

Ништадтский мирный договор между Россией и Швецией. 30. Августа 1721 г. (1992) *Под стягом России: Сборник архивных документов.* Москва: Русская книга. С. 118–131.

Новое пространство мировой политики: взгляд из США. 2011. *Аналитические доклады ИМИ.* 6(30). Москва: МГИМО-Университет. 136 с.

Ростунов И.И. 1987. *История Северной войны 1700–1721 гг.* Москва: Наука Язык. 217 с.

Татарников К.В. 2008. *Русская полевая армия 1700–1730.* Обмундирование и снаряжение. Москва: Любимая книга. 352 с.

Эрикссон П. (2009). Шведские историки о Карле XII и Великой Северной войне. *Новая и новейшая история.* № 4. С. 8–27.

Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(6). С. 71–88
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-71-88

Check for updates

Peter I and the Birth of the Russian Empire: Political Leadership and Military Successes in Comparative Perspective

A. Dimitrov[1], G. Durev[2]

[1] University of National and World Economy (Bulgaria)
[2] Sofia University St. Kliment Ohridski (Bulgaria)

Abstract: Empires are usually born through political recognition and extensive military successes. The ruler's personality and the activities of political and military advisors and generals are crucial for the emergence of an empire. The authors argue that in the case of Peter the Great (Peter I), the political recognition and military successes were achieved simultaneously in the east and west, however, in different contexts. The authors make a series of comparisons between Peter I and other monarchs of the epoch, such as Carl XII, August II, Frederick I, Carlos II, Willem III, Leopold VI, and others, relying on three main categories, namely education, "vices and virtues" and political views. This comparison is necessary to highlight the essential prerequisites in Peter's personal development that might have determined his political actions. In addition, the article carries out an evaluation of the geopolitical significance of the military campaigns and victories achieved by the tzar and his commanders. These achievements are substantiated to correlate with Russian rise as a great power directly. After the Peace of Nystad, the geopolitical interests of the Tsardom were finally met, with the territorial dominium of the Empire being outlined for a century ahead.
Furthermore, the territorial expansion was accompanied by the exercise of the "imperium" as a political authority exclusive to the Russian monarchs. The authors try to highlight the connection between the personal development of monarchs, their achievements, and imperial ambitions. The comparative analysis of these factors in various imperial cases provides additional considerations for understanding the historical period.

Keywords: Peter I, imperium, leadership, geopolitics, war, Peace of Nystad, the Great Northern War

What is essential to create an empire is one of the key questions of the current research. There are various definitions for "empire." It usually refers to a major political unit where the metropolis or other sovereign authority exercises control over the territory of a great extent or several regions or

UDC: 94, 327
Received: October 15, 2021
Accepted: December 08, 2021

peoples through formal annexations or various types of informal domination[1]. Another definition states that it is an extensive territory under the control of a supreme ruler (typically an emperor) or an oligarchy, often consisting of an aggregate of many separate states or territories; or, in later use: an extensive group of subject territories under the rule of a single sovereign power[2]. Therefore, an empire is underpinned by two equally necessary elements: vast territory and ruling authority. In the case of Russia at the end of the 17th century, the territory as a critical element was already present. The biggest part of Siberia was conquered by the Tsardom between the mid-16th and mid-17th centuries. When Peter I came to power, the Russian Tsardom was far more extensive than most European states. Indeed the territory by itself is not enough for a state to be recognized as an empire. There is also a vital need to recognize the imperial authority of the sovereign. Such a condition is essential because of the basic imperial pattern established in Europe. This is the model that emerged in the Roman Empire, where the emperor's power was total, with his authority extending unconditionally to both the army and the political institutions. This model survived after the Empire's collapse granting even more powers to the Byzantine emperors.

The key term in this context is "imperium." In the broadest sense, imperium refers to the scope of power over something (process, institution, etc.) or someone (hierarchical subordination). Still, we usually mean the Roman usage mentioned above when it comes to monarchical power. Here imperium denotes a dual capacity: to wage wars and make and execute laws. An "emperor" was originally a victorious general, later a supreme magistrate, but it also came, even in late Republican Rome, to have a different connotation: the size of the territory. Imperium meant to rule over extensive, far-flung spaces, far beyond the original "homeland" of the rulers (Howe 2002: 14). Peter I followed an even more strict formula than that of the Eastern Roman Empire, so the imperium of the monarch was superior to all (except God): the formula *basileús [kai] autokrátōr* (emperor and autocrat).

To achieve such an imperial status, Peter I understood that he had to be recognized by all other monarchs of the same imperial status in Europe. Such recognition must have been achieved simultaneously on the battlefield through military victories and politically through appraisal of his political leadership. Paraphrasing Sarolta Takacs, to sustain an empire (in the Roman sense), a successful leader displays virtues[3] to secure loyalty and employs rhetorical discourse grounded in traditional virtues (*the mos maiorum*) accepted by the ancient Romans. The most virtuous leaders received the

[1] O'Neil D. Empire. *Encyclopedia Britannica*. 2021. URL: https://www.britannica.com/topic/empire-political-science (accessed 01.11.2021)

[2] Empire. *Oxford Dictionary Online*. 2021. URL: https://www.oed.com/view/Entry/61337?rskey=ZzCRVM&result=1&isAdvanced=false#eid (accessed 01.11.2021)

[3] In this case – virtue, manliness, moral stature, courage, and other qualities.

honorific "father of the country" (*pater patriae*) and could claim divine favor (Takacs 2009: XVIII)[4].

In the article, it is substantiated that the forging of an empire requires territorial expansion, meaningful military successes, and visionary political leadership, whose understanding remains impossible if not put into the historical context that is, in this research, the last quarter of the 17th century and the beginning of the 18th century.

The epoch of Peter I

The life of Peter I and his rise to power are marked by a few significant characteristics. Most authors state that the foundations of the Russian Empire were built during the first Romanovs – Michael, Alexis, and Fyodor III[5]; the most essential condition here was the overcoming of the devastation during the Time of Troubles. As Shmurlo writes, "the wounds of the period must be healed – the country is in ruins and impoverished; the treasury is empty and cannot meet the needs of the state; the ruling authority is diminished; the outside threats are rising" (Шмурло 2008: 203). At the regency of Sophia, most of the "wounds" were to some extent healed, but Russia, despite the territorial expansion, lacked development and cultural progress. Here is the second crucial characteristic of the period: the young tsar was aware of the situation; he understood the obsolescence of the old ways and the need for reform but lacked the knowledge and authority to implement changes (Soloviev 1994: XV). For that reason, the Great Embassy as a reflection of this understanding is reviewed in detail hereafter. The third important point is the existence of three major venues of the imperial foreign policy – the Baltic, the Black sea, and the Polish ones (Шмурло 2008: 204). These directions eventually led to the Russo-Turkish War (1686-1700), The Great Northern War (1700-1721), and the struggle against the Polish ambitions in Eastern Europe.

The Peace of Westphalia put an end to the Thirty Years' War and unleashed serious centrifugal processes in all parts of the Holy Roman Empire. At the end of the century, the Swiss Confederation and the Netherlands left the Empire; Austria was getting stronger and, together with the Polish-Lithuanian Commonwealth defeated the Ottoman Turks in Vienna; Prussia was also gaining independence as a sovereign entity. The Holy Roman Empire no longer existed with its former splendor and power. Instead, there was rather a fragile confederation of different units held together by the authority of the Habsburgs (Bryce 1901: 343-345). This led to the rise of Brandenburg Prussia and eventually to the formation of the Austrian Empire later on – diplomatic rivals and allies of the Russian Empire during the next 200 years (Figure 1).

---

[4] It must be noted that with the emerging of Christianity Christ was referred as King of Kings and in that sense the divine imperium was understood – rule over all divine and earthly.

[5] Russian Empire. 2021. *Britannica, Encyclopaedia.* URL: https://www.britannica.com/place/Russian-Empire (accessed 01.11.2021)

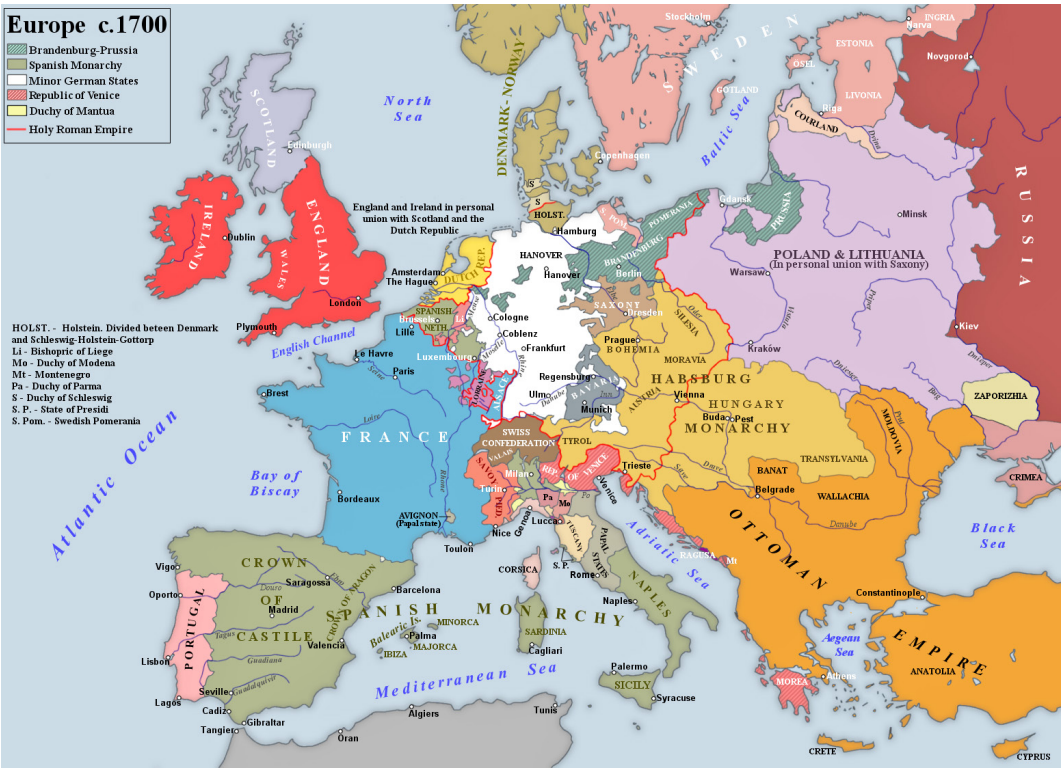

Figure 1. Europe at the beginning of the 18th century
Source: Wikimedia Commons, author: Rebel Redcoat

After Westphalia, the Great Elector Frederick William I started a vast (protestant in spirit) reconstruction of the state. He built a state based on order, a militaristic and bureaucratic regime, which would earn him widespread respect (Shennan 1995: 29). He indeed laid down the foundations of the modern (at the time), centralized and unitary state (Gesamtstaat), but also bound to the tradition of nobility, an absolutist, and to some point, old-style dynast (Shennan 1995: 39). In the consequent Nine-Years' War and the following diplomatic maneuvers, Frederick III (later King Frederick I) demonstrated that Prussia would play a significant role during the next century.

The Peace of Westphalia also reinforced the Habsburg separatism and fostered the independent development of Austrian lands. At the same time, as holy emperor and sovereign of the Austrian lands, Leopold I provided new guidance for the old imperial institutions. His efforts were partially successful: the imperial political institutions began to be reformed and renewed; the changes made the Viennese court an even stronger center of attraction for the Reich's nobility. It begot continuous stability and a series of domestic and foreign successes (mainly during Leopold's reign) (Whaley 2012: 7).

In the same period, one of the most important issues for Russia were the relations with the Polish-Lithuanian Commonwealth, where King Jan III Sobieski gained momentum as a defender of the faith, victorious warrior against Ottomans, and bold

reformer. At the same time, the Polish Commonwealth was divided. In socio-political terms, the Polish state could not resolve the contradictions between modern and national perceptions of one part of society and the religious, archaic, and hierarchical views of the other (Zamoyski 2014). Usually mentioned as one of the last true kings of Poland, despite his efforts, Jan III Sobieski failed to revive Poland as a great power. The nobility opposed his reforms (especially the liberum veto) and the centralization of royal power (including the hereditary principle). The crisis after his death deepened the political anarchy and economic ineffectiveness (Stiles 1999: 727).

Prussia, Austria, and Poland were of vital interest for the Russian foreign policy and the states of Western Europe: France of Louis XIV, the Netherlands of William III of Orange, who was also the king of England, and Spain of Charles II. Different styles of rule characterized the three monarchs. William III tried to balance between the crown and parliament in England and between kingship and the citizen status of stadtholder in the United Dutch Republics. France of Louis XIV was the most populated and one of the most prosperous European countries. With the unmatched presence of its king and his international prestige, modern and capable army, a booming economy, and widespread cultural influence, France stayed a leading country.

On the contrary, Charles II was the last Habsburg to rule Spain since his reign was disastrous for the Empire. After his death, Spain remained the great power only on paper, without an undisputed successor to the throne, a ruined treasury (troubled with heavy loans), a small and demoralized army, and a disorganized fleet unable to defend its territories outside mainland Spain.

These developments determined the international environment for Russia when Peter I came to power and later during the military confrontation with the Ottoman Empire and the Kingdom of Sweden. At the same time, the vast Ottoman Empire was no longer the power that existed in the previous century: new tactics, military engineering, and training could fight easily against massive but less modernized armies. The Swedish aristocracy and its young king Carl XII understood that, but Peter I and his counselors realized that even earlier and the need for modernization of the Russian army. That reason – looking for advanced knowledge, experience, and know-how – was one among the most important in the organization of the Grand Embassy. However, there was one more reason: the opportunity to study European monarchies more precisely in practice and personally, especially in terms of their authority, prestige, and political leadership patterns.

The political leadership of Peter I and his fellow monarchs

While considering imperial leadership, one usually refers to the Roman period. Still, the truth is that every epoch has its standards, and that should be considered while comparing them. Most of the European rulers fall in the category of "heroic leadership," which is not surprising. Heroism has had significant importance for every epoch from classical antiquity till now; historians even proposed the first official lead-

ership theory, "The great man theory." In 1841 Thomas Carlyle wrote the book "On Heroes, Hero-Worship and the Heroic in History," and several years later, Francis Galton strongly influenced the trait theory through his two books "Hereditary Genius" and "Noteworthy Families." Indeed, Carlyle's work was rather "history of the great men" than a strict concept. Still, as a competent historian, Carlyle gave his audience a remarkable panorama of hero-worship through the ages but also in different perspectives – the hero as divinity, as a prophet, as a poet, a priest, a man of letters, and as a king (Dimitrov 2020: 68). Perceiving a ruler as an enlightened autocrat was not usual for ordinary people who tended to see in their "tsar" something extraordinary, even legendary, as they perceived Ivan Tsarevich and his heroic doings or Prince Vladimir Bright Sun (Seal 2001). However, it was not the same for aristocratic circles and courts in Europe. The authors of the early 16 century paved the road to a new image of the ruler and emperor. John Skelton, Erasmus, Machiavelli, and Antonio de Guevara created a unique formula enhancing the old concept of the divine mandate and new leadership standards for their sovereigns (like Henry VIII, Charles V, Lorenzo di Medici, etc.). The kings and emperors must have obtained more knowledge of the past and present, generated multiple ways to understand their realm, and acted accordingly. The monarch's person was still sacred, but the importance of knowledge exceeded the significance of divine blessing (Dimitrov 2020: 78). More or less, this concept of the enlightened autocrat remained unchanged throughout the 17 century.

Therefore, the Great Embassy cannot be understood historically only as a diplomatic mission with political goals. Russia obtained specific technological knowledge, secured the anti-ottoman coalition, and even gained favor against Sweden, where the confrontation was inevitable. Now the story of the Great Embassy allows us to compare the tsar with the other monarchs of that time and that trip, to wit: King William III, also head of state of the Dutch republics, Elector of Brandenburg Frederick I (later King of Prussia), Holy Roman Emperor Leopold I and King of Poland August II. In the following comparison, we make several remarks regarding King Louis XIV and Silvestro Valier Doge of Venice since France and Venice were also of great importance for Russia. Although the diplomatic tensions between France and Russia made such a visit impossible, Peter I would travel to France later, in 1717. As for Venice, the Streltzi uprising forced the tzar to return immediately regardless of the previously planned visit.

The comparison among the rulers follows a more straightforward scheme than regular use. Instead of the seven criteria for leaders' comparison singled out in "Ashgate Research Companion to Political Leadership" – personality and traits; followers; societal or organizational context; agenda of collective problems; leader's interpretative judgment; the means used and the effects/results (Masciulli, Molchanov and Knight 2016: 5-6), the study relies on three consolidated features – education, vices and virtues, and political views.

Education. Peter I received his formal education in a troubled atmosphere. Most researchers suggest that the primary education for every young prince was unsystematic and reduced to practical training (Шмурло 2008: 280). There was some tutoring

from various teachers, but a lot depended on self-education and personal life experience through trial and error. Later the lack of proper standardized education was corrected thanks to his confidants like Boris Golitsyn and Andrei Matveev.

Interestingly, the education of Louis XIV shared a similar fate but to a lesser degree. Louis XIV's education was interrupted during the Fronde, so he did not receive the complete humanist syllabus, which might fit a subject for a high office (Treasure 2001: 4). Like Saint-Simon or Druon, some authors went even further, highlighting the complete lack of relevant education regarding the young Louis XIV (Wolf 1972: 5). It is entirely the opposite with Leopold I and William III. The future emperor of the Holy Roman Empire was extremely eager to learn, as witnessed by historians including James Bryce. He eventually became fluent in Latin, Italian, and Spanish and had good knowledge of history, literature, natural science, astronomy, and music. Leopold was a person with deep devotion as one of many qualities, which turned him into the personification of pietas Austriaca (Austrian piety), the loyal Catholic attitude of his House[6]. William III received primarily a theologian education, so the young prince must have known the Reformed doctrine in detail. Later the prince continued his education in Leiden for nearly seven years, studying ethics, philosophy, French, history, etc. (Troost 2005). The education of Frederick I was somewhere in between – it was provided by only two but very well-prepared private tutors.

Vices and virtues. It is hard to determine an individual's core set of values even when many of his deeds are well-known and studied. Still, it is even harder to determine if such qualities are sufficient for the emperor's title. To be "best" and "brightest" is not enough in the world of real politics. Sylvester Valier, for example, did not have the political intelligence of his father or the practical wisdom of the Medici's. Still, he was a handsome man, a good orator, generous to the poor, and magnanimous to ordinary people. He rose steadily from procurator of St Marco (at the age of 19) to appointee at Banco Giro (age of 25), wise man of the Merchandise (age of 31), and so on till the election for Doge in 1694 (at 64). He was not magnificent in any sense but had a noble and dignified profile ideal for the position (Zago 2020). Although there was a dramatic difference between the royal profiles in question, they still shared traits that defined them and even made them closer.

The first one is the enormous ambition for exercising power and to rule through whole imperium – it is most notable in Louis XIV, Carl XII, and Peter I, and only some specific circumstances deprived some of them of that opportunity – Leopold I, William III, Jan III or August II. Secondly, it is the temptation to make reforms. Some of them appeared to be unsuccessful reformers, such as the polish kings, while others like Louis XIV, Leopold I, or Peter I are recognized as great reformers of the 17-18th century. Usually, the success or failure of specific reforms correlates with the political

[6] Dienst H. 2020. Leopold I. *Encyclopedia Britannica*. URL: https://www.britannica.com/biography/Leopold-I-Holy-Roman-emperor (accessed 01.11.2021)

will for their implementation directly. Most of the reviewed monarchs had this quality, especially if compared with Charles II of Spain, whose rule put an end to the Spanish Empire as a great power. The third is the lack of fear to resolve strategic problems through military confrontation. The Doge of Venice, for example, rarely even spoke about military intervention. However, all the other monarchs were inclined to wage wars. Some of them proved to be talented military commanders like Carl XII or Jan III Sobieski; many, with Louis XIV, considered war an element of grand strategy; for Peter I or William III, war was a necessity determined geopolitical projections of the neighboring countries. Thus, war as an instrument was a shared characteristic of the reviewed monarchs despite the differences.

Political views. Peter I and his fellow monarchs tended to cement a stable and personal control over the state's affairs and strived to create the image of an enlightened person in the eyes of the people, aristocracy, and their neighbors. The Protestant William III and King Frederick I and the Catholic Jan III, August II, and Leopold I, were very religious (or emphasized religious issues). It is hard to define the exact attitude of Peter I to the church. Like many before him, he regarded it as an instrument of state (by utilitarian approach), and as a result, he stayed in constant confrontation with the clergy. Carl XII was even more disinterested in religious matters and did not take faith into considerations while making his political decisions. These monarchs might be characterized as enlightened autocrats, especially Sun King Louis XIV or "Swedish meteor" Carl XII, who was sometimes called "the lion of the north," "the chosen of God," or recognized as an early archetype for the 18th century enlightened despots[7]. However, in terms of real change, Peter I stood *primus inter pares,* with his glorious achievements being undisputed despite the contradicting nature of his rule.

Military successes and their nature

Political leadership is of crucial importance: the imperial structures' emergence, rise, and fall are usually associated with the names of historical figures that remain in the chronicles with their creative or destructive activities. Some of them become a symbol of power and a pattern for political behavior, with contemporaries even recognizing them as true revolutionary forces of history. Their names still provoke controversial debates about personal qualities, role in separate events, and ability to influence the political process. They considered a symbol of the era to be future generations, those who can skillfully combine different qualities that are in tune with the challenges of the epoch. In such a difficult period when the Russian Empire emerged, the head of state was precisely a figure who successfully combined political vision, strategic sense, military abilities, and diplomatic agility. All these qualities of Peter I, combined with

[7] Dash M. 2012. The Swedish Meteor: The Blazing Career and Mysterious Death of Charles XII. *mikedashhistory.com.* URL: https://mikedashhistory.com/2012/09/25/the-swedish-meteor-the-blazing-career-and-mysterious-death-of-charles-xii/ (accessed 01.11.2021)

the appropriate historical conditions, were crucial for a new status of the Tsardom of Russia.

As with any significant historical figure, the assessments of Peter I are not – and cannot be – unambiguous. However, it is difficult to dispute that he made a substantial contribution to the transformation of the Russian state into an empire. Although some researchers criticize Peter's reforms as a retreat from the Russian traditions (Карамзин 1991; Платонов 2007), the state's modernization ultimately leads to political and military strengthening of Russia.

One of the drawbacks of the studies focusing on that period is the focus on internal reforms of Peter I as the basis for empire building at the expense of underestimating essential aspects of his foreign policy. As far as Peter's military policy is concerned, historiography is dominated by the Great Northern War as a central event, a core of the Russian strategy. This approach is correct but only from a narrow historical point of view. If the geopolitical instruments are applied, other essential vectors of Russian foreign policy might be seen more clearly. However, these vectors do not always complement each other, although they are related to a common ideological core.

The territorial expansion is a fundamental prerequisite for the emergence of imperial structures. Its realization is usually a priority goal based on will and military success. The operationalization of the "military success" concept seems to be easy because battles and wars, in most cases, can be associated with a specific winner; however, preoccupation with this statement is misleading: there are situations whose potential strategic horizons and operational spaces that can be uncovered even after a military loss have to be considered. Military initiatives of Peter I should also be discussed within this conceptual framework.

Above all, it is necessary to make a specific distinction between the directions of the territorial expansion of the Russian state. Russia developed a particular type of colonization to the east and southeast, which can be defined as a mixed type between imperial power colonialism, settler colonialism, and extractive colonialism. None of the types existed in their pure form (Shoemaker 2015). However, for several reasons, one can argue that the striving for a territorial expansion of Russia to the east was not only economic since it was also aimed to ensure security regardless of the initial economic motivation. In contrast to the Western type of territorial expansion, in the Russian case, there were no natural obstacles between Russia and distant unknown lands – seas, oceans, insurmountable mountains, that made the full possession of these lands a primary factor of security.

The territorial expansion to the west and southwest did not follow this logic because the uncertainty was minimized here, and the opponents were well known. Instead, it was a traditional enlargement based on military clashes between states whose geopolitical fields partially overlapped, and the right to own the territory was determined by force between relatively equivalent actors (Окунев 2019: 229-231). Two specific factors influenced the geopolitical context. Firstly, the states bordering the Tsardom of Russia, including the Habsburg and Ottoman Empires, were developing as

continental states and had no purposeful interest in conquering overseas territories. Secondly, those circumstances predetermined their aspiration for access to the sea, not falling into economic isolation from the fast-growing maritime market, also maintaining the navy as a resource of imperial power.

Peter's Azov campaigns, 1695-1696

At the beginning of Peter's reign, Russia was practically isolated from the World Ocean. Among the major continental powers in the region, only Russia had no access to the sea. The Black Sea was almost inland to the Ottoman Empire, and Sweden controlled the Baltic Sea, so these two directions became a strategic choice for Peter I.

The Eastern European countries were engaged in protracted bloody battles in the Holy League War with the Ottoman Empire. Furthermore, the Nine Years War was in full swing across the west, engaging the Habsburg Empire's forces on multiple fronts. These circumstances influenced Peter's decision to reach the Black Sea. The Ottoman Empire was militarily engaged on the Eastern European front; Russia participated in the Holy League, so practically, the two countries were in a state of war. The Ottoman Empire seemed to be a more suitable adversary than Sweden; moreover, it was the secondary front for the Sublime Port; therefore, Peter initiated his Azov campaigns (Стоянов 2018: 141-143).

Giving today's assessment to Peter's decision is not so easy. In terms of historical realities, it was correct. From a practical point of view, the control of Azov did not provide open access to the sea since the Kerch strait, the Bosporus, and the Dardanelles remained under the control of the Ottoman Empire, restraining the operational capabilities of a potential Russian Azov fleet. Geopolitically the strong presence in the Black Sea was possible only through the possession of the Crimean Peninsula, so probably that was a reason why the Azov campaigns did not receive a detailed assessment. There is again a tendency to downplay the strategic importance of the conquest of Azov because of its returning to the Ottoman Empire in just over a decade. Then what was Peter's military success in the Azov campaigns?

Military affairs can easily fall into the trap of dichotomous "victory-loss" thinking. When analytical tools are applied, both "results" might have unequal long-term consequences. The Azov campaigns represent a striking example of that because the military success of the de facto conquest of Azov did not bring serious strategic advantages. Still, Peter managed to learn the necessary lessons and took actions that, in the long-turn perspective, would make the Azov campaigns a critical success in the process of transformation of Russia into a great power.

First comes the thesis of the birth of the Russian navy that has already become a cliché. Of course, it is naive to think that the navy emerged only thanks to Peter I, but during his rule, ship manufacturing became a purposeful and coordinated state policy. The modest navy that had been built for sure was not able to compete with the naval forces of the Ottoman Empire. Still, it finally cemented the belief that Russia was

doomed to remain an isolated regional power without a strong navy. In that sense, Peter took the first step towards going beyond the conceptual understanding of Russia as a land power.

Secondly, immediately after the conquest of Azov, Peter ordered the first naval base – Taganrog – to be established. Despite the limited operational capabilities of the Azov Sea (since it did not provide direct access to the World Ocean), access to the sea significantly affected the development of the Russian fleet, both technologically and in terms of its use. The importance of naval bases for power projection in neighboring and far regions was correctly recognized. At the same time, from the point of view of classical geopolitics, there is a significant difference in the attitudes of "land" and "sea" powers to the navy usage. Peter I understood the importance of maintaining a permanent fleet in the Sea of Azov as a key element in controlling the surrounding area and approaching the Volga region and the Caucasus.

Thirdly, the Azov campaigns revealed many weaknesses in the Russian army, which in the long run allowed Peter to undertake the necessary reforms to meet the requirements of the coming geopolitical confrontation. That was not just about another reform, but about the feeling that the army should be a permanent and professionally built element of imperial power, a kind of mandatory attribute whose functioning must follow strict rules and regulations. Thus, after the conquest of Azov and the Streltsy uprising in 1698, Peter began one of his most outstanding reforms – the transformation of the Russian army into a stable institution of the future Empire and an essential component of Russian foreign policy.

The real military significance of the Azov campaigns lies in the listed achievements, which eventually changed the image and status of the Russian state. In addition, with the conquest of Azov, Russia declared to the other powers its Black Sea geopolitical interests. Its new positions on the Black Sea coast changed the manner of interaction with the Tatars, Cossacks, and other local peoples. All of that was a long-term consequence of the Azov campaigns. The achievements were skillfully used to establish a new geopolitical status of the Russian Empire.

The Great Northern War

A central part of the Peter's reign was the Great Northern War, which occupied more than half of his rule. Peter also relied on diplomatic efforts to create a stable alliance of states interested in weakening the adversary and creating conditions for territorial redistribution. In the war against Sweden, however, Peter took on the responsibility to be a core of the alliance, which significantly affected the scale of the conflict for the Russian side.

Russia has several strategic aims in the war against Sweden. First, it strived to reach the sea on the nearest land corridor – Karelia, Ingria, Estonia, Livonia – by pushing out the Swedes. The other Baltic powers were also interested in limiting Sweden's influence, but not at the expense of Russia's strengthening. However, Peter's

personal qualities allowed him to build trust with the Danish and Polish-Lithuanian kings.

The second crucial political value of this geostrategic direction was the possibility of increasing Russian influence in the Rzeczpospolita. In addition to mutual interests concerning Sweden, Peter skillfully used his influence on August II (Анисимов 2009: 228) to implement Russia's plans for getting access to the sea. Furthermore, good relations with Denmark and the Polish-Lithuanian Commonwealth favored Russia's future connection with the World Ocean to avoid "the Azov paradox," in which access to the sea did not guarantee operational maritime space.

The third perspective was the possibility of strengthening Russia's position in the Left-bank Ukraine in case of successful developments in the war against Sweden and stable relations with the Polish-Lithuanian Commonwealth. This territory was a secure springboard for a future operational corridor to the vassals of the Ottoman Empire – the Orthodox principalities of Wallachia and Moldova were considered to be the sphere of Russian interests.

Only after the temporary neutralization of the Ottoman threat did all these strategic perspectives related to the war with Sweden come to the fore. What were the prerequisites compared to the war against the Ottoman Empire? The main direction of the Ottoman expansion was Eastern and Central Europe, which determined the strategic importance of this front. In this sense, the Azov front was a second direction in which a tactical retreat was more possible. The Ottoman Empire's defeats on the main front took it out of the playing field for a short time, and Peter I skillfully took advantage of that situation.

On the other hand, the Baltic was a priority for Sweden, which undoubtedly confronted this geopolitical vector. Control over the Baltic Sea area gave strategic advantages and made Swedish foreign policy a key factor in the region. At the beginning of the war, Sweden had undergone a relatively long period of peace and, unlike the Ottoman Empire, had far fewer potential conflict lines and fronts.

In this sense, the Northern Alliance appeared to be necessary to engage more armed forces and the strategic plan to divide the Swedish military capabilities into several fronts. However, the other states remained unprepared to meet that response, and Russia must have taken the main strike, which transformed the first phase of the war into a classic Russian-Swedish clash for spatial control of the eastern Baltic coast. Surprisingly or not, the Swedish army showed a profound superiority, which, like the Azov campaigns, positively affected the depth and speed of military reforms undertaken in Russia.

The strategic plan to divide the Swedish forces was realized. Charles XII wasted a lot of time in the Rzeczpospolita and gave Peter a chance to complete the most necessary reforms in his army. Despite the conventional wisdom that in historical research, one cannot use the conditional mood, from the comparative perspectives for both armies and of the possible scenarios, it is logical to ask, what would have happened if Charles XII had not lost so much time in the Rzeczpospolita or if he had gone into a strategy of exhausting defense?

Since the attempt to access the sea in the short run failed, the war entered "a waiting phase," looking for a decisive battle. For a long time, however, both sides avoided this. The conflict transformed into a proxy war in the Rzeczpospolita civil conflict, where Russia and Sweden supported different parties. After the conquest of the Polish-Lithuanian state, Carl XII had two options: to launch a swift attack against Russia or to strengthen positions and start a war of attrition.

The second scenario certainly seemed to be better, for it was only a matter of time before the Ottoman threat from the south would return and significantly increase Sweden's chances for success. Finally, however, the young Swedish King decided to take a dramatic step that hardly surprised the experienced and cautious Peter. Entering Russian territory turned out to be a severe mistake unless the hypothetic preliminary agreement with the Ottoman Empire and its allies would be accepted.

Peter's victory at Poltava in 1709 is undoubtedly his most tremendous military success, not only from the point of view of military history. The consequences of the Battle of Poltava satisfied all the strategic prospects of the Russian state stated on the eve of the war with Sweden – the open way to the Baltic Sea, regained influence on the Rzeczpospolita and the Cossacks. That cemented Russia's positions in Eastern Europe, so it was only a matter of time before the war ended with Sweden's final defeat.

However, the upset strategic balance of power in Europe "required" its restoration. Simultaneously with the Great Northern War, the western part of the continent was also engulfed in a violent military conflict in which the Habsburgs and the Bourbons claimed the Spanish crown. Those commitments temporarily removed the Habsburg Empire from military struggles in Eastern Europe, allowing the Ottoman Empire to recover from protracted wars and seek revenge on Russia engaged in a war for a decade. Apart from that, the Ottoman-Habsburg border consisted of a well-secured military zone and hard-to-reach Carpathian mountain range, making that adversary undesirable and relatively predictable.

Aspiring to restore the balance of power, Sweden and the Ottoman Empire were natural allies, and it was determined not so much by the diplomatic efforts as by the very logic of political processes in Europe. The Russo-Ottoman War of 1710-1713 and the Pruth Campaign, in particular, have been sometimes criticized by researchers, especially in the context of the protracted war with Sweden. However, it was unlikely that Peter I and the Russian military and political elite would have taken action to provoke a resumption of hostilities with the Ottoman Empire if that had not been a preventive reaction against strengthening the Swedish-Ottoman-Tatar alliance. It was challenging to find a profound strategic idea in the decision of Ahmed III to go to war with Russia. As the war results demonstrated, the consequences were rather tactical, aimed at revenge and an attempt to partially restore the balance of power in the southern direction at the expense of Russia's enlargement to the Baltic.

In this context, the allies of the Ottoman Empire, Charles XII and Devlet II Giray could not have been satisfied with the course of events because they planned to push out Russia and seek a decisive battle that would at least restore the pre-war status quo.

Therefore, the independent consideration of the war between Russia and the Ottoman Empire of 1710-1713 might lead to misleading conclusions based on wrong assumptions and disregard for the geopolitical macro-framework. However, when this war is considered within the general historical and political context, many questions find their answers through basic concepts of international relations theory.

By that logic, a large part of the criticism of Peter I regarding the Pruth Campaign could be mitigated. It might also clarify why the Ottoman Empire, despite its advantages, had limited demands on Russia. In addition, following the mechanism of bilateral dispute resolution established by tradition in international relations of that time, the interests of Sweden, the Crimean Tatars, and the Cossacks were not protected as expected. On the contrary, although he lost Azov and had to destroy Taganrog, Peter secured the Sublime Porte's tacit consent to preserve the gains since the beginning of the Great Northern War. Thus, Azov was a price Peter had to pay to secure his rear, allowing him to achieve more important strategic goals for Russia.

The Great Northern War continued for another eight years after signing the Adrianople Peace Treaty between Russia and the Ottoman Empire in 1713. That period was used to revise relations with the European countries and seek diplomatic support for the postwar status quo. The number of states involved in the potential territorial redistribution increased during the last phase of the war. Therefore, the system of treaties (Treaty of Nystad, Treaty of Frederiksborg, and Treaty of Stockholm) that ended the Great Northern War had a cumulative impact on the future of the Russian Empire.

First, those treaties ended Swedish domination in Northern Europe and the Baltic Sea, leading to the gradual erosion of Sweden's power in general. This process created a geopolitical vacuum in the regions, which did not fall within the strategic priorities of the great European powers. It was the main prerequisite for transforming the northern direction into one of the leading Russian foreign policy vectors in the coming years, guaranteeing Russia's political, economic, and cultural ties with the rest of the world.

Second, the new horizons for political expansion laid the stable foundations for the emergence of the Russian Empire. In this sense, in addition to the spatial element, the assimilation or inclusion of new peoples with their cultural and religious values should also be mentioned. This complemented the diversity of the Russian state and strengthened its imperial status. Finally, the transformation of Russia into a major power in the Baltic and the stabilization of the new Russian geopolitical vector encouraged its beneficial participation in the partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the second half of the 18th century.

The Treaty of Nystad turned Russia into a leading Baltic state and one of the great powers in Europe. That status would be maintained by Catherine II and defended during the Napoleonic Wars by Alexander I (Figure 2). The end of the Great Northern War allowed Russia to complete its imperial transformation, securing its strategic interests. One year after the Peace of Nystad, Peter I initiated the Persian campaign. In the Caucasus-Caspian geopolitical triangle, Russia, the Ottoman Empire, and the Safavid state clashed for seeking redistribution of territories and more political influence.

Figure 2. Russian Empire, expansion in Asia and Europe
Source: Encyclopædia Britannica, Inc.

Peter I managed to conquer the strategic zone around Derbent, which took a central place for trade along the north-south line, and subsequently gained control over the west coast of the Caspian Sea. Even though those territories remained in Russian possession just for several years, in this campaign, Peter consolidated the third vector of Russian strategic interests – the Caucasus. In many respects, this legacy – the priority of Baltic, Black Sea, and Caucasus directions of Russian foreign policy – remains the dominant factor to this day. In the following centuries, these directions remained the most important venues of the territorial expansion of the Russian Empire.

* * *

It would hardly be an exaggeration to say that Peter's imperial policy had a lasting influence not only in Russian foreign affairs but also in many symbolic aspects of its domestic politics – a combination that few in history have succeeded in achieving. Peter I played a significant role in the emergence of the Russian Empire as we knew it in the following centuries. Moreover, his political legacy clearly shows that the great statesman must have a broad outlook, be consistent and learn from mistakes. Compared to his fellow monarchs from the end of the 17th and the beginning of the 18th centuries, Peter I met the high imperial standards set by the rulers of the epoch. Despite his ups and downs, he rose to the glory of a true *basileus kai autokrator* and established a political tradition for the future generations of Russian tzars.

About the authors:

Aleksandar Dimitrov – PhD (Political Science), Lecturer at the Department of Political Science, University of National and World Economy, 1700 Sofia, Student Town, UNWE, Sofia, Bulgaria. E-mail: a_dimitrov@unwe.bg

Galin Durev – PhD (Political Science), Professor at the Department of Political Science, Sofia University St. Kliment Ohridski, Tsar Osvoboditel Blvd. 15, Sofia, 1504, Bulgaria. E-mail: galindurev@gmail.com

Conflict of interests:
The authors declare the absence of any conflict of interests.

УДК: 94, 327
Поступила в редакцию: 15.10.2021
Принята к публикации: 08.12.2021

Пётр I и рождение Российской империи: политическое лидерство и военные успехи в сравнительной перспективе

А. Димитров[1], Г. Дурев[2]
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-71-88

[1] Университет национального и мирового хозяйства (Болгария)
[2] Софийский университет «Св. Климент Охридский» (Болгария)

Для становления империи обычно необходимы международно-политическое признание и масштабные военные успехи. Решающее значение для формирующейся империи имеют также личность правителя и действия его политических и военных советников и генералов. Авторы статьи утверждают, что в случае с Петром Великим (Петром Первым) политическое признание и военные успехи происходили одновременно, распространяясь на восточные и западные рубежи, но вместе с тем реализуясь в разных геополитических контекстах. В статье проводится ряд сопоставлений между Петром I и другими монархами той эпохи, такими как Карл XII, Август II, Фредерик I, Карл II, Виллем III и Леопольд VI, по трём критериям – уровень образования, «добродетели и пороки», а также политические взгляды. Необходимость подобного сравнительного анализа обусловлена тем, что сделанные выводы позволяют выделить основные факторы в личностном становлении Петра, которые оказали решающее воздействие на его политику. Кроме того, в статье свою оценку получают военная политика и победы Петра. Военные достижения царя напрямую коррелируют со становлением России в качестве империи и великой державы. В результате подписания Ништадтского мира были защищены основные геополитические интересы России, а территория империи получила свои очертания на последующее столетие. Кроме того, территориальное расширение привело и к реализации во внутренней политике модели «imperium», которая обеспечила абсолютную власть российских монархов. Авторы подчёркивают связь между личностным развитием монархов, их политическими достижениями и имперскими

амбициями. Сравнительный анализ данных факторов в различных кейсах позволяет прийти к новым выводам в понимании того исторического периода.

Ключевые слова: Пётр I, империя, империй, лидерство, геополитика, война, Ништадтский мирный договор, Северная война

Об авторах:

Александр Димитров – кандидат политических наук, преподаватель кафедры политологии, Университет национального и мирового хозяйства, София, Болгария.
E-mail: a_dimitrov@unwe.bg

Галин Дурев – кандидат политических наук, кафедра политологии, Софийский университет «Св. Климент Охридский», София, Болгария. E-mail: galindurev@gmail.com

Конфликт интересов:
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

References:

Bryce J. 1901. *The Holy Roman Empire.* Phototype ed. New York: Macmillan & Co. 575 p.

Dimitrov A. 2020. The Concept for Leader and Leadership in the Proto-Studies of Leadership. The European Tradition. *Yearbook of UNWE.* № 1. Sofia: UNWE Publishing. P. 65–87.

Howe S. 2002. *Empire – A Very Short Introduction.* Oxford University Press. 160 p.

Masciulli J., Molchanov M., Knight W. 2016. *The Ashgate Research Companion to Political Leadership.* Abingdon: Routledge.

Seal G. 2001. *Encyclopedia of Folk Heroes.* Santa Barbara, Cal: ABC CLIO. 357 p.

Shennan M. 1995. *The Rise of Brandenburg Prussia.* London: Routledge. 75 p.

Shoemaker N. 2015. A Typology of Colonialism. *Perspectives of History.* 53(7).

Soloviev S. 1994. *History of Russia. Peter the Great – a Reign Begins, 1689-1703.* Vol. 26. Florida: Academic International Press.

Stiles M. 1999. *John III Sobieski. The 17th and 18th Centuries: Dictionary of World Biography.* Vol. 4. By Frank Magill (ed.). London: Routledge. 1534 p.

Takacs S. 2008. *The Construction of Authority in Ancient Rome and Byzantium. The Rhetoric of Empire.* New York: Cambridge University Press. 167 p.

Treasure G. 2001. *Louis XIV.* New York: Routledge. 388 p.

Troost W. 2005. *William III, the Stadholder-King. A Political Biography.* Ashgate Publishing. 361 p.

Whaley J. 2012. *Germany, and the Holy Roman Empire. Volume 2 from the Peace of Westphalia to the Dissolution of the Reich (1648-1806).* New York: Oxford University Press. 784 p.

Wolf J. 1972. *Louis XIV. A Profile.* London: The Macmillan Press. 265 p.

Zago R. 2020. Sylvester Valier. *Biographical Dictionary of Italians.* Vol. 98.

Zamoyski A. 2014. *The Last King of Poland.* Endeavour Press Ltd.

Стоянов А. 2018. *Руско-турските войни 1569-1878.* София: Сиела. 504 с.

Шмурло Е. 2008. *История на Русия IX-XX век.* София: Рива. 560 с.

Anisimov E. 2009. *Istoriya Rossii ot Ryurika do Putina* [History of Russia from Rurik to Putin]. Saint Petersburg: Piter. 592 p. (In Russian)

Karamzin N.M. 1991. *Zapiska o drevney i novoy Rossii v yeye politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh* [A Note on Ancient and New Russia in Its Political and Civil Relations]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 127 p. (In Russian)

Okunev I. 2019. *Politicheskaya geografiya* [Political Geography]. Moscow: Aspekt Press. 512 p. (In Russian)

Platonov S.V. 2007. *Istoriya Rossii. Polnyy kurs lektsiy po russkoy istorii* [History of Russia. A Complete Course of Lectures on Russian History]. AST. 816 p. (In Russian)

Литература на русском языке:

Анисимов Е. 2009. *История России от Рюрика до Путина.* Санкт-Петербург: Питер. 592 с.

Карамзин Н.М. 1991. *Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях.* Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы. 127 с.

Окунев И. 2019. *Политическая география.* Москва: Аспект Пресс. 512 с.

Платонов С.В. 2007. *История России. Полный курс лекций по русской истории.* АСТ. 816 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(6). С. 89–109
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-89-109

Check for updates

Герман Карл фон Кейзерлинг и признание императорского титула российских государей Священной Римской империей германской нации в 1745–1746 гг.

М.А. Петрова

Институт всеобщей истории Российской академии наук

В статье, основанной на неопубликованных документах Архива внешней политики Российской империи, впервые раскрываются подробности малоизвестного эпизода из истории российской дипломатической службы – миссии полномочного министра Елизаветы Петровны курляндского графа Германа Карла фон Кейзерлинга во Франкфурте-на-Майне и Регенсбурге в годы Войны за австрийское наследство. Целью миссии было добиться признания императорского титула российских государей от императора и штатов Священной Римской империи. Как удалось установить, именно Кейзерлингу принадлежала идея направить официального представителя России на выборы императора во Франкфурт в 1745 г. и затем в 1746 г. на рейхстаг в Регенсбурге, утверждавший итоги выборов. Назначенный этим представителем, Кейзерлинг предложил наиболее простой и не ущемлявший престижа Елизаветы Петровны план – передать верительную грамоту с императорским титулом в коллегию курфюрстов, собравшихся на выборы, и получить от них рекредитивную (отпускную) грамоту, приложив все усилия, чтобы титул вошёл в состав её текста. Таким же образом следовало действовать и на рейхстаге. Главной задачей дипломата было не допустить обсуждения вопроса о титуле на заседаниях коллегии курфюрстов и рейхстага, поскольку детали обсуждения непременно попали бы в официальные документы учреждений и сделались бы достоянием общественности. Момент для решения этого деликатного вопроса оказался удачным: продолжавшиеся военные действия вынуждали имперские штаты искать помощи России, вследствие чего они готовы были оказать Елизавете Петровне услугу. Этим во многом объясняется успех миссии Кейзерлинга, пользовавшегося поддержкой имперских дипломатов – представителей курфюрстов Майнца, Саксонии, Богемии и на завершающем этапе курфюрста Бранденбурга, короля Дании и императора Франца I. В статье также рассматривается участие Кейзерлинга в деле признания совершеннолетним семнадцатилетнего великого князя Петра Фёдоровича как герцога Гольштейн-Готторпского на год раньше положенного срока.

Ключевые слова: российская дипломатия, Коллегия иностранных дел, выборное собрание во Франкфурте-на-Майне, Постоянный рейхстаг в Регенсбурге, коллегия курфюрстов, Елизавета Петровна, Мария Терезия

УДК: 94, 327
Поступила в редакцию: 10.11.2021
Принята к публикации: 10.12.2021

Международное признание императорского титула российских государей, принятого Петром I в 1721 г. после победы в Северной войне и заключения Ништадтского мира, растянулось на несколько десятилетий. Первыми честолюбивый поступок русского царя поддержали Пруссия в 1721 г. и Республика Соединённых провинций в 1722 г., затем Швеция в 1723 г. и Дания в 1724 г. Хотя в российско-британском торговом договоре 1734 г. и Белградском мирном договоре 1739 г., завершившем русско-турецкую войну 1735–1739 гг., Анна Иоанновна (1730–1740 гг.) именовалась императрицей, Великобритания и Османская империя до начала 1740-х гг. периодически отказывались давать этот титул российским монархам (Некрасов 1972: 389).

Едва ли не самым важным для Петра I и его наследников было признание титула со стороны Священной Римской империи германской нации: как самим императором, по-прежнему считавшимся первым в иерархии светских правителей Европы, так и имперскими штатами (*Reichsstände*, в отечественной историографии их также называют имперскими сословиями или чинами) – светскими и духовными. В настоящей статье на материалах переписки Коллегии иностранных дел 1745–1746 гг., хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи в Москве, впервые в историографии будет подробно показано, каким образом удалось поставить точку в этом крайне чувствительном для престижа династии Романовых вопросе, с какими трудностями пришлось столкнуться российской дипломатии, и как их удалось преодолеть.

Указанные документы были введены в научный оборот знаменитым историком Н.Н. Бантыш-Каменским (1737–1814), с 1800 г. управляющим Архивом Коллегии иностранных дел. Не вдаваясь в детали, он восстановил последовательность событий, приведших к признанию российского императорского титула Священной Римской империей, во второй части своего фундаментального труда «Обзор внешних сношений России (по 1800 год)» (Бантыш-Каменский 1896: 1, 5). Состоящий из четырёх частей Обзор был подготовлен в 1801–1804 гг., став итогом более чем пятидесятилетних изысканий Бантыш-Каменского во вверенном ему учреждении. Автор не дождался выхода в свет своей книги – деньги на публикацию и необходимые дополнения были выделены из казны только несколько десятилетий спустя. В 1894–1897 гг. издание осуществила Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском главном архиве Министерства иностранных дел в лице её «управителя дел» историка С.А. Белокурова (1862–1918). С тех пор, судя по листам использования архивных дел, к этим документам исследователи не обращались.

Проблема признания российского императорского титула в первой половине 1740-х гг.

В правление императора Священной Римской империи Карла VI Габсбурга (1711–1740), который одновременно был правителем наследственных владений

Австрийского дома, о признании российского императорского титула не могло быть и речи. Как писал историк А.В. Флоровский, в Вене полагали, что в Европе может существовать только один император, которому «принадлежала роль главы универсального христианского света», и менять свою точку зрения не собирались (Флоровский 1972: 393). В 1726 г. Екатерина I (1725–1727 гг.), заинтересованная в сотрудничестве с австрийским двором, согласилась именоваться в союзном договоре с Карлом VI как правителем Австрийской монархии «Освященным Всероссийским Величеством» (по латыни *Sacra Totius Russiae Majestas*) (Мартенс 1874: 34). В немецком тексте конвенций 1737–1739 гг., заключённых обеими державами накануне и во время совместной войны с Османской империей, Анна Иоанновна фигурировала как «Ея Величество Всероссийское» (*Ihre Mayestät von allen Reußen*) (Мартенс 1874: 71).

Кончина Карла VI 9 (20) октября 1740 г. подала российскому двору надежду изменить сложившееся положение дел: во Франкфурте-на-Майне должны были состояться выборы нового императора Священной Римской империи[1]. С началом Войны за австрийское наследство в декабре 1740 г. они несколько раз откладывались. Война была вызвана отказом Франции, Пруссии, Баварии и на начальном этапе Саксонии признать право дочери покойного императора эрцгерцогини Марии Терезии (1717–1780) на владения Австрийского дома, зафиксированное в Прагматической санкции 1713 г.[2]. Выборы, наконец, состоялись в январе 1742 г., и императором после трёхвекового пребывания Габсбургов на престоле Священной Римской империи был избран баварский курфюрст из династии Виттельсбахов Карл Альбрехт (под именем Карла VII, 1697–1745).

Хотя в России за тот же период сменились три монарха, в Петербурге внимательно следили за этими перипетиями. Нам ещё предстоит выяснить, каким образом правительство принцессы Анны Леопольдовны (1718–1746), регентши при малолетнем императоре Иоанне VI Антоновиче (1740–1764), принимало решение воспользоваться выборами, и как его собиралось реализовать. Можно предположить, что инициатива исходила от вице-канцлера Андрея Ивановича Остермана (1686–1747), который с 1734 г. занимал пост президента Коллегии иностранных дел и уступил его в ноябре 1740 г., уже после смерти императрицы Анны Иоанновны, князю Александру Михайловичу Черкасскому (1680–1742), произведённому в канцлеры. Однако Остерман по-прежнему отвечал за внешнюю политику российского государства. Неудивительно, что именно к нему в начале 1741 г. обратился Фридрих Филипп фон Атценгейм (1702–1765), рези-

[1] Императоры избирались Коллегией курфюрстов, которых с 1692 г. было девять: три духовных (архиепископы Майнца, Трира и Кёльна) и шесть светских (король Богемии, курфюрсты Баварии, Саксонии, Бранденбурга, Брауншвейг-Люнебурга и Пфальца).

[2] Фактически это был закон о престолонаследии, согласно которому наследственные земли Габсбургов в случае отсутствия у Карла VI сыновей могли перейти к его ещё не родившимся дочерям. При жизни императора Прагматическая санкция была официально признана всеми имперскими штатами, кроме Баварии, и ведущими европейскими державами.

дент курфюрста Брауншвейг-Люнебургского (или Ганноверского) и британского короля Георга II (1727–1760) во Франкфурте, и предложил за вознаграждение снабжать российский двор новостями о ходе выборов, на что получил согласие[3]. Анна Леопольдовна пользовалась и услугами давнего союзника России – саксонского курфюрста Фридриха Августа II (1733–1763), являвшегося одновременно польским королём Августом III. 18 февраля (1 марта) 1741 г. он предписал своему представителю во Франкфурте графу Иоганну Фридриху фон Шёнбергу (1691–1762) хлопотать на выборном собрании о признании императорского титула Иоанна Антоновича[4].

После свержения императора 25 ноября (6 декабря) 1741 г. и ареста Остермана курфюрст Саксонский Фридрих Август II и прусский король Фридрих II (1740–1786) как курфюрст Бранденбурга обещали свою поддержку новой российской императрице Елизавете Петровне (1741–1761)[5]. В январе 1742 г. ганноверский резидент Атценгейм спрашивал канцлера Черкасского, сохранившего свой пост в новое царствование, стоит ли ему продолжать информировать российский двор об имперских новостях, как это было при Остермане, на что получил согласие Елизаветы Петровны. На данный момент известно, что усилия дружественных России держав во Франкфурте успеха не имели. В чём конкретно состояли эти усилия и почему они пропали втуне, предстоит разбираться в ходе дальнейшей работы. Возможно, с момента переворота дочери Петра I прошло слишком мало времени, чтобы курфюрсты на выборном собрании могли поддержать её притязания. Без ответа пока остаётся и вопрос о том, каким образом могла быть организована процедура признания титула Елизаветы Петровны на выборном собрании без участия её дипломатов. Правда, Фридрих Август II обещал российской государыне, что его представители при дворах других курфюрстов будут по-прежнему действовать в этом направлении[6].

В марте 1742 г. Мария Терезия как королева Венгрии и Богемии, крайне заинтересованная в военной помощи России в соответствии с союзным договором 1726 г., обратилась к Елизавете Петровне с предложением признать её императорский титул при условии, что это не повлечёт изменений в их церемониальном общении, а если супруга эрцгерцогини, великого герцога Тосканского Франца Стефана (1708–1765), изберут императором, австрийский двор вернётся к прежней титулатуре российских государей. В результате длительных переговоров предложение было принято. 8 (19) июля 1742 г. Елизавета Петровна подписала краткую декларацию о том, что после признания за ней импера-

[3] Упоминание об этом см.: Дневная записка Коллегии иностранных дел за 1742 г. 1870. *Архив князя Воронцова* (далее – АКВ). Москва. Т. 1. С. 126, 145.

[4] См. упоминание об этом в рескрипте Фридриха Августа II графу Шёнбергу от 1 мая 1745 г.: *Архив внешней политики Российской империи* (далее – АВПРИ). Ф. 83. Сношения России с Имперским собранием. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 37.

[5] *АКВ*. Т. 1. С. 111, 126–127.

[6] Там же. С. 218, 219.

торского титула в общении России и Австрии сохранится прежний церемониал (Мартенс 1874: 127–129, Нелипович 2010: 294–295).

С новым императором Священной Римской империи отношения также складывались непросто. В марте 1742 г., вскоре после коронации, Карл VII направил в Петербург известительную грамоту о своём восшествии на престол. Принята она не была, поскольку не содержала императорского титула Елизаветы Петровны[7]. Отсутствовал он и в кредитивной (верительной) грамоте полномочного министра императора – барона Иосифа Марии Николауса Игнаца фон Нейгауза (1698–1758), прибывшего в Россию летом 1742 г. Переговоры по этому вопросу шли полтора года, в течение которых дипломат не допускался на официальную аудиенцию к императрице. Только 4 (15) января 1744 г. барон Нейгауз вручил Елизавете Петровне кредитивную грамоту[8], в которой она была названа императорским величеством, однако это признание исходило исключительно от самого Карла VII и не являлось официальным актом Священной Римской империи.

Подготовка миссии Г.К. фон Кейзерлинга в Священную Римскую империю

27 июля (7 августа) 1744 г. Елизавета Петровна приняла решение направить к императорскому двору в Мюнхен своего представителя – тайного советника графа Германа Карла фон Кейзерлинга (1695/1696–1764)[9]. Курляндец-протестант, подданный Речи Посполитой, он состоял на российской службе с 1730 г. Побывав в должности вице-президента Юстиц-коллегии лифляндских, эстляндских и финляндских дел и президента Академии наук, Кейзерлинг в 1734 г. во время Войны за польское наследство начал дипломатическую карьеру в ранге полномочного министра при польско-саксонском дворе. В том же ранге он должен был ехать в Мюнхен, но не успел, поскольку 9 (20) января 1745 г. Карл VII скоропостижно скончался.

Тогда Кейзерлинг предложил императрице направить на очередное выборное собрание во Франкфурт своего представителя, чтобы там решить вопрос о титуле. Рескриптом от 16 февраля 1745 г.[10]. Елизавета Петровна поручила эту деликатную миссию самому Кейзерлингу, отмечая его знания имперских дел и способности. Правда, в рескрипте ставилась под сомнение сама возможность аккредитации дипломата при коллегии курфюрстов или одном из двух викариев империи – курфюрста Саксонского в землях саксонского права и курфюрста Пфальца в землях салического права (швабских, рейнских, франконских). Ви-

[7] Доклад Коллегии иностранных дел Елизавете Петровне от 20 марта 1742 г.: Там же. С. 294.
[8] *Дневник докладов Коллегии иностранных дел.* 1744 г.: Там же. 1873. Москва. Т. 6. С. 3.
[9] Там же. С. 125–126.
[10] В Коллегии иностранных дел документы датировали старым стилем.

карии фактически замещали императора в период между кончиной старого и выборами нового. Поскольку у России не было опыта взаимодействия с институтами Священной Римской империи, в Петербурге почему-то полагали, что аккредитация дипломатического представителя могла быть расценена курфюрстами как вмешательство в её внутренние дела и попытка повлиять на исход выборов. Поэтому Кейзерлингу предписывалось ехать во Франкфурт в качестве «партикулярной в нашей службе находящейся персоны». Но если бы он счёл нужным получить публичный статус, Коллегия иностранных дел была готова предоставить ему кредитивную грамоту к союзнику России – саксонскому курфюрсту как имперскому викарию[11]. Среди прочего, дипломату предстояло выяснить, сможет ли он впоследствии аккредитоваться при Постоянном рейхстаге Священной Римской империи[12], чтобы в случае необходимости вести переговоры о признании титула Елизаветы Петровны и там. Созванный в 1663 г. рейхстаг в Регенсбурге был собранием всех штатов империи, а в рассматриваемую эпоху – преимущественно их представителей, которые заседали на постоянной основе в трёх коллегиях: курфюрстов, имперских князей (светских и духовных) и имперских городов.

Кейзерлинг должен был также хлопотать о признании совершеннолетним на год раньше семнадцатилетнего племянника Елизаветы Петровны – её наследника великого князя Петра Фёдоровича (1728–1762) как герцога Гольштейн-Готторпского, чтобы он мог вступить во владение своими землями, которыми управлял опекунский совет[13]. Отметим, что в документах Коллегии иностранных дел (в том числе в реляциях Кейзерлинга) Пётр Фёдорович назван герцогом Шлезвиг-Голштинским, хотя Дания ещё в 1711 г. захватила Шлезвиг, принадлежавший его отцу – герцогу Карлу Фридриху.

Бóльшая часть рескрипта от 16 февраля, составленного канцлером Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым (1693–1766), посвящена размышлениям о том, кому может достаться императорская корона Священной Римской империи и какой кандидат более предпочтителен для России. Избрание саксонского курфюрста вызвало бы «замешательства» в польских делах и, возможно, привело бы к возвращению на выборный престол Речи Посполитой ставленника Франции короля Станислава Лещинского. Этого в Петербурге не могли допустить и даже предписали Кейзерлингу при отъезде из Дрездена сказать первому саксонскому министру графу Генриху фон Брюлю (1700–1763), что Фридриху Августу II лучше быть одним из уважаемых и почитаемых курфюрстов, нежели презираемым императором. Предостережением должен был служить печальный пример баварца Карла VII, не справившегося с бременем императорской

[11] *АВПРИ*. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 1–2 об.

[12] В документах Коллегии иностранных дел рейхстаг называли Имперским сеймом, или Имперским собранием, или Имперским съездом.

[13] *АВПРИ*. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 12 об.–13 об.

власти и не имевшего ни сил, ни средств, чтобы поддерживать блеск своего двора. Его сын и наследник, по имевшейся информации, не собирался претендовать на императорскую корону, как и курфюрст Пфальца – представитель другой ветви династии Виттельсбахов. Обоих могла вынудить к этому Франция, но после пяти лет европейской войны такой поворот казался маловероятным. Не желала Россия и усиления прусского короля Фридриха II, чьи шансы на получение императорской короны в Петербурге оценивали невысоко, но опасались, чтобы он какой-нибудь «нечаянной хитростью» не привлёк на свою сторону голоса других курфюрстов. В амбиции курфюрста Брауншвейг-Люнебурга Елизавета Петровна и её министры отказывались верить: Ганноверский дом не мог в здравом уме променять «наследную аглинскую на избирательную и, следовательно, по кончине каждого государя сумнительству в выборе подлежащую императорскую корону»[14].

Более вероятным в Петербурге считали возвращение императорской короны в Австрийский дом через избрание или супруга Марии Терезии Франца Стефана, или её старшего сына эрцгерцога Иосифа (1741–1790). Однако фразу о том, что такой расклад был бы выгоден России, поскольку опасности со стороны Австрии в настоящее время не предвиделось, Елизавета Петровна приказала вычеркнуть из текста рескрипта, чтобы Кейзерлинг во Франкфурте случайно не сказал лишнего о позиции российского двора и не дал имперским штатам повод «думать, якобы Её Императорское Величество и прямо к тому соизволяет, чтоб корона императорская по-прежнему в Аустрийской дом досталась»[15]. Поэтому дипломату предписывалось в частных разговорах во Франкфурте всячески подчеркивать «импарциальность», т.е. беспристрастность, Елизаветы Петровны и одновременно попытаться выяснить, к кому склоняется выбор коллегии курфюрстов[16].

В ответной реляции от 12 (23) марта 1745 г. Кейзерлинг развеял практически все опасения российского двора, продемонстрировав прекрасное знание законов Священной Римской империи и отдельных прецедентов, имевших параллели с нынешней ситуацией. По его словам, аккредитация представителей иностранных держав при имперских викариях в отсутствие избранного императора была обычной практикой так же, как и аккредитация при коллегии курфюрстов. Второй вариант дипломат считал предпочтительнее, поскольку Россия уже имела миссию при дворе саксонского курфюрста. Подчёркивая значение коллегии курфюрстов как учреждения, обсуждавшего важнейшие дела империи, Кейзерлинг заверял Елизавету Петровну, что сам факт аккредитации

[14] Там же. Л. 8.

[15] Протоколы приёмов императрицей Елизаветой Петровной руководства Коллегии Иностранных дел в 1745 г. 2007. Публ. К.А. Писаренко. *Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах.* Москва. Т. XVI. С. 76–77 (протокол заседания от 12 февраля 1745 г.).

[16] *АВПРИ*. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 10–11.

иностранных дипломатов курфюрсты никогда не расценивали как вмешательство в выборы. Он перечислил примеры пребывания папского нунция, французского, испанского, венецианского и тосканского послов на выборах императора Матиаса в 1612 г., английского и испанского министров на выборах Фердинанда II в 1619 г., испанского и французского – на выборах Леопольда I в 1658 г. и Карла VII в 1742 г. Кейзерлинг высказался вполне определённо, что, не обладая публичным статусом, он не сможет приступить к каким бы то ни было переговорам[17]. В качестве образца он направил в Петербург копию кредитивной грамоты от 13 февраля 1741 г. (н. ст.) для графа К.Г. де Монтихо (1693–1763), чрезвычайного посланника и полномочного министра испанского короля Филиппа V на предыдущем выборном собрании во Франкфурте[18].

Что касается признания совершеннолетия имперских князей в 17 или даже 16 лет, то в истории Священной Римской империи XVI–XVIII вв. таких примеров было немало. Среди недавних – герцог Вюртембергский Карл Евгений (1728–1793) и баварский курфюрст Максимилиан III Иосиф (1727–1777), вступившие в управление своими землями до достижения 18 лет. Жаловалось совершеннолетие только по указу императора, однако в пятой главе Золотой буллы 1356 г., посвящённой правовому положению викариев империи, пожалование совершеннолетия не было упомянуто ни в числе прав, принадлежавших им, ни в числе так называемых резерватных, или исключительных, прав императора. А поскольку, заключал Кейзерлинг, что не запрещено законом, то разрешено, то один из викариев империи – например, курфюрст Саксонский как союзник России – мог бы оказать подобную милость великому князю Петру Фёдоровичу[19].

О возможных претендентах на корону Священной Римской империи Кейзерлинг высказывался осторожно. Шансы протестантов – прусского короля и ганноверского курфюрста – он оценивал невысоко, поскольку большинство в коллегии принадлежало католикам. Курфюрсты Баварии и Пфальца не желали повторять печальный опыт своего предшественника и родственника Карла VII. Российский дипломат намекал о неких предварительных договорённостях в пользу супруга Марии Терезии Франца Стефана, но его негерманское происхождение (он был урожденным герцогом Лотарингским) могло стать препятствием. Вопрос о допущении Марии Терезии к участию в голосовании Кейзерлинг считал решённым[20], видимо, потому что по Бреславльскому мирному договору между Австрией и Пруссией от 1 (11) июня 1742 г. она была признана королевой Богемии и, следовательно, одним из курфюрстов.

Реляция была доставлена в Петербург 27 марта (7 апреля) 1745 г. Удовлетворившись подробнейшим ответом Кейзерлинга, Елизавета Петровна 9 (20) апре-

[17] Там же. Д. 36. Л. 29–29 об.
[18] Там же. Л. 21–21 об.
[19] Там же. Л. 36 об.–44.
[20] Там же. Л. 30 об.–34 об.

ля подписала ему кредитивную грамоту как полномочному министру на выборном собрании во Франкфурте-на-Майне. В документе говорилось, что этот жест делается «для возстановления и утверждения впредь между Российскою и Германскою Империями всегда пребывающей дружбы». Грамота была составлена на русском языке с использованием большого императорского титула, запечатана большой государственной печатью и сопровождалась переводом на латинский язык[21]. Вручить её можно было, только предварительно удостоверившись, «что отказу в принятии не возпоследует». Кейзерлинг должен был прозондировать почву по дипломатическим каналам и убедиться, что если не все, то по крайне мере большинство курфюрстов готовы признать императорский титул Елизаветы Петровны. В противном случае дипломату следовало остаться «партикулярною персоною»[22].

Тем временем 11 (22) апреля 1745 г. сын покойного императора Карла VII баварский курфюрст Максимилиан III Иосиф заключил сепаратный мир в Фюссене с Марией Терезией на основе довоенного статус-кво, отказавшись от притязаний на императорскую корону. После этого, как и предполагал А.П. Бестужев, в Версале возник план избрания императором саксонского курфюрста Фридриха Августа II и возвращения польской короны свергнутому в 1735 г. Станиславу Лещинскому. Россия выступала против такой рокировки, поскольку стремилась сохранить своё влияние в Польше в союзе с дружественной саксонской династией Веттинов (Анисимов 2020: 179)[23]. Плану французского двора не суждено было сбыться: после вторжения Фридриха II в Саксонию 14 (25) августа 1745 г. имперские чины, во многом в отместку ему, 2 (13) сентября избрали императором супруга Марии Терезии великого герцога Тосканского Франца Стефана под именем Франца I. 23 сентября (4 октября) состоялась его коронация.

Миссия Г.К. фон Кейзерлинга во Франкфурте-на-Майне

Кейзерлинг прибыл во Франкфурт в мае 1745 г. и вскоре написал в Петербург, что никаких затруднений с принятием верительной грамоты коллегией курфюрстов возникнуть не должно, «ибо помянутой коллегии тем больше к чести и дистинкции (отличности. – М.П.) касается, коль больше их собрание чрез отправленные посольства знаки высокопочитания получает»[24]. Другими словами, курфюрсты были заинтересованы в аккредитации иностранных дипломатов, поскольку это придавало вес не только самой коллегии, но и её членам,

[21] Отпуск грамоты на русском языке и её перевод на латинский язык см.: Там же. Д. 1. Л. 1–2, 3–3 об.

[22] Рескрипт Кейзерлингу от 16 апреля 1745 г.: Там же. Д. 3а. Л. 84–87 об.

[23] Фридрих Август II, как и покойный Карл VII, был женат на дочери императора Иосифа I Габсбурга (1705–1711 гг.): Фридрих Август – на Марии Йозефе, Карл – на Марии Амалии.

[24] Реляция Кейзерлинга от 28 мая (8 июня) 1745 г.: *АВПРИ*. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 4. Л. 103–103 об. Цитируемые в тексте статьи фрагменты реляций Кейзерлинга даются в переводе, сделанном Коллегией иностранных дел сразу по их получении, сами реляции составлены на немецком языке.

последовательно отстаивавшим свои суверенные права после Вестфальского мира 1648 г. Дипломат рассчитывал по окончании выборов получить от коллегии курфюрстов рекредитивную (отпускную) грамоту на своё имя, которая при благоприятном исходе должна была подтвердить его статус полномочного министра российской императрицы. Пример коллегии курфюрстов, по мнению Кейзерлинга, облегчил бы признание титула Елизаветы Петровны на рейхстаге в Регенсбурге, утверждавшем итоги выборов. Новый император мог бы направить имперским штатам специальный комиссионный декрет по этому поводу. Но куда лучше было бы просто аккредитовать российского министра при рейхстаге и по окончании заседаний получить от него рекредитив. Таким образом, щекотливое дело могло разрешиться без каких бы то ни было переговоров. Кейзерлинг просил также снабдить его грамотой к магистрату города Франкфурта, как это делали все иностранные министры, тем более что Россия впервые направляла своего представителя в этот город[25].

Желая поддержать усилия Кейзерлинга, Елизавета Петровна 11 (22) июня 1745 г. повелела выплачивать ему сверх обычного жалования 500 рублей в месяц «на стол», чтобы он мог «с пристойностию себя содержать» в обществе избирательных посланников, от которых зависело признание её императорского достоинства[26]. Тогда же, в июне, саксонский курфюрст пожаловал совершеннолетие великому князю Петру Фёдоровичу[27]. Впоследствии все пожалования, сделанные викариями в период междуцарствия, были закреплены в параграфе 20 избирательной капитуляции нового императора Франца I[28]. В Петербурге полагали, что единственной причиной, по которой имперские штаты могли бы оспорить признание совершеннолетия великого князя, был его переход в православие, поскольку в законах Священной Римской империи эта конфессия не была упомянута в числе свободно исповедуемых на её территории[29]. Кейзерлинг развеял эти опасения, ссылаясь на свободу совести, закрепившуюся в Германии в результате долгих религиозных войн. И хотя формально её действие распространялось только на католиков, кальвинистов и лютеран, православное вероисповедание великого князя, по мнению дипломата, не могло стать препятствием к вступлению во владение голштинскими землями[30].

6 (17) июля 1745 г. Елизавета Петровна подписала грамоту, адресованную магистрату вольного города Франкфурта, уведомляя о пребывании в нём её полномочного министра на время выборов императора[31]. Приезд Кейзерлинга

[25] Там же. Л. 105–107 об.
[26] Там же. Д. 3а. Л. 111–111 об.
[27] См. циркулярный рескрипт от 15 июня 1745 г. об этом, адресованный всем российским дипломатам: Там же. Л. 114–115.
[28] См.: Wahlkapitulation Franz' I., Frankfurt am Main, 13. September 1745. Die Wahlkapitulationen der römisch-deutschen Könige und Kaiser 1519–1792. Bearb. von W. Burgdorf. Göttingen, 2015. S. 470.
[29] Рескрипт Кейзерлингу от 22 июня 1745 г.: *АВПРИ*. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 3а. Л. 120 об.–121.
[30] Перевод реляции Кейзерлинга от 16 (27) июня 1745 г.: Там же. Д. 4. Л. 278 об.–280 об.
[31] Отпуск грамоты на русском языке и её перевод на немецкий см.: Там же. Д. 1. 8–9, 10–11.

во Франкфурт вызвал ажиотаж среди имперских штатов, чьи земли были разорены продолжавшейся Войной за австрийское наследство, причём на заступничество Елизаветы Петровны надеялись обе противоборствующие стороны. В июне 1745 г. курфюрст Пфальца Карл IV Теодор (1724–1799) даже направил ей грамоту с рассказом о бедственном положении своих земель, пострадавших от австрийских войск. В грамоте, составленной на латинском языке, российская государыня была названа не императорским величеством (*Imperatoria Majestas*), а «цесарским величеством» (*Cesarea Majestas*), как это было принято в обращении к императору Священной Римской империи[32]. Кейзерлинг даже обратился к А.П. Бестужеву с вопросом, стоит ли принимать такой документ. Канцлер велел незамедлительно сделать это, потому что «на латинском языке слово цесарское ещё приличнее, нежели императорское»[33].

Верительную грамоту в коллегию курфюрстов Кейзерлинг передал только 14 (25) августа 1745 г., дождавшись, когда в город приедут все избирательные посланники, и убедившись в неформальном общении с ними, что грамота будет беспрепятственно принята, а следовательно, и императорский титул Елизаветы Петровны не вызовет возражений. В соответствии с процедурой документ был передан через российского секретаря посольства Георга Генриха Бютнера (1703?–1758) барону Иосифу Францу фон Кессельштату (1695–1750), первому избирательному посланнику курфюрста и архиепископа Майнца как эрцканцлера Священной Римской империи[34].

Уже после выборов и коронации императора, 25 сентября (6 октября) 1745 г., коллегия курфюрстов вручила Кейзерлингу рекредитивную грамоту, в которой он был назван полномочным министром императрицы и самодержицы Всероссийской. Грамоту подписали собственноручно курфюрст Майнца Иоганн Фридрих Карл фон Оштайн (1689–1763) и курфюрст Трира Франц Георг фон Шёнборн (1682–1756), а также первые избирательные послы: курфюрста Кёльна – граф Фердинанд Леопольд фон Гогенцоллерн-Зигмаринген (1692–1750), королевы Богемии – граф Иоганн Вильгельм фон Вурмбрандт (1670–1750), баварского курфюрста – Йозеф Франц Мария фон Зайнсхайм (1707–1787), курфюрста Саксонии – граф Иоганн Фридрих фон Шёнберг и курфюрста Брауншвейг-Люнебурга – Герлах Адольф фон Мюнхгаузен (1688–1770)[35]. Курфюрст Пфальца Карл IV Теодор и прусский король Фридрих II как курфюрст Бранденбурга, главные противники Габсбургов, приказали своим избирательным послам покинуть Франкфурт до выборов и потому в них участия не принимали, однако императорское достоинство Елизаветы Петровны ими также не подвергалось сомнению. Вскоре коронованный глава Священной Римской

[32] Копию грамоты от 21 июня 1745 г. на латинском языке см: Там же. Д. 4. Л. 182–183 об.
[33] Рескрипт Кейзерлингу от 6 июля 1745 г.: Там же. Д. 3а. Л. 141 об.
[34] См. перевод реляции Кейзерлинга от 16 (27) августа 1745 г.: Там же. Д. 5. Л. 50–52 об.
[35] Оригинал грамоты и конверт с печатями см.: Там же. Д. 2. Л. 1–4 об.

империи Франц I направил в Петербург камергера барона Иоганна Франца фон Претлака (1708–1767) с известительной грамотой от 13 октября 1745 г. о своём восшествии на престол и коронации. В этом документе российская государыня именовалась императрицей[36].

Кейзерлинг переслал грамоту курфюрстов и ответную грамоту магистрата города Франкфурта Елизавете Петровне, также содержавшую императорский титул, через секретаря посольства Филиппа Рейнхарда Гмелина[37]. В реляции от 9 (20) октября, к которой эти документы были приложены, дипломат особо отметил усердие саксонских конференц-министров и тайных советников графа Шёнберга и Кристиана фон Лосса (1697/1698–1770) и первого министра курфюрста Майнца барона Филиппа Кристофа фон Эрталя (1689–1748) в деле признания титула: «Они старателства мои прилежнейше подкрепляли и принятие резолюцеи и оной совершение поспешествовать ревностнейше тщались (старались – М.П.)». Кейзерлинг подчёркивал, что дело решилось без всяких переговоров, «якобы собою и без моего о том отзыву»: его помощники «сие дело в движение привели и поданным под рукою основаниям и представлениям в своих собраниях употребление чинили». Поэтому он предложил Елизавете Петровне наградить всех троих орденом святого Андрея Первозванного. Кроме того, Шенберг и Эрталь в скором времени должны были выехать на рейхстаг в Регенсбург, где их услуги могли также понадобиться России[38].

Рескриптом от 14 декабря 1745 г. российская императрица дала на это своё «всемилостивейшее соизволение», но решила отложить пожалование на некоторое время, «чтоб не могли от того произходить посторонния мнении, якобы мы сие признание титулатуры какою-либо куплею или подарками при коллегии курфирстской бывших полномочных министров себе доставить хотели»[39]. Императрица также велела отложить повышение в чине Кейзерлинга, за которого ходатайствовал Бестужев, чтобы курфюрсты не связали между собой два события и не подумали, сколь желанным для неё было признание императорского титула[40]. Только 24 апреля (5 мая) 1746 г. российский дипломат был произведён в действительные тайные советники и назначен полномочным министром к прусскому двору, а Шенберг, Лосс и Эрталь были пожалованы орденом Андрея Первозванного[41].

---

[36] Оригинал грамоты на латинском языке с собственноручной подписью Франца I см.: Там же. Ф. 32. Сношения России с Австрией. Оп. 2. Д. 134. Л. 2–2 об., 5 об. Благодарю заместителя директора Института славяноведения РАН д.и.н. О.В. Хаванову за указание на этот документ.

[37] Оригинал грамоты на немецком языке и конверт с печатью города Франкфурта: *АВПРИ*. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 2. Л. 11–12 об.

[38] Там же. Д. 5. Л. 249–250.

[39] Там же. Д. 3а. Л. 242–242 об.

[40] Протоколы приемов… С. 211.

[41] См. об этом в рескрипте Г.К. фон Кейзерлингу от 11 мая 1746 г.: АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1746. Д. 1. Л. 27–30 об.

Но прежде Кейзерлингу предстояло из Франкфурта отправиться в Регенсбург. Ещё в августе 1745 г. Елизавета Петровна выразила готовность аккредитовать его на рейхстаг Священной Римской империи и приказала выяснить, от чьего имени следовало составить верительную грамоту – от её собственного или великого князя Петра Фёдоровича как герцога Гольштейн-Готторпского[42]. Кейзерлинг считал необходимым, чтобы его аккредитовали от имени Елизаветы Петровны. Тогда в ответ на верительную грамоту он мог бы получить от рейхстага рекредитив, действуя по той же схеме, что и на выборном собрании во Франкфурте[43]. Императрица подписала эту грамоту 23 сентября (4 октября) 1745 г.[44].

Российский дипломат также советовал направить в Регенсбург специального представителя великого князя Петра Фёдоровича, который мог бы добиться включения Гольштейн-Готторпа в число имперских штатов, имевших индивидуальный голос в светской курии коллегии имперских князей (*Reichsfürstenrat*) рейхстага[45]. В литературе есть указание на то, что с 1739 г. от Гольштейн-Готторпа на рейхстаге присутствовал Иоганн Каспар фон Погарелл и Кучерборвиц (Düwel 2016: 206), но его имя в корреспонденции Коллегии иностранных дел за 1745–1746 гг. не упоминается.

Представителем Петра Фёдоровича Елизавета Петровна назначила юного графа Захара Григорьевича Чернышева (1722–1784), камер-юнкера великой княгини Екатерины Алексеевны (1729–1796), хотя продолжала сомневаться, что он как православный будет принят и аккредитован при рейхстаге[46]. Поэтому Чернышеву даже не сообщили в подробностях о цели его поездки в Германию, лишь предписали отправиться во Франкфурт к Кейзерлингу, который должен был снабдить его необходимыми инструкциями[47]. Тот был несколько удивлён выбором персоны для столь ответственного поручения и поделился своими сомнениями с канцлером Бестужевым. Выполнение этого поручения требовало безукоризненного знания немецкого языка, законодательства Священной Римской империи и публичного права. Вероисповедание Чернышева тоже могло стать препятствием для работы на рейхстаге. При этом молодой человек явно вызвал симпатию Кейзерлинга, и он был готов всячески ему помогать[48]. Но высказанные сомнения сделали своё дело: Чернышев приехал во Франкфурт 13 (24) ноября 1745 г., а уже 25 февраля (8 марта) 1746 г. ему было предписано без промедления вернуться в Россию с максимально деликатной формулиров-

[42] Там же. 1745. Д. 3а. Л. 151–152.
[43] Перевод реляции от 2 (13) сентября 1745 г.: Там же. Д. 5. Л. 137–137 об.
[44] Черновики грамоты на русском и латинском языках: Там же. Д. 1. Л. 12–12 об., 14.
[45] Перевод реляции от 30 августа (10 сентября) 1745 г.: Там же. Д. 5. Л. 120–123.
[46] Протоколы приемов… С. 177.
[47] Там же. С. 180, 188–189. Рескрипт Чернышеву от 30 сентября 1745 г.: АВПРИ. Ф. 83. Оп. 1. 1745. Д. 6. Л. 23–23 об.
[48] См. перевод писем Кейзерлинга А.П. Бестужеву от 21 октября (1 ноября) и 15 (26) ноября 1745 г.: Там же. Д. 5 Л. 354–355, 414–415 об.

кой: «для различности религии многие к тому препятствии и затруднении при сейме причинятся и, следовательно, интересам Его Императорского Высочества больше повреждения, нежели пользы быть может»[49]. Из-за тяжёлой болезни отъезд Чернышева был отложен до 18 (29) апреля 1746 г.

Кейзерлинг по той же причине оставался во Франкфурте до середины мая, но в заседаниях рейхстага пока был перерыв – имперские штаты проводили собрания по округам империи. Как только российскому дипломату стало лучше, он поехал в Майнц и посетил курфюрста, с которым был уже знаком. Тот обещал проинструктировать своего представителя на рейхстаге – главного директориального посланника (*Direktorialgesandte*) барона Филиппа Вильгельма Альберта фон Линкера (1710–1779) – помогать российскому дипломату во всех делах и выразил надежду, что Россию свяжет со Священной Римской империей «неразрушимой узл дружбы для утверждения всеобщаго покоя, а особливо при нынешних времянах и в разсуждении Пруссии»[50]. Хотя 14 (25) декабря 1745 г. Австрия, Пруссия и Саксония заключили мирный договор в Дрездене, закрепивший потерю Габсбургами Силезии и графства Глац и их переход к Пруссии, военные действия переместились в Австрийские Нидерланды и на территорию современной Италии.

Миссия Г.К. фон Кейзерлинга в Регенсбурге

Вернувшись во Франкфурт из Майнца, Кейзерлинг снова заболел и прибыл в Регенсбург только 30 мая (10 июня) 1746 г. Накануне отъезда он ознакомился с текстом рескрипта курфюрста барону Линкеру, отметив в письме Бестужеву от 27 мая (7 июня), что «оной рескрипт в таких силных терминах сочинен, что из того истинное желание, дабы себя полезными показать и имеющияся добрые намерении и преданность действительными опытами оказать»[51]. Дорога отрицательно подействовала на здоровье Кейзерлинга. Верительную грамоту в Директорию рейхстага он передал почти месяц спустя – 25 июня (6 июля) 1746 г. снова через секретаря посольства Бютнера[52]. Через несколько дней её текст был объявлен на очередном заседании рейхстага и внесён в официальные документы, после чего магистрат Регенсбурга преподнес российскому дипломату традиционный подарок – вино и рыбу[53].

Кейзерлинг, уже получивший рескрипт о назначении в Берлин, всё-таки предпочёл повременить с выполнением своих поручений на рейхстаге до прибытия главного императорского комиссара (*Prinzipalkommissar*) – князя Иосифа

[49] Там же. Д. 6. Л. 24–24 об.
[50] Перевод реляции от 2 (13) мая 1746 г.: Там же. 1746. Д. 2. Л. 160–162 об.
[51] Там же. Л. 178–178 об.
[52] Перевод реляции от 26 июня (7 июля) 1746 г.: Там же. Л. 241–242.
[53] Там же. Л. 251.

Вильгельма Эрнста цу Фюрстенберга-Штюлингена (1699–1762), с которым был лично знаком, чтобы «пристойным образом и бесприметно наведаться», получил ли он от венского двора указания способствовать признанию российского императорского достоинства. По мнению Кейзерлинга, императору было бы приятно узнать, что в этом деле Россия решила воспользоваться помощью его представителя[54]. В середине июля Фюрстенберг прибыл в Регенсбург, но спешно уехал в Вену, не пообщавшись ни с кем из дипломатов, а рейхстаг объявил перерыв в заседаниях на шесть недель. Они возобновились только в начале октября.

В середине августа Кейзерлинг получил официальное известие из Петербурга о заключении 22 мая (3 июня) 1746 г. российско-австрийского союзного договора и его последующей ратификации. Договор включал нескольких секретных статей, в том числе статью о гарантии голштинских владений Петра Фёдоровича и возвращении ему при благоприятных обстоятельствах Шлезвига. Приложением к тексту договора стала декларация императора Франца I, в которой он брал на себя обязательства способствовать выполнению условий этой статьи не только как соправитель Марии Терезии в наследственных владениях Габсбургов, но и как глава империи. Таким образом венский двор пытался добиться помощи российского двора в продолжениие борьбы с Пруссией. Во всех перечисленных документах российская государыня была названа её императорским величеством (Мартенс 1874: 163–165, 177–178).

1 (12) сентября 1746 г. Кейзерлинг сообщил Елизавете Петровне, что, согласно обычаю, для получения рекредитивной грамоты иностранные дипломаты передают в Директорию рейхстага отзывную грамоту от своих дворов в знак любезности к имперским штатам[55]. Коллегия иностранных дел подготовила российскому министру такую грамоту 23 октября (3 ноября) и отправила её 1 (12) ноября[56]. Грамота была составлена по-русски с использованием большого императорского титула, к ней был пришит перевод на латинский язык. 1 (12) декабря Кейзерлинг сообщил Бестужеву о вручении отзывной грамоты в Директорию рейхстага[57]. Ровно неделю спустя в его руках уже был желанный рекредитив на латинском языке, составленный 5 (16) декабря от имени представителей курфюрстов, князей и других имперских штатов. Они заверяли российскую императрицу в своей искренней дружбе и благодарили её за отправление на рейхстаг полномочного министра, который «по своим преизящным и отличным качествам, особливому искуству и истинности в своих негоциациях» им весьма приятен был[58]. 30 декабря 1746 г. (10 января 1747 г.) грамоту доставил в Петербург ротмистр Каспар Шерер.

---

[54] Перевод реляции от 3 (14) июля 1746 г.: Там же. Л. 248–249.
[55] Там же. Л. 340–341 об.
[56] Там же. Д. 1. Л. 88–89.
[57] Там же. Д. 2. Л. 440–440 об.
[58] Копия грамоты на латинском языке и её перевод на русский язык: Там же. Д. 4. Л. 1–2, 5–8 об.

Вопреки ожиданиям получение рекредитива сопровождалось немалыми трудностями, о чём Кейзерлинг подробно рассказал в обширной реляции от 13 (24) декабря 1746 г. Самым неприятным сюрпризом стала грамота герцога Саксен-Веймарского Эрнста Августа I (1688–1748), адресованная членам коллегии имперских князей. В ней говорилось, что российская императрица отправила представителя на рейхстаг исключительно ради признания своего титула, что якобы в обмен на это признание она уже гарантировала курфюрстам во Франкфурте, что будет именовать их «ваша курфюрстская светлость» (*Eure Churfürstliche Durchlaucht*), а её дипломаты будут оказывать их послам те же почести, которые оказывают послам коронованных особ. Вследствие чего герцог предлагал вынести вопрос о титуле на заседание коллегии имперских князей, чтобы и они смогли выговорить себе ряд почестей – именование «светлейший князь» *(Durchlauchtigster Fürst*), обращение «ваша светлость» (*Eure Durchlaucht*) – и приравнять своих посланников к послам коронованных особ.

Имея личные связи с дипломатами на рейхстаге, Кейзерлинг сумел разоблачить явную ложь о проведении подобных переговоров на выборном собрании во Франкфурте и доказать бессмысленность расчётов герцога Саксен-Веймарского. Россия давно уже использовала в общении с курфюрстами и «старыми» имперскими князьями (т.е. получившими свои лены от императоров до 1582 г.) обращение «светлость», о чём многие из них, в том числе и герцог Саксен-Веймарский, могли найти подтверждение в собственных архивах. Не ставила под сомнение Россия и статус курфюрстов, приравненных к коронованным особам после Вестфальского мира 1648 г., а следовательно, и их дипломатов. Претензии имперских князей на такой же статус вызывали противодействие курфюрстов и бесконечные споры о рангах между их представителями, в которые иностранные дипломаты предпочитали не вмешиваться. Поэтому единственной целью герцога Саксен-Веймарского было вынести вопрос о титуле Елизаветы Петровны на заседание коллегии имперских князей и сделать его предметом обсуждения на рейхстаге независимо от результата. Российский дипломат подозревал, что это делалось по наущению и на деньги французского двора.

Уладив одну проблему, Кейзерлинг неожиданно столкнулся с другой. В его отзывной грамоте обнаружились ошибки: в словосочетании «Священная Римская империя» из-за оплошности канцеляриста было опущено первое слово. Сама грамота была адресована «курфюрстам и чинам империи» без упоминания имперских князей. Но в этом Коллегия иностранных дел следовала образцу британских и французских отзывных грамот, присланных Кейзерлингом. На рейхстаге был пущен слух, что якобы документ был намеренно составлен таким образом, чтобы у империи «признанный предикат» отнять, а имперских князей уравнять с имперскими городами. Российскому дипломату пришлось даже направить в Директорию рейхстага специальную ноту и объяснить, что опущение слова «князья» в грамоте, содержавшей уверения в дружбе, могло произойти только из-за канцелярской ошибки. За отсутствие слова «священная» он изви-

нился на словах, поскольку знал, что рейхстаг неоднократно принимал грамоты и без него.

Тем не менее посланник герцога Саксен-Веймарского граф Геринг вынес этот вопрос на голосование в коллегии имперских князей. Первое заседание, созванное по горячим следам, Кейзерлингу удалось сорвать (каким образом – он умолчал), а ко второму, проходившему 5 (16) декабря, представители имперских князей были уже настроены миролюбиво и подавляющим большинством голосов решили закрыть глаза на допущенные в тексте ошибки и выдать российскому дипломату рекредитив, содержавший императорский титул. По словам Кейзерлинга, он приложил немало усилий, чтобы в протокол заседания попали только подробности голосования по вопросу об ошибках, а всё, что касалось непосредственно признания титула, не было обозначено как предмет переговоров[59]. В итоге представители имперских князей ограничились в протоколе формулировкой, что «российской монархине императорской титул по самопроизволному согласию чинов впредь даван был» (*daß der Russischen Monarchin der Kayserliche Titul ex libera statuum voluntate et consense künftighin zu geben wäre*)[60]. С этим согласилась и коллегия имперских городов.

Важную роль в успешном завершении миссии сыграли сотрудники Директориальной канцелярии курфюрста Майнца и его дипломаты: секретарь посольства Франц Кристоф Иоаким Цинк, канцеляристы Иоганн Эрнст Марклофф и Ансельм Франц Йозеф Эдель, готовившие документы и вносившие в протокол резолюции рейхстага. В промемории на имя канцлера Бестужева от 9 апреля 1747 г. они утверждали, что за услуги Кейзерлинг обещал им вознаграждение, которого они так и не получили и на которое по-прежнему рассчитывали, уповая на щедрость российской императрицы и великодушие её канцлера. Не дождавшись ответа Бестужева, сотрудники канцелярии написали ему повторно 22 ноября (3 декабря). Однако последовала ли реакция на это послание, нам пока неизвестно[61].

* * *

На полях перевода реляции Кейзерлинга от 13 (24) декабря 1746 г. сохранилась помета, скорее всего принадлежащая канцлеру Бестужеву и адресованная Елизавете Петровне. В этом небольшом тексте подводится итог сложной миссии российского дипломата, продлившейся от идеи до воплощения почти два года: «Ея Императорское Величество искуство графа Кейзерлинга из того всемилостивейше приметить изволит, что хотя он как сперва в Франкфурт, так потом в Регенсбург нарочно посылан был, дабы признание Ея Императорскому

[59] Перевод реляции: Там же. Д. 2. Л. 465–477 об.
[60] См. экстракт протокола заседания коллегии имперских князей от 16 декабря 1746 г. и его перевод: Там же. Л. 463 об., 493 об.
[61] Там же. 1747. Д. 1. Л. 1–7.

Величеству всевысочайшаго императорского достоинства от Римской империи изходатайствовать, не имея притом никаких других комисей, но он не токмо никакой негоциации при сеймовом собрании о том не производил, но ниже вида не подал, якобы он затем туда отправлен был»[62]. При этом изначально ни у Елизаветы Петровны, ни у Бестужева, имевшего опыт службы в Священной Римской империи, не было представления о том, как подступиться к проблеме титула. Предложенный Кейзерлингом вариант оказался прост: передать верительную грамоту и получить отпускную, и так дважды – во Франкфурте и Регенсбурге. Императрица и её канцлер доверились дипломату и фактически лишь санкционировали его действия на каждом этапе миссии.

Сам Кейзерлинг отмечал, что не смог бы решить поставленную перед ним задачу без поддержки представителей курфюрстов Майнца, Саксонии, Богемии и присоединившихся к ним на завершающем этапе дипломатов курфюрста Бранденбурга и короля Дании, с которой Россия заключила трактат о дружбе 10 (21) июня 1746 г., а также императора Франца I. Из этого можно заключить, что момент для признания императорского титула был выбран как нельзя более удачно. Война за австрийское наследство, затрагивавшая интересы европейских держав и имперских штатов, вынуждала их искать помощи Елизаветы Петровны, занимавшей выжидательную позицию и до определённого момента не вмешивавшейся в конфликт, чем Кейзерлинг с блеском воспользовался. Добиться включения Гольштейн-Готторпа в число имперских штатов, имевших индивидуальный голос в коллегии имперских князей, дипломату не хватило времени: императрица торопила его с отъездом к новому месту назначения – в Берлин. Эту задачу предстояло решать другим.

Миссия Кейзерлинга, ход которой был детально восстановлен в настоящей статье, ещё нуждается в осмыслении. За её рамками остались проблемы церемониала на выборном собрании во Франкфурте и рейхстаге в Регенсбурге, методы работы дипломата, его размышления об устройстве Священной Римской империи и её институтов, реакция имперских штатов на действия российского двора. Всё это требует привлечения дополнительных источников – прежде всего корреспонденции имперских дипломатов – и заслуживает дальнейшего исследования.

Об авторе:

Мария Александровна Петрова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. 119334 Москва Ленинский проспект 32 а. E-mail: maria.petrova@bk.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

[62] Там же. 1746. Д. 2. Л. 471–471 об.

UDC: 94, 327
Received: November 10, 2021
Accepted: December 10, 2021

Hermann Karl von Keyserlingk and the Recognition of the Russian Imperial Title by the Holy Roman Empire in 1745–1746.

Maria A. Petrova
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-89-109

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article, based on the unpublished documents from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, reveals for the first time details of a little-known episode in the history of the Russian diplomatic service – the mission of Empress' Elisabeth I minister plenipotentiary Count of Courland Hermann Karl von Keyserlingk to Frankfurt am Main and Regensburg during the War of the Austrian Succession. The mission's goal was to achieve recognition of the Russian imperial title from the Emperor of the Holy Roman Empire. The author managed to find out, it was Keyserlingk who had the idea to send the official representative of Russia to the election of the Emperor in Frankfurt in 1745 and then in 1746 to the Imperial Diet in Regensburg, which approved the election results. Keyserlingk proposed the most straightforward plan that did not damage the prestige of Elisabeth I – to transfer the credentials with the imperial title to the College of Electors and to receive a recreditive (leave-letter), trying to get the title included in the text. The same should have been done at the Imperial Diet. The main task of the diplomat was to prevent the issue of the title from becoming the subject of discussion at meetings of the College of Electors and at the Diet, since the details of the discussion would undoubtedly get into the official documents of these institutions and become public. The moment for solving this delicate issue turned out to be a good one: the continued hostilities forced the Imperial Estates to seek help from Russia. As a result, they were ready to do Elisabeth I a favor. This largely explains the success of Keyserlingk's mission, which enjoyed the support of imperial diplomats – representatives of the Electors of Mainz, Saxony, Bohemia and at the final stage – of the Elector of Brandenburg, King of Denmark and Emperor Franz I. The article also examines Keyserlingk's participation in recognizing the seventeen-year-old Grand Prince Peter as Duke of Holstein-Gottorp, a legal major a year early.

Keywords: Russian diplomacy, College of Foreign Affairs, Election meeting in Frankfurt am Main, Imperial Diet in Regensburg, College of Electors, Elisabeth I, Maria Theresia

About the author:

Maria A. Petrova – Candidate of Historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. 119334. 32a Leninskiy prospect, Moscow, Russia. E-mail: maria.petrova@bk.ru

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflicts of interest.

References:

Düwel S. 2016. *Ad bellum Sacri Romano-Germanici Imperii solenne decernendum: Die Reichskriegserklärung gegen Brandenburg-Preußen im Jahr 1757. Das Verfahren der „preußischen Befehdungssache" 1756/57 zwischen Immerwährendem Reichstag und Wiener Reichsbehörden* (2 Teilbände). Berlin: LIT. 985 s. (In Russian)

Anisimov M.Ju. 2020. *Rossija v sisteme velikih derzhav v carstvovanie Elizavety Petrovny (1741-1761 gg.) [Russia in the System of Great Powers in the reign of Elizabeth Petrovna (1741-1761)]*. Moscow: Tovarishhestvo nauchnyh izdanij KMK. 457 p. (In Russian)

Bantysh-Kamenskij N.N. 1896. *Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god). V 4-h chastjah [Review of the Russian Foreign Relations till 1800]*. T. 2: Germanija i Italija [Germany and Italy]. Moscow: Tipografija Je. Lissnera i Ju. Romana. 273 p. (In Russian)

Ivonin Ju.I. 2009. *Universalizm i territorializm. Staraja imperija i territorial'nye gosudarstva Germanii v rannee Novoe vremja. 1495–1806. [Universalism and Territorialism. The Old Empire and the Territorial States of Germany in the Early Modern Time]*. T. 2. Moscow: TransLit. 336 p. (In Russian)

Martens F.F. 1874. *Sobranie traktatov i konvencij, zakljuchennyh Rossieju s inostrannymi derzhavami [Collection of Treatises and Conventions Concluded by Russia with Foreign Powers]*. T. I: Traktaty s Avstrieju. 1648–1762. Saint-Petersburg: Tipografija Ministerstva putej soobshhenija (A. Benke). 324 p. (In Russian)

Nekrasov G.A. 1972. Mezhdunarodnoe priznanie rossijskogo samoderzhavija v XVIII v. [International Recognition of the Russian Autocracy in the 18 Century]. *Feodal'naja Rossija vo vsemirno-istoricheskom processe: Sbornik statej, posvjashhennyj L'vu Vladimirovichu Cherepninu*. Moscow: Nauka. P. 381–389. (In Russian)

Nelipovich S.G. 2010. *Sojuz dvuglavyh orlov: russko-avstrijskij voennyj al'jans vtoroj chetverti XVIII v. [The Union of Double-headed Eagles: the Russian-Austrian Military Alliance of the Second Quarter of the 18th Century]*. Moscow: Kvadriga. 408 p. (In Russian)

Florovskij A.V. 1972. Stranica istorii russko-avstrijskih diplomaticheskih otnoshenij XVIII v. [Page of the History of Russian-Austrian Diplomatic Relations of the 18th Century]. *Feodal'naja Rossija vo vsemirno-istoricheskom processe: Sbornik statej, posvjashhennyj L'vu Vladimirovichu Cherepninu*. Moscow: Nauka. P. 389–397. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Анисимов М.Ю. 2020. *Россия в системе великих держав в царствование Елизаветы Петровны (1741-1761 гг.)*. Москва: Товарищество научных изданий КМК. 457 с.

Бантыш-Каменский Н.Н. 1896. *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*. В 4-х частях. Ч. 2: Германия и Италия. Москва: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа. 273 с.

Ивонин Ю.И. 2009. *Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495–1806*. Т. 2. Ч. 2. Москва: ТрансЛит. 336 с.

Мартенс Ф.Ф. 1874. *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами*. Т. I: Трактаты с Австриею. 1648–1762. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке). 324 с.

Некрасов Г.А. 1972. Международное признание российского самодержавия в XVIII в. *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сборник статей, посвящённый Льву Владимировичу Черепнину*. Москва: Наука. С. 381–389.

Нелипович С.Г. 2010. *Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в.* Москва: Квадрига. 408 с.

Флоровский А.В. 1972. Страница истории русско-австрийских дипломатических отношений XVIII в. *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сборник статей, посвящённый Льву Владимировичу Черепнину.* Москва: Наука. С. 389–397.

Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(6). С. 110–126
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-110-126

Check for updates

О роли царских врачей в реализации внешнеполитических инициатив Петра I в 1716–1721 гг.

А.В. Морохин

Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Статья посвящена изучению роли царских врачей в решении ряда внешнеполитических вопросов России в эпоху правления Петра I. В работе анализируется деятельность Роберта Арескина и Георгия Поликалы. Арескин сыграл ключевую роль во взаимоотношениях Петра I с якобитами в условиях ухудшения отношений России и Англии в 1717–1718 гг. Поликала был задействован российским правительством в отношениях с Османской империей.

Источники свидетельствуют, что Р. Арескин был главным лоббистом идеи поддержки российским правительством Якова III Стюарта. С этой целью во время второго европейского путешествия Петра I медик при посредничестве своих родственников, активных сторонников свергнутой династии, вёл переговоры с представителями шведского короля Карла XII и с другими европейскими дипломатами. На деятельность Арескина повлиял дипломатический скандал, разразившийся в начале 1717 г. в связи с раскрытием очередного заговора якобитов, к которому оказались причастны официальные круги Швеции. Тогда тайные переговоры медика с представителями государства, находившегося в состоянии войны с Россией, стали достоянием гласности. Несмотря на официальные заверения Петра I и Арескина о непричастности к деятельности противников английского короля Георга I, переговоры с якобитами продолжались и позднее, во время пребывания царя во Франции и Голландии. Арескин поддерживал эти контакты и после возвращения Петра I в Россию, что усугубило и без того сложные отношения с Англией. После кончины царского врача «якобитская интрига» в России завершилась.

Г. Поликала был причастен к деятельности российской дипломатии в Османской империи. Имели место его активные контакты с посланником России в Стамбуле П.А. Толстым, известно о его попытках вывезти с территории Османской империи А. Кантемира. К сожалению, сведения об участии Поликалы в мероприятиях тайной дипломатии Петра I носят отрывочный характер.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, Османская империя, тайная дипломатия, лейб-медики, якобиты

УДК: 94, 327
Поступила в редакцию: 20.10.2021
Принята к публикации: 15.11.2021

История петровской дипломатии уже не одно столетие привлекает внимание исследователей. Однако среди различных сюжетов в рамках данной проблематики малоисследованным остаётся вопрос о роли лейб-медиков Петра I в реализации некоторых внешнеполитических инициатив. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы дополнить существующие сведения о тайной дипломатии Петра I и реконструировать причастность к этой сфере его личных врачей.

Деятельность одного из лейб-медиков, Роберта Арескина (1677–1718), неоднократно привлекала внимание зарубежных исследователей, в том числе и в связи с его причастностью к неофициальным контактам российского правительства с якобитами (Wills 2002; Collins 2012; Кросс 2005). Российские историки второй половины XIX столетия также частично касались этих сюжетов (Брикнер 1881; 1881 а: 657–658). Контакты агентов Петра I с якобитами попадали и в поле зрения советских исследователей, занимавшихся изучением истории отношений России и Великобритании в годы Северной войны (Никифоров 1950). Особо следует выделить работу С.А. Фейгиной, которая ввела в научный оборот ряд оригинальных источников, связанных с деятельностью Арескина по налаживанию контактов с якобитами (Фейгина 1959). Современные авторы также считают, что врач Петра I играл важную роль в тайных переговорах с якобитами (Стерликова 2007: 67–69). Некоторые новые факты, связанные с инициативами якобитов, стали известны благодаря новейшему исследованию Д.Н. Копелева (Копелев 2018)

Фигура второго врача, Георгия Поликалы (1655– после 1725), лишь недавно привлекла внимание специалистов в связи с некоторыми «внепрофессиональными» аспектами деятельности медика, в частности, с его контактами с семьёй Кантемиров и П.А. Толстым (Цвиркун 2008: 145–146; Ястребов 2018: 151–152).

Ряд новых источников, извлечённых из центральных архивов, позволяет существенно дополнить имеющиеся в распоряжении исследователей сведения о роли царских врачей Р. Арескина и Г. Поликалы в тайной дипломатии Петра I.

Деятельность Р. Арескина в России в 1704–1716 гг.

Представитель именитого шотландского рода, Р. Арескин окончил Оксфордский университет со степенью доктора философии и Утрехтский университет со степенью доктора медицины. Он также обучался в университетах Эдинбурга и Парижа, владел несколькими языками и состоял в переписке с известными учёными. С 1704 г. деятельность Арескина была связана с Россией[1]. Сначала

[1] Английский купец Г. Стелс 2 августа 1704 г. писал А.Д. Меншикову о том, что «по приказу всемилостивейшего писал из Москвы в Лондоне о дохторе к брату моему. И он, слава Богу, сыскал человека изрядного и во всех науках искуснаго, и чаю, по нраву милости вашей во всем будет». В том же 1704 г. Г. Стелс в письме интересовался у светлейшего князя: «Тако ж желаю слышать: аглинский дохтор Арескин доехал ли в добром здравие. И пожалуй,

он поступил на службу к А.Д. Меншикову в качестве домашнего врача. Пётр I сразу обратил внимание на разностороннюю образованность и деловые качества шотландца; с 1705 г. Арескин начал лечить царя. 14 мая 1705 г. из Москвы больной лихорадкой Пётр I писал Меншикову: «В которой болезни не меньши тоска разлучения с вами, что я многажды в себе терпел, но ныне уже вящше не могу, извольте ко мне быть поскоряй, чтоб мне веселяй было, о чем сам можешь разсудить. Також возми дохтора Англинского и приезжай с небольшими сюды» (Письма и бумаги 1893: 342). Под «англинским дохтором» как раз и подразумевался Арескин, который именуется таким образом и в ряде других писем Петра I и его соратников в 1705–1706 гг.[2]. Медицинская помощь, оказанная Арескиным Петру I в 1705 г., видимо, не была разовой, поскольку британский посланник в том же году называл медика «врачом при царе» (Кросс 2005: 138). В 1707 г. Роберт Карлович, как Арескина называли в России, стал руководить Аптекарским приказом, затем он получил должность лейб-медика царя, а в последние годы жизни возглавлял медицинскую службу России в должности архиатера[3].

Современники оставили свидетельства видной роли Арескина в реорганизации работы Аптекарского приказа, а затем и Медицинской канцелярии. А. Гордон признавал, что Арескин «привёл императорскую аптеку в то превосходное состояние, в котором она теперь находится: она снабжает лекарствами армии и флоты, да и всю империю и приносит большие дополнительные прибыли в царскую казну» (Кросс 2005: 138). Голландец К. де Бруин, посетивший Москву по дороге из Ирана в 1710 г., отмечал, что Арескин «пользуется большим вниманием всех, за его отличное знание своего дела и личные достоинства, равно как любезное обращение и вежливость». По его свидетельству, Арескин занимался «собиранием со всех сторон и укладкой в бумагу с удивительною чистотою всех главнейших трав и цветов, употребляемых в медицине». Тогда же у Арескина возникла идея организовать экспедицию в Сибирь для сбора лекарственных трав и растений. Деловые качества Роберта Карловича проявились и в том, что он смог добиться для Аптекарского приказа нового каменного здания (Бруин 1873: 248–249). Документы Аптекарского приказа позволяют сделать вывод, что Роберт Карлович предпочитал иметь дело с английскими купцами. Так, в 1712 г. «на дачу жалованья аптекарского чина людям» в Петербурге архиатер занимал деньги «у торговых иноземцев Ивана Иванова сына Жанета да у Самойла Гарцейта», которые «дали на Москве иноземцу Карлусу Гутвелю» 2200 рублей[4]. В 1715 г. по чертежу Арескина в Петербурге был построен госпи-

государь, будь к нему милостив, а воистино он премного доброй человек и чаю милости вашей угоден будет». *Архив Санкт-Петербургского Института Истории РАН* Ф. 83. Оп. 1. Д. 415. Л. 1 об.; Д. 371. Л. 1.

[2] *Письма и бумаги императора Петра Великого*. 1900. Т.4. Санкт-Петербург. С. 297, 987.

[3] Пётр I назначил Арескина архиатером 30 апреля 1716 г., находясь в Гданьске. Годовое жалование царского врача составляло 3000 рублей. *Российский государственный архив древних актов* (Далее – РГАДА). Ф. 154. Оп. 2. № 106. Л. 1 – 1 об.; Ф. 9. Кн.14. Л. 2.

[4] *РГАДА*. Ф. 16. Оп. 1. № 320. Часть 2. Л. 34 об.

таль[5]. Незаурядные организаторские качества, надо полагать, способствовали успешной карьере медика в России.

Сохранились свидетельства и о том, что помимо своих непосредственных обязанностей врач зачастую выступал ещё и советником царя по политическим вопросам (Беспятых 1997: 399). Источники свидетельствуют о том, что уже в первые годы своего пребывания в России Арескин делился с Петром I информацией, полученной неформально от английского посла в России Ч. Уитворта[6]. Сопровождавший Петра I во время его поездки по Франции Э.Ф. де Либуа сообщал в Париж, что царский врач «имеет сильное желание вмешиваться во все дела»[7]. В дальнейшем французские политики, предполагая заключить с Россией торговый договор, связывали свои надежды с лейб-медиком Петра I.

Французский дипломат А. де Лави (17) мая 1717 г. сообщал, что письменно просил Арескина «поговорить в мою пользу в случае, если обо мне его станут расспрашивать»[8]. Судя по некоторым сведениям, врач активно интересовался и другими внешнеполитическими вопросами. Английский дипломат Д. Норрис в 1715 г. признавал, что Арескин «благодаря своему влиянию оказал большую услугу британцам». Тот же Норрис летом 1717 г., в разгар т.н. «Мекленбургского дела», намеревался добиваться решения вопроса о выводе российских войск из северной Германии «окольными путями, через доктора, с которым я говорил» (Wills 2002: 43). Надо полагать, высокому мнению о возможностях царского врача способствовали активные контакты Арескина с подданными Британской империи, приезжавшими в Россию. В частности, сохранились сведения о том, что в 1717 г. в летнем доме врача в Петергофе, который его друзья именовали Bremar House (по аналогии с шотландским замком Бремар, принадлежавшем семье Арескина) останавливались англичане и шотландцы. Летом 1717 г. там гостил английский купец Р. Мейнуэринг, к которому вскоре присоединились моряк Браун, купцы Я. Ходжкин и Р. Хайуитт. Вся эта компания принимала в доме Арескина генерала Брюса и «им там нравилось, там было похоже на Шотландию» (Дриссен – ванн хет Реве 2015: 73). Примечательно, что 25 июня и 13 июля 1717 г. эту группу англичан «в дохтурском дворе» в Петергофе навещал А.Д. Меншиков[9].

Р. Арескин и «якобитская интрига» 1716–1717 гг.

Наибольшую известность Арескину, которого современники характеризовали как «усердного якобита», принесло активное участие в деятельности сторонников Якова III Стюарта в 1716–1717 гг.

---

[5] *Архив СПб ИИ РАН*. Ф. 270. Оп. 1. № 78. Л. 36.

[6] *Письма и бумаги императора Петра Великого*. 1900. Т. 4. Санкт-Петербург. С. 297.

[7] *Сб. РИО*. 1881. Т. 34. Санкт-Петербург. С. 164.

[8] Там же. С. 214.

[9] *Труды и дни Александра Даниловича Меншикова: Повседневная записка делам князя А.Д. Меншикова* 1716 – 1720, 1726 – 1727 гг. 2004. Москва. С. 139, 143.

В начале 1717 г. в Англии был раскрыт один из заговоров якобитов, в организации которого принимали участие шведы. 9 февраля 1717 г. в Лондоне арестовали шведского посла К. Юлленборга; его переписка была предъявлена дипломатическим представителям в Лондоне и опубликована. Среди бумаг Юлленборга обнаружились письма, где упоминались «некоторые фрагменты, касающиеся доктора Арескина, царского врача, и Его Царского Величества лично, и они сочтены слишком весомыми, чтобы можно было ими пренебречь или обойти молчанием, ибо они до некоторой степени отражают поведение этого Монарха к его Британскому Величеству»[10]. В частности, в одном из писем Арескина говорилось, что Пётр I не предпримет больше никаких враждебных действий против шведского короля и никогда не будет другом английскому королю Георгу I, что царь сочувствует справедливому делу претендента (Якова III Стюарта) и ничего не желает больше, как такого положения, при котором он смог бы его восстановить на английском престоле. Кроме того, в письме первого министра Карла XII Г.Г. Гёрца Юлленборгу от 11 декабря 1716 г. упоминался родственник лорда Мара (видимо, кузен Р. Арескина – А.М.), который прислал известие о том, что «царь имеет некоторую склонность к миру, которой мы не преминем воспользоваться»[11]. Эти факты дали английскому правительству повод обвинить Россию в причастности к заговору. На основании того, что главным заговорщиком считался старший брат Роберта – Джон Арескин, который в 1716–1717 гг. был посредником в переговорах шотландских сторонников Якова III Стюарта со шведским правительством, было сделано предположение, что и царь через своего лейб-медика знал об этих планах.

Между тем в марте 1717 г. Пётр отправил через Ф.П. Веселовского, резидента в Лондоне, меморандум английскому правительству, в котором поздравил короля с раскрытием заговора и официально уведомил Георга в своей непричастности к замыслу шведов. Царь выражал удивление информацией о том, что «бутто Его Царского Величества лейб медикус Арешкин о сем деле с графом Маром корреспонденцию имел и оному объявлял, что Его Царское Величество справедливость дела претендента признавает и ничего так не желает как случаи и коньюнктуры, чтоб онаго на его королевство возстановить с другими злыми и досадительными экспрессиями, и хотя Его Царское Величество в разсуждении помянутого его лейб медика всегдашних верных поступок во время уже 13-летней его службы верить не может, чтоб он так себя забыл и в такую непристойную корреспонденцию без всякого указу вступил», ибо Пётр I своего врача «кроме того что до профессии его касается, ни к каким советам и статским делам не употребляет, толь меньше же может Его Величество верить, что он при том Его Величества высокое имя злоупотребить и такие неправости на

[10] *РГАДА* Ф. 35. Оп. 1. № 7 (1717 г.). Л. 121.
[11] *РГАДА* Ф. 35. Оп. 1. № 7 (1717 г.). Л. 121, 186.

него затеять дерзнул и тем в опасность всеконечной своей погибели привесть похотел», так как царь «сколь скоро уведав, что некоторые из сродников его» выступали против Георга I, «то тотчас изволил ему заказать не то что о каких делех но и о партикулярных своих никакой корреспонденции с ними не иметь». Пётр имел разговор с врачом, который «засвидетельствовал, что как он во всем том весма невиновен и непричастен» и «под присягою и потерянием живота своего декларировал, что он никогда таких писем к Конте Мару и ни к кому не писывал и обнадежен, что ни от кого ему того доказания быть не может и таких его писем нигде не явится, в котором случае он себя жесточайшему наказанию охотно подвергает». В свою очередь Арескин написал английскому государственному секретарю Дж. Стенхопу письмо, в котором отрицал все обвинения и уверял, что не вёл с Маром переписки, наносящей ущерб интересам английского короля[12].

Вопреки этим официальным заверениям, реальная ситуация выглядела иначе. К концу лета 1716 г. первый министр Карла XII Г. Гёрц разработал план заключения сепаратного мира с Россией и соглашения с якобитами, которые ещё в 1715 г. предлагали шведскому королю совместные действия[13]. В этих контактах важную роль играли родной брат Роберта – Джон Арескин, его кузен Чарльз Арескин и племянник Г. Стирлинг. В июле 1716 г. Джон Арескин получил поручение доставить Карлу XII письмо от претендента, в котором излагалось предложение о высадке в Шотландии десанта в 8-10 тысяч человек (Фейгина 1959: 159). Роберт Арескин в то время сопровождал Петра I в его втором путешествии по Европе. Эти поездки способствовали активизации контактов окружения Петра I с якобитами. В сентябре 1716 г. Дж. Арескин получил из Дании от брата письмо с приглашением от имени царя тайно посетить Копенгаген. В конце того же месяца Ч. Арескин писал из Копенгагена Дж. Арескину, что Роберт пользуется расположением и доверием царя, намекая тем самым на широкие возможности якобитов в России (Александренко 1897: 26). В ноябре–декабре 1716 г. по инициативе Гёрца между шведскими дипломатами, находившимися в Англии, началась переписка по поводу налаживания контактов с Петром через его врача, дабы вовлечь царя в якобитскую интригу. Вполне возможно, что инициаторами этих контактов выступили якобиты. 17 ноября 1716 г. секретарь Гёрца Г. Юлленборг писал из Гааги своему брату К. Юлленборгу в Лондон о возможном привлечения к якобитской интриге тайной русской дипломатии. Он сообщил о письме шведского посла во Франции Э. Спарре, который обращал внимание на то, что двоюродный брат лорда Мара – врач русского царя. Видимо, лорд Мар и способствовал вовлечению своего кузена в дела якобитов, считая, что все представители их клана должны способствовать реставрации

[12] *РГАДА* Ф.35.Оп.1. № 445 Л. 1–20.
[13] *Архив СПб ИИ РАН* Ф. 276. Оп. 2. № 133. Т. 1. С. 340.

Стюартов, и «если они этого не сделают, то недостойны происходить из нашей семьи» (Wills 2002: 44). Р. Арескин о планах Петра писал лорду Мару так: «Царь, имея все преимущества полностью на своей стороне, не может сделать первого шага; но если король (Карл XII – А.М.) сделает малейший аванс, между ними очень скоро будет достигнуто соглашение» (Фейгина 1959: 161). Гёрц 12 ноября 1716 г. писал Э. Спарре, что мир с Россией можно заключить в течение трёх месяцев, и ссылался при этом на Р. Арескина: «Французский канал в настоящее время не самый удобный для нас. Между тем я не могу не думать, что через канал, представляемый врачом-фаворитом, можно использовать добрые намерения царя… Если царь приедет сюда и удастся иметь приватную беседу с фаворитом, то мы безусловно сумели бы далеко продвинуть дело, предполагая, как я сказал, что написанное фаворитом достаточно обоснованно». 11 декабря Гёрц сообщил К. Юлленборгу в Лондон, что царский врач подтвердил желание Петра заключить мир. Узнав о планах царя посетить Гаагу, Гёрц надеялся встретиться там с медиком, дабы прояснить перспективы дальнейших переговоров с царём (Фейгина 1959: 161–162). Сохранились сведения о том, что в начале 1717 г., в разгар заговора Юлленборга, доктор Арескин в сопровождении некоего «шотландского капуцина» встречался в Амстердаме с Гёрцем и обсуждал с ним, сколько денег нужно для организации вторжения в Шотландию (Murray 1969; Wills 2002: 48–49; Копелев 2018: 28). Данный факт был известен современникам. Б.И. Куракин, в то время российский посол в Гааге, указывал во «Введении к главам к Гистории» о «начатии интриг барона Гёрца в интересе Претендента с нашим двором и у нас с Претендентом через дохтура Аретина»[14]. По свидетельству Вольтера, после встречи с Гёрцем Арескин «изобразил князю Меншикову величие сего проекта с той живостью выражений, каковая свойственна человеку заинтересованному. Авансы сии пришлись по вкусу князю, да и сам царь также одобрил их» (Вольтер 1999: 240).

Помимо личных переговоров с первым министром Карла XII лейб-медик Петра напрямую контактировал с К. Юлленборгом, который после разговоров с Арескиным пришёл к выводу, что царь ненавидит Георга I и «с охотой отправит его к самому дьяволу» (Копелев 2018: 29). Все контакты и переговоры были тайными, врач явно не намеревался делать их достоянием гласности.

В этой связи показательна реакция Арескина на предпринятую английским правительством публикацию писем К. Юлленборга: медик явно перепугался. С.А. Фейгина обратила внимание на донесение из Амстердама от 16 марта 1717 г. английского представителя в Голландии Литса, который писал, что 14 марта 1717 г. застал Арескина за чтением бумаг. Врач в крайнем возбуждении метался по комнате, говорил сам с собой и был не в состоянии что-либо объяснить своему гостю. Тогда же руководители внешнеполитического ведом-

[14] *Архив князя Ф.А.Куракина*. 1890. Кн. 1. Санкт-Петербург. С. 89.

ства России собрались для составления жалобы на лейб-медика. Тот клятвенно уверял, что никогда не писал Мару и не помышлял о том, что ставят ему в вину. Английский дипломат сообщал, что Арескин «имеет больших врагов при царском дворе, хотя Куракин состоит в тесной дружбе с ним». Вечером 14 марта Пётр получил записку от своих министров, которые обвинили врача в том, что он писал Мару, будто бы царь поручил Арескину вести переговоры о сепаратном мире. Пётр ответил, что ему ничего об этом не известно. Царь был в гневе от публикации бумаг К. Юлленборга, призвал врача, который всё отрицал и приписал публикацию писем намерению врагов царя поссорить его с Георгом I (Фейгина 1959: 172– 173). Из приведённого текста следует, что руководители внешнеполитического ведомства России канцлер Г.И. Головкин и вице-канцлер П.П. Шафиров не были осведомлены о контактах Арескина с оппозиционными английскими кругами на континенте и были не в восторге от его выходящей за рамки официальных обязанностей деятельности.

Между тем и после публикации материалов К. Юлленборга связи тайной русской дипломатии с якобитами не были разорваны. Теперь основные усилия якобитов направились на посредничество в заключении мира между Россией и Швецией. Ч. Арескин в письме от 1 марта 1717 г. известил лорда Мара о том, что Пётр принял якобита Г. Стирлинга, племянника своего врача. Мар ставил доктора Арескина в известность о своём пребывании в Париже, очевидно, надеясь на встречу с ним. Когда стало известно, что Пётр из Голландии направляется во Францию, якобит Ю. Патерсон написал об этом 16 апреля 1717 г. в Париж графу Мару, сообщив, что доктор Арескин с одобрения царя желает встретиться с ним, а содействовать этой встрече мог бы другой их родственник – Вильям Арескин. По прибытии в Париж доктор встречался с Маром дважды, 9 и 11 мая. Лейб-медик предлагал отправить одного из сторонников Стюарта, герцога Дж. Ормонда, к шведскому королю, дабы склонить последнего к миру с Россией. Мар убеждал русскую сторону принять посредничество Якова III в переговорах с Карлом XII и при этом рекомендовал умерить требования царя. Также известно, что летом 1717 г. Мар решил отправить в Швецию своего представителя, поручив ему содействовать заключению мира и военного союза между Россией и Швецией с привлечением к нему Якова III. Через Арескина Мар обращался к Петру: «Как почётно было бы для царя, находясь во главе такого союза, не только укрепить и обеспечить за собой большую часть своих собственных приобретений, но и, восстановив оскорблённого монарха, в некоем роде привести в порядок всю Европу, сделаться мощным и надёжным другом этого монарха и вдвоём с ним вместе с теми государями, которые пожелали бы искать их дружбы, диктовать законы всей Европе» (Фейгина 1959: 173–174; 218). Информацией об этих переговорах царский врач делился и с рядом других лиц. Француз А. де Лави 11 ноября 1717 г. сообщал: «Шведский адмирал Ореншильдт передавал

мне, что как сообщал ему доктор Арескин, мир со Швецией весьма близок к заключению»[15].

Во время путешествия Петра по Европе в 1717 г. лейб-медик активно способствовал встречам царя с видными представителями якобитов. Так, находясь во Франции, Пётр посетил монастырь Св. Марии в Шано, где встретился с вдовой Якова II Марией Моденской. Секретарь британского посольства Томас Кроуфорд отмечал, что в Париже «все якобиты толпятся возле его [царя] дома и делают вид, будто это очень важно. Руководит ими доктор Арескин» (Кросс 2018: 107). Британские агенты внимательно отслеживали все эти контакты. На царского врача обратили внимание и французы. Они установили, что в Голландии Арескин не расставался с неким «шотландским капуцином, прозванным архангелом»[16].

Контакты с якобитами продолжились и после того, как Пётр оставил Францию. 5 июля в Спа, где царь находился на водах, приехал Дж. Батлер, герцог Ормонд; он встретился с Р. Арескиным, а 8 июля получил аудиенцию у Петра. В октябре 1717 г. ганноверский министр Робетон сообщал ганноверскому резиденту в России Ф.Х. Веберу: «Считаю нужным известить вас, что царь ныне получает письма от претендента, также как и лейб-медик Эрскин (Арескин – А.М.), который всегда был и есть душой этих интриг и у которого претендент постоянно содержит тайного агента…» (Брикнер 1881 а: 657). Вебер также отмечал активные контакты врача с якобитами: «ежедневно Арескин собирается с этой компанией мятежников». Дипломат не просто жаловался на интриги врача, считая, что тот «всегда останется помехой для хороших отношений между царём и королём», но даже требовал от имени английского короля изгнания Арескина из России (Вебер 2011: 260. В 1718 г. Вебер предложил П.П. Шафирову 30 тысяч дукатов за «уничтожение» Арескина (Бушкович 2009: 392).

Р. Арескин и Г. Стирлинг: якобиты в России

Причины пристального внимания к фигуре лейб-медика со стороны дипломатов Георга I заключались в том, что при активной поддержке Арескина в Петербурге с начала лета 1718 г. весьма энергично действовал один из эмиссаров Якова III – Г. Стирлинг, приходившийся, как отмечалось выше, племянником врачу и проживавший в его доме в Малой Морской слободе[18]. Стирлинг поддерживал переписку с европейскими дворами, при которых его патрон имел своих эмиссаров, и «был в руках русского правительства козырем для оказания давления на английскую дипломатию» (Фейгина 1959: 348). Согласно архивным документам, на встрече с руководителями внешнеполитического ведомства России в

[15] *Сб. РИО*. 1881. Т. 34. Санкт-Петербург. С. 261.
[16] Там же. С.170 – 171.
[17] *РГАДА* Ф. 9. Оп. 3. Кн. 44. Л. 155 об.

марте 1718 г. Вебер заявил, что до Георга I дошла информация о том, что герцог Ормонд и другие якобиты нашли прибежище в Курляндии и «бутто с ним (Петром I – А.М.) трактуют об алианции супружества з герцогинею Курлянскою (Анной Иоанновной – А.М.) или меншою государынею царевною, племянницею Его Царского Величества (Прасковьей Иоанновной – А.М.)». Об этом Ормонд сообщил Мару и другим своим сторонникам в Англии и Шотландии, добавив, что «они (якобиты – А.М.) обретаютца под протекциею Его Царского Величества и содержутца во всяком доволстве и чают доброго предшествия в своей негоциации». Петровские дипломаты эту информацию опровергали, утверждая, что царь Ормонду и прочим якобитам «не токмо какой протекции обещать не изволил, но не был и известен о их тамо (в Курляндии – А.М.) пребывании» и «им никакой протекции не обещано». В ответ Вебер просил Петра «указы свои дать, чтоб шкотцов претендентовой партии из Митавы выслать и чрез то все подозрения отнять». 10 мая 1718 г. Вебер заявил министрам царя, что «здесь один эмиссар от претендента прозванием Стерлинг в доме господина Арескина обретаетца, которой во Францию писал что супружество междо одной из принцесс Его Царского Величества и претендентом заключено будет» и просил выслать из России Стирлинга[18]. Пётр пошёл навстречу этим пожеланиям, и в конце 1718 г. Вебер был вынужден покинуть Петербург. По свидетельству голландского дипломата де Би, царь приказал Арескину немедленно удалить племянника из России «а также не принимать и не ласкать английских и шотландских недовольных, а тем более не приглашать их в Россию и быть вообще осторожным в словах и поступках под опасением царской немилости»[19]. По информации Вебера, получив выговор от царя, Арескин «ужасно рассердился и говорил, что намерен ещё больше прежнего сохранять упомянутые связи» (Брикнер 1881: 197). Насколько достоверны эти сведения, судить трудно. Вполне вероятно, что Пётр ограничился половинчатыми мерами, распорядившись выслать племянника лейб-медика из Петербурга, но одновременно оставив его в России. Об этом может свидетельствовать тот факт, что в начале 1719 г. Стирлинг оказался в Петербурге и царь, по словам Вебера, ему «выказал особливую милость» (Вебер 2011: 175). Следует отметить, что высылка из России Стирлинга не привела к улучшению отношений России с Великобританией.

Арескин сохранил положение при дворе Петра вплоть до своей кончины. 4 сентября 1718 г. врач почувствовал себя плохо; он жаловался Б.И. Куракину: «У меня почти не было свободного времени: то я на борту корабля, то на галерах, то в палатке, но всегда всё было плохо, и я был подвержен суровым условиям местности, от чего я до сих пор страдаю, и я благодарю Господа за наше возвращение, которое состоялось вчера вечером. Его Величество в отлич-

[18] *РГАДА* Ф. 35. Оп. 1. № 467 (1718 г.) Л. 3–23 об.

[19] *Материалы для истории русского флота.* 1867. Часть IV. Санкт-Петербург. С. 158–159.

ном здравии, так же как императрица и вся царская семья» (Дриссен – ванн хет Реве 2015: 185). Судя по сохранившимся письмам Арескина к А.Д. Меншикову, медик продолжал работать вплоть до начала октября 1718 г.[20]. Затем состояние его здоровья ухудшилось и он отправился на лечение минеральными водами в Петрозаводск, куда прибыл 23 ноября 1718 г. Какой болезнью страдал врач, неизвестно, сохранились лишь упоминания о его «тяжёлой телесной слабости». Арескин намеревался принимать минеральные воды, но, по свидетельству В.И. Геннина, смог выпить лишь две небольшие рюмки воды, которая уже не помогла умирающему: «… и через полчаса вырвано тую черною флегмо» (Самойлов 1852: 20–21). Медик скончался в ночь с 29 на 30 ноября 1718 г. на Олонецком Петровском заводе. Пётр распорядился произвести вскрытие тела для выяснения причин смерти – «какою он болезнию был болен и не дано ль ему какой отравы»[21]. На пышных похоронах лейб-медика в Александро-Невской лавре царь «пролил реки слёз» (Дриссен – ванн хет Реве 2015: 185–186). После кончины Р. Арескина интерес Петра к «якобитской интриге» явно ослабел. Попытки Г. Стирлинга и других сторонников Якова III склонить царя к активным действиям против Георга I, направив в Англию экспедиционный корпус в размере 10 тысяч солдат, были проигнорированы (Бантыш-Каменский 1894: 134).

Вскрытие тела Арескина проводил Георгий Поликала – врач, который по иронии судьбы тоже принимал участие в тайных внешнеполитических мероприятиях Петра.

Георгий Поликала: страницы биографии

Итальянский грек, получивший образование в университете Падуи и Риме, Поликала некоторое время жил в Стамбуле. Он открыл аптеку и вошёл в доверие к русскому посланнику П.А. Толстому, вылечив от тяжёлой болезни его сына и став после этого домашним доктором семьи. В 1704 г. медик был принят на русскую дипломатическую службу, а в 1711 г. стал лечащим врачом царицы Екатерины Алексеевны и оставался в этой должности вплоть до своей добровольной отставки в 1725 г. Со стороны венценосной пациентки к Поликале никаких претензий не было. В документе об отставке, подписанном от имени вдовы Петра I 31 мая 1725 г., отмечалось, что врач «при дворе нашем…14 лет служил и во время той своей службы так верно и ревностно по должности своей поступал, как доброму и честному служителю принадлежит и мы им всемилостивейше были довольны»[22].

[20] *РГАДА* Ф. 198. Оп. 1. № 355. Л. 5.
[21] *РГАДА* Ф. 9. Оп. 1. Кн.11. Л. 251 об.
[22] *РГАДА* Ф. 154. Оп.2. № 223. Л. 1-1 об.

В отличие от Арескина, сведения об участии Поликалы в мероприятиях тайной дипломатии Петра носят фрагментарный характер. Известно, что в 1709 г. медик совершал поездку в Рим и некоторое время по поручению П.А. Толстого пробыл в Ватикане. Подробности этой миссии неизвестны (Ястребов 2018). В 1715 г. Поликала вновь выполнял некоторые особые поручения. В частности, он был посредником при передаче в долг супруге царевича Алексея 617 рублей греческими купцами Д. Казановой и И. Стоматьевым[23]. Медик зарекомендовал себя весьма предприимчивым человеком. Известно, например, что во время своего проживания в Стамбуле Поликала дал взаймы большую сумму французским купцам. В июле 1720 г. Пётр просил российского резидента в Турции А.И. Дашкова содействовать возвращению этого займа[24].

Поликала был близок семье молдавского господаря Дмитрия Кантемира, которой он оказывал медицинские услуги. Позже ходили слухи, что именно Поликала в угоду Екатерине вызвал преждевременные роды княжны Марии Кантемир, якобы беременной от Петра – императрица опасалась, что у княжны родится сын (Майков 1897: 68; Записки князя Петра Долгорукова 2007: 71, 119–120). Молдавский историк В.И. Цвиркун считает версию о «неудавшемся союзе российского монарха и молдавской княжны» вымыслом князя Петра Долгорукова, потомка отвергнутого княжной жениха – Ивана Григорьевича Долгорукова. В любом случае Поликала «никак не мог исполнить повеление Екатерины “сделать Марии выкидыш”, поскольку в это время ещё находился в пути из столицы Османской империи в Россию» (Цвиркун 2010: 11–12).

Стамбульская миссия Г. Поликалы

Гораздо больший интерес представляет тайная миссия Поликалы в Стамбуле в 1721–1722 гг. В сентябре 1721 г. Пётр направил врача в Константинополь с письменным посланием о заключении между Россией и Швецией Ништадтского мира. Помимо этого официального поручения перед Поликалой была поставлена и другая, более важная задача – пользуясь своими старыми связями в столице Османской империи, подготовить условия для освобождения и переправки в Россию брата молдавского господаря Антиоха Кантемира и его семьи, которые содержались в заключении в Константинополе. Поликала получил деньги на подкуп турецких чиновников, и сверх того 500 рублей на пенсион князя. Кроме того, Пётр приказал доставить в Россию осьминогов и кальмаров. Предполагалось, что в Константинополе для тайной переправки А. Кантемира будет найден корабль, предпочтительно французский, в связи с чем в Петербурге велись переговоры и с Ж. Кампредоном – дипломатическим представителем

[23] *РГАДА* Ф. 6. Оп. 1. № 97. Л. 1 – 1 об.
[24] *НИОР РГБ* Ф. 404. № 14. Л. 97 об. – 98; № 18. Л. 19 – 20.

Парижа. Очень скоро к этой тайной операции были привлечены дипломаты и сановники ряда государств и сама операция превратилась в секрет Полишинеля. Не веривший в успех предприятия российский дипломат В.Л. Долгоруков в письме Петру от 5 января 1722 г. предложил другой план: «По мне, лучший способ – искать купца, кто б взялся то сделать или искать офицера такого, чтоб на наёмном корабле нарочно для того поехал. Однако ж, ещё буду смотреть, чтоб мне уведать, как то способнее сделать, буду трудиться, чтоб то учинить...» (Цвиркун 2008; 2010: 70, 103, 252, 261, 263). Видимо, для поиска купца и нужен был Поликала. Детали деятельности медика в османской столице неизвестны. Как бы то ни было, похищение не состоялось, а Поликала вернулся в Россию и продолжил трудиться в качестве придворного врача вплоть до своей отставки, то есть провал миссии не сказался на его карьере. Сохранились сведения о том, что в январе 1725 г. Поликалу, находившегося в Москве, пытались привлечь к лечению умиравшего Петра I: 19 января было предписано «с величайшим поспешанием» отправить медика в Петербург[25]. Однако помочь царю Поликала не успел.

* * *

Приведённые нами факты, многие из которых содержатся в оригинальных источниках, впервые вводимых в научный оборот, говорят о том, что во внешнеполитической деятельности Пётр I пытался использовать неофициальные связи своих приближённых. Касалось это как европейского направления внешней политики, так и отношений с Османской империей. В обоих случаях действовали лейб-лекари императора – иностранцы Р. Арескин и Г. Поликала, имевшие обширные связи за пределами России. Благодаря действиям этих медиков в России в последние годы царствования Петра I фактически была создана тайная дипломатическая служба.

Об авторе:

Алексей Владимирович Морохин – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского, научный сотрудник ИРИ РАН. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2. Москва, ул. Д. Ульянова, 19.
E-mail: alexmorohin@yandex.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

[25] РГАДА Ф. 396. Оп. 2. № 1104. Л. 23.

UDC: 94, 327
Received: October 20, 2021.
Accepted: November 15, 2021.

Tsarist Doctors in the Implementation of Peter the Great's Foreign Policy Initiatives in 1716 – 1721

A.V. Morokhin
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-110-126

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Abstract: The article is devoted to the role of tsarist doctors in solving several foreign policy issues in Russia during the reign of Peter the Great. It analyzes the activities of two doctors - Robert Areskin and George Polikala. Areskin played a crucial role in Peter I 's communication with the Jacobites under deteriorating relations between Russia and England in 1717-1718. Polikala, in turn, assisted the Russian government in several interactions with the Ottoman Empire.
Sources indicate that R. Areskin was the leading lobbyist for the idea of the Russian government supporting James III Stuart. With the help of his relatives, who actively supported the overthrown dynasty, Areskin negotiated with representatives of the Swedish King Charles XII and with other European diplomats during the second European trip of Peter the Great. The diplomatic scandal of early 1717 connected to the disclosure of another Jacobite conspiracy involving the official circles of Sweden affected Areskin's endeavors. During these events, the doctor's secret negotiations with representatives of a state at war with Russia became public. Despite the official assurances of Peter the Great and Areskin about their non-involvement in the activities of the opponents of King George I of England, negotiations with the Jacobites continued later, during the tsar's stay in France and Holland. Areskin remained the main initiator of these contacts even after Peter I returned to Russia, which only aggravated the problematic relations with England. However, the death of the tsar's doctor led to the fact that the "Jacobite intrigue" in Russia was over.
Medic G.Polikala was involved in the activities of Russian diplomacy in Turkey. In particular, he had contacts with the Russian envoy in Istanbul, P.A. Tolstoy, and attempted to withdraw A. Cantemir from the territory of the Ottoman Empire. Unfortunately, the information about Polikala's participation in Peter I's secret diplomacy events is sketchy.
The article concludes that the tsarist doctors played an essential role in implementing the foreign policy initiatives of Peter I.

Keywords: Russia, Great Britain, Turkey, secret diplomacy, life doctors, Jacobites

About the author:

Alexey V. Morokhin – PhD(History), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow. 2 Ulianov st., Nizhny Novgorod, 603005. 19 Dm. Ulianov st., Moscow, 117292, Russia. E-mail: alexmorohin@yandex.ru

Conflict of interests:
The author declares absence of conflict of interests.

References:

Collins R. 2012. *The Petrine Instauratition. Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689–1725*. Leiden – Boston: Brill. 576 p.

Murray J.J. 1969. *George I, the Baltic, and the Whig split of 1717. A Study in Diplomacy and Propaganda.* Chicago: University of Chicago Press. 366 p.

Wills R. 2002. *The Jacobites and Russia 1715–1750.* Phantassie, East Linton: Tuckwell Press. 253 p.

Aleksandrenko V.N. 1897. *Russian Diplomatic Agents in London in the 18th Century [Russkie diplomaticheskie agenti v Londone v XVIII v.]* T. 2. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga. 414 p. (In Russian)

Bantysh-Kamenskij N.N. 1894. *Overview of Russia's Foreign Relations (up to 1800) [Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god)].* Moscow: Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana. 304 p. (In Russian)

Bespyatih Yu.N. 1997. *Anna Ioannovna's Petersburg in Foreign Descriptions [Peterburg Anni Ioannovni v inostrannih opisaniyah].* Saint Petersburg: «Blic». 493 p. (In Russian)

Brückner A.G. 1881. F.-H Weber [F.-H.Weber]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya.* №2. P. 179–221. (In Russian)

Brückner A.G. 1881 a. Peter the Great 's travels abroad from 1711 to 1717 [Puteshestviya Petra Velikogo za granicu s 1711 po 1717 gg.]. *Russkij vestnik.* №2. P. 619–658. (In Russian)

Bruyn K. de. 1873. Journey through Muscovy [Puteshestvie cherez Moskoviyu]. Moscow: Universitetskaya tipografiya. 293 p. (In Russian)

Bushkovich P. 2009. *Peter the Great. The Struggle for Power [Petr Velikij. Bor'ba za vlast]'.* Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin. 542 p. (In Russian)

Cvirkun V.I. 2008. Abduction from Constantinople. From the History of the Relationship between Antioch and Dimitri Kantemirov [Pohishchenie iz Konstantinopolya. Iz istorii vzaimootnoshenij Antioha i Dimitriya Kantemirov]. *Revista de Istorie a Moldovie.* №2. P. 138–146. (In Russian)

Cvirkun V.I. 2010. *Dmitry Kantemir. Pages of Life in Letters and Documents [Dimitrij Kantemir. Stranicy zhizni v pis'mah i dokumentah].* Saint Petersburg: Nestor – Istoriya. 412 p. (In Russian)

Driessen van het Reve J. 2015. *The Dutch Roots of Peter the Great's Kunstkammer: A History in Letters (1711-1752) [Gollandskie korni Kunstkamery Petra Velikogo : istoriya v pis'mah (1711 – 1752)].* Saint Petersburg: MAE RAN. 364 p. (In Russian)

Fejgina S.A. 1959. *The Aland Congress: Russia's Foreign Policy at the End of the Northern War [Alandskij kongress: Vneshnyaya politika Rossii v konce Severnoj vojny].* Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. 546 p. (In Russian)

Kopelev D.N. 2018. The Paris Trace of the Atterbury Conspiracy: Jacobites, Pirates and the Russian Ambassador Prince V.L. Dolgorukov. Summer of 1722. [Parizhskij sled zagovora Atteberi: Yakobity, piraty i rossijskij posol knyaz' V.L. Dolgorukov. Leto 1722 goda]. *Rossiya i Franciya: Kul'turnyj dialog v panorame vekov. Materialy H Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Saint Petersburg, 9 – 10 iyunya 2017 goda.* Saint Petersburg: Evropejskij Dom. P. 26–34. (In Russian)

Kross E. 2005. The British are in St. Petersburg. 18 century. *[Britancy v Peterburge. XVIII vek].* Saint Petersburg: Dmitrij Bulanin. 526 p. (In Russian)

Kross E. 2018. A View from across the English Channel: Peter I's stay in Paris in the Context of Anglo-Russian Relations [Vzglyad iz-za La-Mansha: Prebyvanie Petra I v Parizhe v kon-

tekste anglo – rossijskih otnoshenij]. *Evropejskie marshruty Petra Velikogo. K 300-letiyu vizita Petra I vo Franciyu. Materialy IX Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa. Parizh – Rejms, 20–22 aprelya 2017 goda.* Saint Petersburg: Evropejskij Dom. P. 99–107. (In Russian)

Majkov L. 1897. Princess Maria Kantemirova [Knyazhna Mariya Kantemirova]. *Russkaya starina.* №1. P. 49–69. (In Russian)

Mirskij M.B. 1995. Dr. Robert Erskine is the first Russian archiatrist [Doktor Robert Erskin – pervyj rossijskij arhiatr]. *Otechestvennaya istoriya.* №2. P. 135–145. (In Russian)

Nikiforov L.A. 1950. *Russian-English relations under Peter I [Russko-anglijskie otnosheniya pri Petre I].* Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoj literatury. 277 p. (In Russian)

Notes of Prince Pyotr Dolgorukov [Zapiski knyazya Petra Dolgorukova]. 2007. Saint Petersburg: Humanities Academy. 640 p. (In Russian)

Samojlov I. 1852. Peter the Great on the Marcial Waters *[Petr Velikij na marcial'nyh vodah].* Saint Petersburg: Tipografiya Ya. Treya. 89 p. (In Russian)

Sterlikova A.A. 2007. Call Hertz, the old Hertz... Peter and the «Yakovitskaya intrigue» [Pozovite Gerca, staren'kogo Gerca… Petr i «yakovitskaya intriga»]. *Rodina.* №11. P. 67–69. (In Russian)

Voltaire F.M. 1999. *The story of Charles XII, King of Sweden and Peter the Great, Emperor of Russia [Istoriya Karla XII, korolya Shvecii i Petra Velikogo, imperatora Rossii].* Saint Petersburg: Limbus Press. 304 p. (In Russian)

Weber F.-H. 2011. *Transformed Russia. New Notes on the Current State of Muscovy [Preobrazhennaya Rossiya. Novye zapiski o nyneshnem sostoyanii Moskovii].* Saint Petersburg: Iskusstvo – SPb. 304 p. (In Russian)

Yastrebov A.O. 2018. Russian-Venetian Diplomatic and Ecclesiastical Relations in the Era of Peter the Great *[Russko-venecianskie diplomaticheskie i cerkovnye svyazi v epohu Petra Velikogo. Rossiya i grecheskaya obshchina Venecii].* Moskva: Izdatel'skij dom «Poznanie». 394 p. 576 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Александренко В.Н. 1897. *Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в.* Т.2. Варшава: Типография Варшавского учебного округа. 414 с.

Бантыш-Каменский Н.Н. 1894. *Обзор внешних сношений России (по 1800 год).* Москва: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа. 304 с.

Беспятых Ю.Н. 1997. *Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях.* Санкт-Петербург: «Блиц». 493 с.

Брикнер А.Г. 1881. Ф.-Х.Вебер. *Журнал Министерства Народного Просвещения.* №2. С. 179–221.

Брикнер А.Г. 1881 а. Путешествия Петра Великого за границу с 1711 по 1717 гг. *Русский вестник.* №2. С. 619–658.

Бруин К. де. 1873. *Путешествие через Московию.* Москва: Университетская типография. 293 с.

Бушкович П. 2009. *Пётр Великий. Борьба за власть.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 542 с.

Вебер Ф.-Х. 2011. *Преображённая Россия. Новые записки о нынешнем состоянии Московии.* Санкт-Петербург: Искусство – СПб. 304 с.

Вольтер Ф.-М. 1999. *История Карла XII, короля Швеции и Петра Великого, императора России.* Санкт-Петербург: Лимбус Пресс. 304 с.

Дриссен – ван хет Реве Й. 2015. *Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752).* Санкт-Петербург: МАЭ РАН. 364 с.

Записки князя Петра Долгорукова. 2007. Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия. 640 с.

Копелев Д.Н. 2018. Парижский след заговора Аттербери: Якобиты, пираты и российский посол князь В.Л. Долгоруков. Лето 1722 года. *Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков. Материалы X Международного петровского конгресса. Санкт-Петербург, 9–10 июня 2017 года.* Санкт-Петербург: Европейский Дом. С. 26–34.

Кросс Э. 2005. *Британцы в Петербурге. XVIII век.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 526 с.

Кросс Э. 2018. Взгляд из-за Ла-Манша: Пребывание Петра I в Париже в контексте англо-российских отношений. *Европейские маршруты Петра Великого. К 300-летию визита Петра I во Францию. Материалы IX Международного петровского конгресса. Париж – Реймс, 20–22 апреля 2017 года.* Санкт-Петербург: Европейский Дом. С. 99–107.

Майков Л. 1897. Княжна Мария Кантемирова. *Русская старина.* №1. С. 49–69.

Мирский М.Б. 1995. Доктор Роберт Эрскин – первый российский архиатр. *Отечественная история.* № 2. С. 135–145.

Никифоров Л.А. 1950. *Русско-английские отношения при Петре I.* Москва: Государственное издательство политической литературы. 277 с.

Самойлов И. 1852. *Пётр Великий на марциальных водах.* Санкт-Петербург: Типография Я. Трея. 89 с.

Стерликова А.А. 2007. Позовите Герца, старенького Герца… Пётр и «яковитская интрига». *Родина.* №11. С. 67– 69.

Фейгина С.А. 1959. *Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны.* Москва: Издательство академии наук СССР. 546 с.

Цвиркун В.И. 2010. *Димитрий Кантемир. Страницы жизни в письмах и документах.* Санкт-Петербург: Нестор – История. 412 с.

Цвиркун В.И. 2008. Похищение из Константинополя. Из истории взаимоотношений Антиоха и Димитрия Кантемиров. *Revista de Istorie a Moldovie.* № 2. P. 138–146.

Ястребов А.О. 2018. *Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого.* Россия и греческая община Венеции. Москва: Издательский дом «Познание». 394 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(6). С. 127–139
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-127-139

Check for updates

Немецкая и австрийская историография об участии России в войне Священной лиги

В.И. Кузнецов

Институт российской истории Российской академии наук

Исследования войны Священной лиги в немецкоязычной историографии представляют интерес, так как немецкие и австрийские историки на протяжении XVIII-XXI вв. обращались к анализу участия России в этой войне. В центре дискуссии выделяются три основных проблемных вопроса: о моменте присоединения России к Священной лиги де-юре и де-факто; о качестве Священной лиги как международного антитурецкого и антикрымского альянса; особенности социального и технологического сотрудничества Венецианской республики, Священной Римской империи и России. Одна из важных особенностей немецкоязычной историографии в восприятии роли России в войне с Османской империей заключается в начале формирования историографической традиции уже в конце XVII в., когда австрийские дипломаты выпускали памфлеты, в которых закладывался общеевропейский христианский пафос. Леопольд I изображался защитником от исламской империи и её вассала Крымского ханства не только европейского порядка на Рейне, но и всей христианской цивилизации. В этой традиции принято считать, что, участвуя в войне Священной лиги, Россия стремилась к реализации на международной арене собственных интересов, которые плохо вписывались в отношения Вены и Константинополя, Венеции и Константинополя и противоречили планам Яна III Собеского компенсировать потери на Украине за счёт дунайских земель. Немецкоязычная историография воспринимает Россию как часть европейской христианской цивилизации, которая имеет не только общие культурные доминанты, но и общие геополитические задачи. Автор приходит к выводу, что немецкоязычная историография наследует традиции самопрезентации официальной Вены в XVII в., уделяя внимание роли христианства как сближающей идеологемы. В оценке роли России в войне Священной лиги немецкоязычные историки отмечают нестабильность данного альянса и высказывают предположение, что цели союзников трансформировались по ходу боевых действий.

Ключевые слова: Пётр I, Леопольд I, Ян III, война Священной лиги, война Аугсбургской лиги, Вечный мир, Азовские походы Петра I, И. Корб, О.А. Плейр, Карловицкий конгресс, И.Х. фон Гвариент, И. Курц

УДК: 94, 327
Поступила в редакцию: 20.10.2021
Принята к публикации: 08.11.2021

Участие России в войне Священной лиги 1683–1699 гг. стало для петровской дипломатии первым актом выстраивания системы сдержек и противовесов, которые гарантировали права России на приобретение Азова. Османская империя, переживая одно поражение за другим, не могла организовать эффективного отпора на всех фронтах, и для союзников открывались новые перспективы. Проблема заключалась в том, что Россия приступила к реализации собственных интересов только в 1690-е гг., когда и Венеция, и Священная Римская империя германской нации уже достигли своих основных геополитических целей, а Пётр только смог осознать интересы России в войне против Османской империи.

Вопрос об участии России в этой войне связан с качеством такого разнородного по своему составу и геополитическому представительству союза, каким была Священная лига. На одной стороне фактически с 1687 г. выступали вчерашние противники Московское царство и Речь Посполитая, которая после Вечного мира 1686 г. полностью уступила Москве место гегемона в Восточной Европе (Санин 1997), а Ян Собеский мобилизовал все военные и дипломатические возможности, чтобы изменить вековой вектор польской внешней политики с восточного и южного на юго-западный. Нет полной ясности и в том, какой фронт считать главным для турок в 1690-е гг., т.к. военные контингенты на Дунае (Гусарова 2001: 236-238) и под Казы-Керменем (Гуськов, Кочегаров, Шамин 2020: 48) сопоставимы по своим масштабам. Особую роль в альянсе играла Священная Римская империя германской нации (Leitsch 1984: 228), противостояние которой с Османской империей встраивалось в логику общеевропейского конфликта между Габсбургами и Бурбонами.

Концептуальные основы для формирования историографической традиции в изучении данной темы были заложены ещё в памфлетах, официальных дневниках дипломатических миссий, а также отчётах венских резидентов в Москве. Задачи по сохранению общехристианского европейского контекста борьбы с османской угрозой в совокупности со стремлением закрепить за Леопольдом I роль лидера (а за Австрией политического ядра всего западноевропейского мира) (Schindling 1990: 208-209) сформировали основные парадигмы при рассмотрении в германоязычной историографии роли России в войне Священной лиги.

Оценка участия России в войне Священной лиги в австрийских источниках

Война на стороне Священной лиги стала для России первым опытом участия в широкой европейской коалиции, участники которой имели серьёзные противоречия между собой (Leitsch 1983: 166). Нашествие турок на Вену, равно как и вступление в войну Речи Посполитой, обусловили необходимость для России включиться в борьбу против Османской империи и Крымского ханства

(Serczyk 1983). Единство христианства перед лицом османской угрозы вышло на первый план в дипломатической риторике Священной Римской империи германской нации и Святого престола. После миссии Блюмберга и Жировского в 1684 г. в Гамбурге был издан памфлет, содержавший пространное воспроизведение речи, произнесённой Блюмбергом перед царями Иваном и Петром. В предисловии автор объясняет, что главной задачей дипломатической миссии 1684 г. было собирание в общую лигу, «как стрел в колчан», наиболее значительных правителей христианского мира, которые совместно будут бороться против тирании османов.

В речи, обращённой к царям, Блюмберг отмечает удачное для включения в войну против Османской империи внешнеполитическое положение России: со Швецией заключён Вечный мир, с Польшей продолжается устойчивое перемирие, а «мертвецкое лицо Османской империи, измождённое жаждой власти, предвещает скорую гибель этому государству»[1]. В конце речи Блюмберг упрекнул царей в том, что они могут упустить возможность прирастить территории. Правителей России Блюмберг назвал лидерами православного мира, которые должны поддержать восстание христианских народов Балкан против османов.

В памфлете описан церемониал встречи посольства в России, упомянуто, что по пути через Польшу послов горячо приветствовали в каждом городе. Но и после долгого трёхчасового приёма «по существу», послам не удалось вовлечь Россию в войну до заключения Вечного мира с Польшей и решения вопроса о принадлежности Киева[2]. Общехристианский пафос речей посла не поколебал позицию России, признают ряд исследователей (Chavanova, Petrova, Schwarcz et al. 2018).

Не менее важным источником, в котором дана оценка участия России в Великой турецкой войне, послужил Дневник посольства И.Х. фон Гвариента, составленный секретарём миссии И.Г. Корбом. Дневник отмечает предоставление Гвариенту актуальной информации относительно военных мероприятий против крымских татар и турок под Очаковом[3]. Кроме того, в Дневнике упомянуты имена выходцев из Священной Римской империи, принимавших участие во взятии Азова, а также отвечавших за укрепление новой крепости. Некоторым новостям, например, о захвате татарского табуна в 40 000 лошадей, автор Дневника откровенно не доверяет, замечая: «…эта победа тёмная и решительно таинственна».

Участие России в Великой турецкой войне Корб оценивал как крайне слабое. Союз с императором обеспечивал России мир в Европе, что «вполне предохраняло и вполне обеспечивало Московию от внешних врагов». Такое стечение

---

[1] Ibid S. 6.

[2] Ibid. S. 4-5

[3] Корб И.Г. 1997. Дневник путешествия в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента… в 1698 г., ведённый секретарём посольства Иоганном Георгом Корбом. Пер. Б. Женева и М. Семевкого. Москва. С. 34

обстоятельств автор Дневника считал выгодным для взятия под контроль всего Чёрного моря[4]. Миссия Гвариента, как и миссия Блюмберга, должны были внушить в Москве, что её главный внешнеполитический императив состоит в стратегической схватке с татарами и Османской империей. Россия в союзе с Персией, по мысли венской дипломатии, должна стать противовесом османам, чтобы Габсбург мог всеми силами сдерживать Бурбона на Рейне и в Нидерландах.

Потенциал России для сдерживания османов не был очевиден венскому двору. Именно поэтому в 1691 г. в Москву прибыл Отто Антон Плейер, впервые посетивший Россию в составе миссии И. Курца 1690 г. (Плейер приходился ему пасынком[5]). Фактически Плейер выступал информантом венского двора[6]. Официальная причина его приезда в Россию – изучение русского языка – плохо согласовывалась с его действиями, так он находился вместе с русской армией под Азовом во время первого похода, откуда направил подробнейший отчёт Леопольду I об осаде крепости (Устрялов 1858: 564). Описывая подготовку к будущему походу, Плейер сообщал о строительстве 50 военных кораблей, а также о подготовке 400-тысячного войска для действий против Крыма и Азова.

Декларация Веной общности геополитических задач Запада и Востока христианского мира была продиктована геополитической угрозой со стороны Людовика XIV (Chaline 2019), но одновременно превращала Леопольда I в христианнейшего короля не на словах, а на деле (Шишков 2013). Именно императорская власть, организовав Священную лигу и направляя её деятельность, выражала традицию общности католиков и с протестантами (что поддерживало политический консенсус в германских землях), и с православными.

Основные направления дискуссии в немецкоязычной историографии об участии России в войне Священной лиги

Научная дискуссия об участии России в Великой турецкой войне затрагивает три проблемы. Первая – о качестве Священной лиги как союза. Формально Россия предприняла Крымские походы по условиям Вечного мира с Речью Посполитой, но при этом официальное вступление в Священную лигу было оформлено только в 1697 г., по завершении девятимесячной миссии дьяка Кузьмы Нефимонова. Более того, во время Карловицкого конгресса для дипломатов Вены на первый план вышли династические интересы Габсбургов в Испании, в результате Россия заключила мирный договор с Османской империей только в 1700 г.

В исследовании характера взаимодействия внутри Священной лиги немецкоязычная историография уделяет большое внимание особенностям между-

[4] Там же. С. 253
[5] Отписка Смоленского воеводы И. Головина от 22 октября 1693 г. ПДС. Т.7 С. 955-957
[6] РГАДА Ф. 32 Оп.5. Д.4

народных отношений в 60-70 гг. XVII в., когда Речь Посполитая была союзником Франции, Габсбурги воевали с Османской империей, а Россия и Польша с 1667 г. находились в состоянии перемирия (Serczyk 1983), с акцентом на анализ военно-политических и дипломатических последствий Крымских и Азовских походов. Досконально изучено участие выходцев из Священной Римской империи германской нации во взятии Азова. Эффективность Священной лиги как союза оценивается с точки зрения его военных и военно-технических особенностей.

Наконец, третья тема – культурные и социальные контакты Вены и Москвы, включая деятельность в Московском государстве иезуитов, их влияние на внутреннюю политику в правление Софьи. Ряд исследователей связывают появление иезуитов и официальное присоединение к Священной лиге с той моделью европеизации, приверженцем которой был кн. Голицын (Черникова 2019), полагавший главным партнёром России не протестантский север Европы, а католический юг, в первую очередь, Священную Римскую империю.

Священная лига: качество альянса

Дискуссия относительно качества Священной лиги как союза требует чёткого объяснения сути общего интереса союзников (Sowa 1983). Р. Виттрам высказал мнение, что именно Бахчисарайский мирный договор 1681 г. стал отправной точкой для присоединения России к Лиге. Османская агрессия против Священной Римской империи показала русскому христианству общность опасности: после снятия осады с Вены во всех московских церквях прошли благодарственные молебны. Виттрам подчёркивает, что П. Гордон в 1684 г. призывал правительство продолжить давление на татар – «страшное, треклятое и ядовитое отродье» (Wittram 1969).

Как отмечают немецкоязычные историки, Россия играла в союзе второстепенную роль. Г. Юберсбергер подчеркнул, что уже союзный договор между Леопольдом I и Яном III Собеским от 1683 г. содержал обязательства обеих сторон привлечь к войне московских царей (Uebersberger 1913: 35). При этом союзники отводили российской армии вспомогательную роль – сдержать татар в Крыму и предотвратить соединение их с османскими войсками в Венгрии или на Дунае (Uebersberger 1913: 36). Виттрам отметил, что именно В.В. Голицын не допустил вступления России в войну против Крыма до заключения Вечного мира (Wittram 1969: 26).

По мнению Юберсбергера, после 1689 г. Пётр не считал себя связанным какими бы то ни было обязательствами со Священной лигой (Uebersberger 1913: 49). Искра Шварц напоминает (Schwarcz 1988), что союзники неоднократно обращались к османам с предложением заключить сепаратный мир; в частности, в 1690 г. мир пытались заключить одновременно Речь Посполитая и Священная Римская империя без России. Пётр I пытался заключить мир с крымским

ханом в 1692 г. Тяжёлым испытанием для Священной лиги исследовательница называет смерть Яна III, подчёркивая значимость войны Аугсбургской лиги. Дополнительным свидетельством непрочности и разобщённости Священной лиги Юберсбергер усматривает в том, что о своих наступательных планах Пётр союзникам не сообщал, и только после неудачи первого похода снабдил союзников всей информацией.

Священная лига в европейской системе международных отношений

Большинство немецкоязычных исследователей сходятся во мнении, что для России и Священной лиги ситуация принципиально изменилась после Азовских походов. Причём активизация России на южном направлении объясняется не наличием договора с Речью Посполитой, а сохранявшейся угрозой со стороны крымских татар (Uebersberger 1913: 51). М. Ангели писал, что Священная лига была не прочным союзом, а временным объединением государств с общими претензиями к Османской империи. Именно поэтому на Карловицком конгрессе все стороны обсуждали общие вопросы и принципы заключения мира, а каждый участник Священной лиги представлял свои интересы (Angeli 1876: 296). Признавая это общее положение, деятельность русского представителя на Конгрессе П. Возницына Юберсбергер оценивает отрицательно. «Своими мелочными интригами он навредил не столько Австрии, сколько своей собственной стране. Он упрямо настаивал на том, что ни одна из стран-союзниц не может заключить с Портой мирного договора без согласия других участников союза» (Uebersberger 1913: 61).

Немецкоязычные историки описывают правление Леопольда I как период напряжения дипломатических и военных сил австрийского ядра Священной Римской империи в условиях сложных взаимоотношений с Францией и Османской империей, на фоне проблем вокруг Трансильвании (Chaline 2019). Исходя из роли Габсбургов в системе международных отношений, ряд исследователей предлагают рассматривать вклад России и Речи Посполитой в общее дело Священной лиги с учётом войны Аугсбургской лиги, а также надвигавшейся войны за Испанское наследство. Эти авторы увязывают вступление России в войну Священной лиги с заключением Вечного мира с Польшей 1686 г. В такой трактовке война против Крыма выглядит как логичный следующий шаг в территориальной экспансии, закономерное геополитическое последствие решения векового русско-польского спора. В отличие от Речи Посполитой, Россия по своему потенциалу не могла оставаться державой регионального масштаба. Перед ней стояли амбициозные задачи: выход к незамерзающему морю, сохранение Левобережной Украины, Смоленска и Посожья. Решение этих задач поставило Россию в ряд великих держав Европы. Именно поэтому Виттрам назвал мир с Польшей самой значимой предпосылкой петровских преобразований (Wittram 1969: 30).

Как отмечает И. Шварц, уже до подписания мирного договора между Речью Посполитой и Россией, с 80-х гг. XVII в. присоединение к России Левобережной Украины, а также ослабление Польши на Правобережье Днепра превратило вековых соперников в союзников в отношениях с Крымским ханством и Османской империей (Schwarcz 1988: 79). Изменение внешнеполитического баланса в Восточной Европе произошло не в пользу Речи Посполитой. Условия Вечного мира И. Шварц интерпретирует с точки зрения развития торговли Австрии с Персией через Польско-литовское государство, Россию и Каспийское море (Augustynowicz 2003).

Х. Аугустинович изучил дипломатические последствия перехода геополитического лидерства к России в 1686-1687 гг. Помимо территориальных изменений, Вечный мир определил трансформацию геополитического пространства Восточной Европы. Для Речи Посполитой, земель Габсбургов, Бранденбурга и Венеции это мирное соглашение открывало возможности торговли через Каспийское море со странами Азии. Это не только сокращало путь между европейскими и азиатскими рынками, но и создавало геополитический противовес Крымским татарам, терявшим возможность оказывать давление на Дунайский регион. Именно поэтому крымский хан Селим Гирей I отреагировал на договор активизацией дипломатических усилий в Восточной Европе: он предложил Речи Посполитой и Москве союз друг против друга (Augustynowicz 2003: 45).

Автор подчёркивает, что Великое посольство Шереметьева и Чаадаева 1687 г. стало поворотным пунктом в истории международных отношений в Восточной Европе. После поражения Речи Посполитой, зафиксированного мирным договором 1686 г., царевна Софья активизировала внешнюю политику. В период с 1684 по 1688 гг. русские посольства направились в 11 иностранных государств; частью этой широкой дипломатической операции было Великое посольство Шереметьева, прибывшее в Вену в 1687 г. (Augustynowicz 2003: 50).

Геополитические трансформации в Восточной Европе оказали непосредственное влияние на восприятие правительством В.В. Голицына новой роли России. Мейсснер считал, что фаворит царевны Софьи воспринял идеи папы Иннокентия XI и всерьёз рассматривал перспективу уничтожения Османской империи. Широкая европейская коалиция России, Речи Посполитой, Венеции и «немецкого императора» обуславливала стабильность такого изменения и гарантировала России расширение её сферы влияния в черноморском регионе (Meissner 1987: 241).

Участие Речи Посполитой в войне Священной лиги, по имению З. Пах, подорвало силы главного конкурента России в Восточной Европе. Спасение Вены в 1683 г. войсками Яна III Собеского и активное участие польских войск в кампании 1686 г. обернулись для Речи Посполитой утратой самостоятельности во внешней политике; государство превратилось из субъекта в объект международных отношений и перестало существовать менее чем через 100 лет после смерти Яна III (Pach 1987: 133).

Пристальное внимание немецкоязычные историки уделяют оценке военных аспектов участия России в войне Священной лиги. В работах И. Шварц Крымские походы В.В. Голицына названы безуспешными, причём итоги второго похода оцениваются как поражение русских. «Крымские походы стали вкладом России в войну Священной Лиги, но не имели решающего значения. Между тем войска императора сражались в Центральной Венгрии. 2 сентября 1686 г. они захватили Буду вблизи Мохача. 6 сентября 1688 г. пал Белград, а императорский полководец Максимилиан Баварский готовился к броску через Балканы… Однако в тот момент Франция стала угрожать западной границе Священной Римской империи: Людовик XIV начал войну за Пфальцское наследство, поэтому император стремительно отозвал войска с Балкан, не имея возможности поддержать восставших Османской империи» (Schwarcz 1988: 81).

Хассингер отмечает, что при Леопольде I были предприняты попытки расширения юго-восточного направления внешней торговой политики за счёт втягивания сербов в экономическую орбиту Вены (Hassinger 1942: 1-2). Развитие внешней торговли способствовало внедрению принципов меркантилизма в экономику Габсбургских земель. Серьёзным барьером для реализации этой политики, начатой ещё Карлом VI, оставался низкий уровень развития торговли и промышленности балканских народов, их зависимое и угнетённое положение в Османской империи. Автор подчёркивает, что эти попытки увенчались успехом только при Марии Терезии.

В политике XVII в. важную роль играла религия. С изменением геополитического потенциала Польши это обстоятельство открыло для России новые каналы воздействия на международную обстановку. Юберсбергер, анализируя контакты русских дипломатических миссий в Вене, пришёл к выводу, что уже в 1690-х гг. христиане Восточных церквей, населявших Османскую империю и владения Габсбургов, рассматривали православную Россию как свою защитницу. Так, сербский патриарх Арсений Черноевич информировал К. Нефимонова о планах Вены обратить сербов в католиков, а валашский дипломат и историк Дж. Бранкович, который был арестован Габсбургами после попытки организовать славянское восстание после подписания Карловицкого мира, обращался к Петру I, чтобы тот поспособствовал его освобождению с разрешением жить среди сербов (Uebersberger 1913: 78).

Внешняя политика и модернизация России в немецкоязычной историографии

Под Восточным вопросом историк XIX в. Вурм понимал исторические судьбы территорий и христианских народов в Османской империи. Для Петра I покровительство христианским народам Балкан нашло отражение в потенциале наступления на Крым, а затем и Константинополь как инструмента повышения роли России в средиземноморской торговле. Азовские походы стали первыми

успешными мероприятиями на пути превращения России в средиземноморскую державу с особыми интересами на Ближнем Востоке, т.е. в Святой земле (Wurm 1858: 5, 32) .

Валевский рассматривал взаимодействие Москвы и Вены с точки зрения духовного и политического единства западной и восточной ветви христианства. Император Леопольд воплощал идею общеевропейского единства в противовес гегемонии Людовика XIV и мононациональной Франции; сверх того, как светский правитель католического Запада Леопольд предлагал Святому престолу помощь в восстановлении единства христианства, а не только западноевропейского протестанстко-католического пространства (Walewski 1845: IX).

Идея вестернизации определяла как внутреннюю, так и внешнюю политику эпохи регентства царевны Софьи и первых лет правления Петра I. Внешнеполитические успехи были необходимы Софье, чтобы сохранить власть, при этом связь с союзниками по Священной лиге усиливалась присутствием иезуитов – главных агентов католического влияния в Европе. Юберсбергер выдвинул предположение, что в представлении В.В. Голицына католические страны Европы, и в первую очередь, Австрия, были тем образцом, по которому следовало модернизировать Россию (Uebersberger 1913: 36).

Шуттнер подчёркивает, что вскоре после появления первых иезуитов, а вслед за ними и школ, многие знатные русские роды стремились обучать своих отпрысков в школах иезуитов, что вызвало негативную реакцию Московского патриархата. Поэтому первая миссия иезуитов покинула страну, а те, что остались, скрывали свою принадлежность к «обществу Христа», выдавая себя за простых священников (Suttner 1991: 20).

Шварц обращает внимание, что посольство Блюмберга и Жировского в 1684 г. имело своей целью свободное отправление религиозных нужд католиков в Москве (Schwarcz 2009: 796). С 1685 г. император Леопольд пытался организовать постоянное снабжение католического духовенства в Москве, чтобы через него иметь доступ к достоверной информации о России. Реализация данных планов отложилась до самостоятельного правления Петра.

Брюкенер отмечает, что для России вступление в состав ведущих государств оставляло альтернативу: отказ от старого в пользу Европы либо стагнация – внеисторическое бытие (Brückner 1888: 1). Участие России в борьбе с татарами стало первым общеевропейским делом, за которым последовал импорт передовых европейских технологий и европейского способа организации государственной власти. Именно в этих сферах у России было недостаточно собственного опыта.

Думшат отмечает, что со второй половины XVII в. при царском дворе постоянно работали врачи: окулисты, хирурги (Dumschat 2006: 38), несколько меньше было фармацевтов. Медики приезжали из немецких княжеств (Мекленбурга, Тюрингии, Саксонии), выходцы из Австрии появились в Москве только в конце XVII в. Увеличение количества врачей сделало медицину доступнее для

высших слоёв общества. При царском дворе окончательно оформилась практика держать «немецкого доктора».

Плагенборг предложил рассматривать процессы определения территориальной принадлежности и деятельности всех христианских конфессий в совокупности с процессами модернизации, тем самым упрощая механизм этого заимствования, а также его сущность (Черникова 2010). Несмотря на крайне негативную позицию церкви относительно заимствования западного опыта, московские цари выработали такую модель заимствования, которая не требовала изменения оснований существующего порядка (Plaggenborg 2003).

* * *

В немецкоязычной историографии дискуссия относительно участия России в Великой турецкой войне ведётся по трём направлениям. С точки зрения системного подхода к истории международных отношений присутствуют две точки зрения. Первая, исходя из важности для Габсбургов широкого европейского контекста, низко оценивает вклад России в действия Священной лиги. Вторая рассматривает контакты Москвы и Вены как попытку перенести внешнеполитическую активность Габсбургов на восток Европы.

По вопросу качества Священной лиги как военно-политического блока авторы солидарно утверждают, что альянс имел общих противников, но не имел общих целей. Поэтому вплоть до юридического оформления присоединения России к Лиге стороны не рассматривали друг друга как важных союзников. Оригинальную оценку даёт Аугустинович (Augustynowicz 2003), полагая, что геополитическое ослабление Речи Посполитой во второй половине XVII в. существенно повысило статус России для империи Габсбургов в виду перспективы обеспечения транзита в торговле с Персией. В целом характер участия России в войне Священной лиги оценивается как незначительный, но признаются его витальные последствия для активного включения России в общеевропейские политические процессы.

С участием России в войне Священной лиги немецкоязычная историография связывает повышение интереса союзников, в частности, Вены, во всесторонней модернизации России. Данная задача виделась как шаг на пути включения России в европейское геополитическое пространство для поддержания политического порядка Европы и сдерживания шведской и османской угрозы. Если Габсбурги выступали балансиром в Западной Европе, то участие России в войне Священной лиги рассматривается в целом как свидетельство превращения России в балансир системы международных отношений на востоке Европы.

Об авторе:

Василий Иванович Кузнецов – аспирант ИРИ РАН, 117292, г. Москва ул. Дмитрия Ульянова, д. 19. E-mail: vasi-kuznecov@yandex.ru.

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

UDC: 94, 327
Received: October 20, 2021.
Accepted: November 08, 2021.

The German and Austrian Historiography on Russia's Participation in the Holy League War

V.I. Kuznetsov
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-127-139

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: German and Austrian historiography of the Holy League war is an essential source because German and Austrian historians have analyzed Russia's participation in this war since the 18th century. The discussion revolves around three main questions: about the moment of Russia's accession to the Holy League de jure and de facto; about the qualification of the Holy League as an international anti-Turkish and anti-Crimean alliance; finally, about the peculiarities of social and technological cooperation between the Venetian Republic, the Holy Roman Empire, and Russia. The German and Austrian historiography on Russia's role in the war with the Ottomans began to form at the end of the 17th century when Austrian diplomats started issuing pamphlets spreading the pan-European Christian idea. Leopold I acted in accordance with this idea as the defender of the European order on the Rhine and the defender of the entire Christian civilization from the Islamic Empire and its vassal of the Crimean Khanate. Russia was trying to secure its national interests in dealings with the European partners, which did not fit well with the relations between Vienna and Constantinople, Venice, and Constantinople, as well as the plans of Jan III Sobieski to compensate for the loss of Ukraine at the expense of the Danube lands. The assessments of German and Austrian historiography make sense if we regard Russia as a part of the European Christian civilization, sharing common cultural values and geopolitical challenges.

Keywords: Peter I, Leopold I, Jan III, the war of the Holy League, the war of the Augsburg League, Eternal Peace, the Azov campaigns of Peter I, I. Korb, O.A. Play, Karlovytsky Congress, I.H. von Gvarient, I. Kurtz

About the author:

Vasily I. Kuznetsov – post-graduate student of the IRI RAS, 117292, Moscow, Dm. Ulyanov St., 19. E-mail: vasi-kuznetcov@yandex.ru

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Angeli M. 1876. *Feldzüge gegen die Türken 1697-1698 und der Karlowitzer Friede 1699.* Verlag d. KK Generalstabes. T. 2. 620 S. (In German)

Augustynowicz C. 2003. Ablegations-Negoeien von keiner Erheblichkeit? Wirken und Wirkung der Moskauer Großgesandtschaft in Wien 1687. *Mitteilungen des Osterreichischen Staats-archivs. 200 Jahre Russisches Aussenministerium.* №50. S. 43-63. (In German)

Brückner A. 1888. *Die Europäisierung Russlands: Land und Volk.* FA Perthes. 598 S. (In German)

Chaline O. 2019. Ludwig XIV. und Kaiser Leopold I. als Herrscher. Mythos oder Wirklichkeit des absoluten Fürstentums? *Die Frühe Neuzeit als Epoche.* De Gruyter Oldenbourg. S. 35-50. (In German)

Chavanova O., Petrova M., Schwarcz I., Steppan C. 2018. Russland und Österreich von den ersten Kontakten bis zu den Bündnisbezihungen. Karner St., Tschubarjan A. *Österreich-Russland. Stationen gemeinsamer Geschichte. Eine Publikation der Österreichisch-Russischen Historiker Komission.* Graz-Wien: Leykam. S. 9-37. (In German)

Dumschat S. 2006. *Ausländische Mediziner im Moskauer Rußland.* Franz Steiner Verlag. T. 67. 750 S. (In German)

Hassinger H. 1942. Die erste Wiener orientalische Handelskompagnie 1667—1683. *Vierteljahrschrift für Sozial-und Wirtschaftsgeschichte.* 35(1). S. 1-53. (In German)

Leitsch W. 1983. «Il dolce suono della pace». Der Kaiser als Vertragspartner des Königs von Polen im Jahre 1683. *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego.* Prace Historyczne. №75. S. 165-197. (In German)

Leitsch W. 1984. Ziele der Österreichischen Politik Gegenüber Dem Osmanichen Reich im 17. Jahrhunderts. *Osmanlı Araştırmaları.* 4(4). S. 225 – 236. (In German)

Meissner B. 1956. Die zaristische Diplomatie: A. Der Gesandtschafts-Prikas (Posolskij Prikaz). *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* №3. S. 237-245. (In German)

Pach Z. 1987. Von der Schlacht bei Mohács bis zur Rückeroberung Budas (Der internationale Hintergrund). *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 33(2/4). S. 129-149. (In German)

Plaggenborg S. 2003. Konfessionalisierung in Osteuropa im 17. Jahrhundert. Zur Reichweite eines Forschungskonzeptes. *Bohemia*. 44(1). S. 3-28. (In German)

Schindling A., Ziegler W. 1990. *Die Kaiser der Neuzeit, 1519-1918: Heiliges Römisches Reich, Österreich, Deutschland.* München: C.H. Beck. 550 S.

Schwarcz I. 2009. *Die kaiserlichen Gesandten und das diplomatische Zeremoniell am Moskauer Hof in der zweiten Hälfte des 17.* Jahrhunderts. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. T. 796. S. 265-286. (In German)

Schwarcz I. 1988. Russland und die Heilige Liga. Mitteilungen des Bulgarischen Forschungsinstitutes in Österreich. 2(X). S. 77-82. (In German)

Serczyk W.A. 1983. Beziehungen zwischen der Rzeczpospolita, Russland und dem Reich vor der Schlacht vor Wien. *Studia austro-polonska.* №3. Warzawa, Krakow: Sumptibus Universitatis Jagellonicae (Nakladem Uniwersytetu Jagellonskriego). S. 267-284. (In German)

Sowa A. 1983. Die finanzielle Lage Polens vor der Gründung der Heiligen Liga (bis 1684). *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego.* Prace Historyczne. №75. S. 285-309. (In German)

Suttner E. 1991. Die Jesuiten und der christliche Osten. *Stimmen der Zeit.* Freiburg, Breisgau. T. 209. S. 461-476. (In German)

Uebersberger H. 1913. *Russlands Orientpolitik in den letzten zwei Jahrhunderten* B. 1. Stuttgart: Deutsche Verl.-Anst. 380 S. (In German)

Walewski A. 1861. L*eopold I. und der Heilige Ligue- 1657 – 1700. Nach ungedruckten Urkunden. Krakau in der k.k.* Universitäts-Buckdruckerei. 452 S. (In German)

Wittram R. 1969. *Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit.* BI. Vandenhoeck und Ruprecht Göttingen. 496 S. (In German)

Wurm C.F. 1858. *Diplomatische Geschichte der orientalischen Frage.* Brockhaus. 520 S. (In German)

Chernikova T.V. 2010. Rossiya i Evropa v XV nachale XVI vv. Tochki soprikosnoveniya i zaimstvovaniya [Russia and Europe in the 15th – Early 16 Centuries. Points of Contact and Borrowing]. *MGIMO Review of International Relations.* №3. P. 35-49 (In Russian)

Chernikova T.V. 2019. *Rossiya i Evropa. «Vek novshestv». XVII v.* [Russia and Europe. «The Age of Innovation». 17th Century]. Moscow. Kul'tura, Akademicheskii proekt. 665 p. (In Russian)

Gusarova T.P. 2001. Avstriiskie Gabsburgi v voine s osmanami v 1683-1699 gg. (ot osady Veny do Karlovackogo mira) [The Austrian Habsburgs in the War with the Ottomans in 1683-1699 (from the Siege of Vienna to the Peace of Karlovac)]. *Osmanskaya imperiya i strany Central'noi, Vostochnoi, i YUgo-Vostochnoi Evropy v XVII v.* Ch. 2. Moscow. P. 128-157. (In Russian)

Gus'kov A.G., Kochegarov K.A., Shamin S.M. 2020. Russko-tureckaya voina 1686-1700 gg. [The Russian-Turkish War of 1686-1700]. *Rossiiskaya istoriya.* №6. P. 30-49 (In Russian)

Sanin G. 1997. Antiosmanskie voiny v 70–90-e gody XVII veka i gosudarstvennost' Ukrainy v sostave Rossii i Rechi Pospolitoi [Anti-Ottoman Wars in the 70s-90s of the 17 Century and the statehood of Ukraine as part of Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth]. *Rossiya–Ukraina: istoriya vzaimootnoshenii.* P. 62-75. (In Russian)

Shishkov V.V. 2013. Gabsburgskaya imperiya: ot prityazanii na evropeiskii universalizm k dualisticheskoi monarhii [The Habsburg Empire: from the Claims of European Universalism to a Dualistic Monarchy]. *Novyi Universitet.* P. 40-47. (In Russian)

Ustryalov N.G. 1858. *Istoriya carstvovaniya Petra Velikago. Poteshnye i Azovskie pohody* [The History of the Reign of Peter the Great. Funny and Azov Hikes]. T. 2. Saint Petersburg. Prilojenie XVIII. 582 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Гусарова Т.П. 2001. Австрийские Габсбурги в войне с османами в 1683-1699 гг. (от осады Вены до Карловацкого мира). *Османская империя и страны Центральной, Восточной, и Юго-Восточной Европы в XVII в.* Ч. 2. Москва. С. 128-157.

Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. 2020. Русско-турецкая война 1686-1700 гг. *Российская история.* №6. С. 30-49.

Санин Г. 1997. Антиосманские войны в 70–90-е годы XVII века и государственность Украины в составе России и Речи Посполитой. *Россия–Украина: история взаимоотношений.* С. 62-75.

Устрялов Н.Г. 1858. *История царствования Петра Великаго. Потешные и Азовские походы.* Т. 2. Санкт-Петербург. 582 с.

Черникова Т.В. 2010. Россия и Европа в XV начале XVI вв. Точки соприкосновения и заимствования. *Вестник МГИМО-Университета.* № 3. С. 35-49.

Черникова Т.В. 2019. *Россия и Европа. «Век новшеств».* XVII в. Москва: Культура, Академический проект. 665 с.

Шишков В.В. 2013. Габсбургская империя: от притязаний на европейский универсализм к дуалистической монархии. *Новый Университет.* С. 40-47.

Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(6). С. 140–152
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-140-152

Check for updates

Сакрализация мира в датах заключения международных договоров Вестфальской системы (1648–1815)

Л.И. Ивонина

Смоленский государственный университет

Проблематика мира всегда была актуальной, но в последние годы в мировой историографии стали уделять внимание символике и социокультурному проектированию мирных конгрессов. Это позволяет глубже исследовать восприятие современниками и потомками ключевых событий Европы раннего Нового времени и коммеморативные практики. Символическая сила «особых дней» – христианских праздников или событий исключительного значения – была для людей той эпохи украшением их повседневной жизни и моментом выражения своего отношения к реальности и власти. Анализ выбора государствами-противниками в войнах Вестфальской системы дат заключения мира демонстрирует три варианта последних. Первый – подписание мирного договора в субботу, воскресенье или христианский праздник. Самый яркий пример этого варианта – подписание самого Вестфальского мира (договоры в Мюнстере и Оснабрюке 24 октября 1648 г.) в субботу, день перед вторым воскресеньем после Троицы. Второй вариант предполагает отсылку к важному событию прошлого. Например, мир в Пассаровице между Священной Римской империей и Портой (1718) и русско-турецкий мир в Кючук-Кайнарджи (1774) венчает одна и та же дата – 21 июля, повторяющая дату заключения Стамбулом Прутского мира с Петром I в 1711 г. С эпохи Просвещения, когда в политических теориях «право мира» стало конкурировать с «правом войны», дата мира могла быть непосредственно обусловлена завершением переговоров. Но иногда и само заключение мира становилось церковным праздником. Так, Пётр I решил освятить день заключения Ништадтского мира перенесением мощей Святого Великого князя Александра Невского из Владимира в новую российскую столицу – Санкт-Петербург. В ходе заключения мира имело место политическое конструирование, осуществляемое посредством моделирования, когда политическая идея символически выражалась и в датах воспринимаемой мирной реальности. И исторический пример, и христианский праздник, и сам акт завершения войны подчёркивали сакральный характер мира как высшей ценности бытия.

Ключевые слова: Вестфальская система, международный конгресс, репрезентация мира, сакральная символика дат, христианский праздник

УДК: 94, 327
Поступила в редакцию: 12.10.2021
Принята к публикации: 20.11.2021

Исследование мирных Конгрессов во время Вестфальской системы сталкивает учёных не только с меняющимися концепциями международных отношений, но также с новыми практиками презентации дипломатии в Европе. Переговоры между государствами и заключение мира внесли значительный вклад в цивилизационное наследие континента и в символическом плане представляли собой способ демонстрации политического единства как европейских держав, так и государей и их подданных.

Проблематика мира всегда была актуальной, но в последние годы в мировой историографии стали уделять внимание символике и социокультурному проектированию мирных переговоров и конгрессов. Это позволяет глубже исследовать восприятие современниками и потомками ключевых событий Европы раннего Нового времени и коммеморативные практики. В менталитете и культуре памяти той эпохи мирные переговоры играли не меньшую, а, возможно, даже большую роль, нежели сражения и войны. В конце XX – нынешнем столетии состоялось значительное количество международных научных форумов, приуроченных к юбилеям окончания европейских войн, на которых были ярко продемонстрированы трансляция и восприятие мирных конгрессов широкими слоями европейского общества.

В силу композитарного и междисциплинарного характера обозначенной темы исследования подавляющее большинство публикаций есть результат коллективной работы исследователей. Выделим фундаментальные издания к юбилеям Вестфальского (1648), Утрехтского (1713) и Раштатт-Баденского (1714) мирных конгрессов (Kaulbach 2013; Dingel, Paulmann, Schnettger, Wrede 2018; de Bruin, van der Haven, Jensen, Onnekink 2015; Duchhardt, Espenhorst 2013), переосмысливающие значение международных форумов раннего Нового времени на основе исследования взаимосвязи между культурой и политикой. Например, в коллективной монографии, посвящённой Утрехтскому миру, основное внимание уделяется функции культурных средств коммуникации в международных отношениях, таких как театральные представления, фейерверки, придворные музыкальные постановки и поэзия. В книге особо подчёркивается, что политики и дипломаты осуществляли свою деятельность в широких культурных рамках. Следовательно, их дискурс формировался не только по правилам дипломатии, но и под влиянием языка, стереотипов и идей того времени (de Bruin, van der Haven, Jensen, Onnekink 2015: 14).

В ставшем уже классическим исследовании «Культура власти и власть культуры» Т. Бланнинг показал, что политические и культурные практики в 1660–1789 гг. были неразрывно связаны. По его мнению, власть и влияние таких правителей, как французский Король-Солнце Людовик XIV, и возвышение таких государств, как Пруссия и Великобритания, были заложены репрезентационными культурами. Культурные достижения передавали новые политические мысли и идеи широкой аудитории, тем самым совершенствуя культуру власти (Blanning 2002).

В русло исследований репрезентации мира органично вписывается целый ряд книг директора Института Европейской истории в Майнце в 1994–2011 гг. Х. Духхардта, все научные изыскания которого, начиная с его первой книги 1976 года, связаны с историей дипломатии от Вестфальского до Венского мирных конгрессов. В одной из его недавних работ проанализированы различные вопросы политической культуры и иконографии раннего Нового времени, в том числе затронут и вопрос о сроках заключения ряда международных договоров раннего Нового времени (Duchhardt 2019). Нельзя сказать, что в историографии сакральная символика дат была обойдена вниманием, но рассматривалась она преимущественно в рамках Средневековья (Schaller 1974). Между тем процесс заключения международных договоров XVI–XVIII веков во многом следовал средневековой и даже античной практике, и в этом смысле, как справедливо заметил немецкий историк, анализ дат мирных соглашений, их место в календаре праздников раннего Нового времени являет собой благодатное поле для исследований (Duchhardt 2019: 32).

В данной статье на основе системного подхода и сопоставления сроков заключения мирного договора с событиями повседневной и политической жизни второй половины XVII–XVIII вв. предпринята попытка определить символический смысл основных дат заключения мира в рамках Вестфальской системы.

Репрезентация мира: международное право и символика

После заключения Вестфальского мира 1648 г. мирные конгрессы, венчавшие окончание европейских войн, стали местом не только ведения переговоров, но и репрезентации значения и культуры каждого государства. При этом системный характер международных отношений требовал строгого соблюдения развивавшегося международного права, и каждое государство стремилось продемонстрировать, что оно действует согласно правовым нормам. В рамках Вестфальской системы имела место эволюция многосторонней дипломатии, во многом обусловленная развитием гуманитарного права, на основе которого были выработаны правовые нормы, призванные регулировать правила ведения войны и стремиться к миру. В этом смысле конгрессы следовали известной формуле Гуго Гроция, согласно которой цель справедливой войны, если она становится неизбежной, состоит в заключении мира[1]. «Мир лучше войны, когда неизвестно, за кем будет победа», – ещё в 1559 г. считал художник Михаэль Кирмер из Регенсбурга. «Мир – наилучшее из благ, война – наихудшее из зол», – писал французский мыслитель и математик XVII в. Блез Паскаль (Kaulbach 2013: 101). В сущности, эти высказывания, как и положения Гроция, воспроизводят постулаты римского историка Тита Ливия: «Лучше мир, чем на-

[1] Гроций Г. 1994. *О праве войны и мира.* Москва: Ладомир. Кн. I, гл. I, п. 1; Кн. II, гл. XXIV.

дежда на победу, потому что мир – в твоих руках, победа же – в руках богов»; «Достигнутый мир лучше и надёжнее ожидаемой победы»; «Война справедлива для тех, для кого она неизбежна»[2]. Мирные договоры, как и объявление войны, рассматривались в качестве ключевой категории фиксации границы между миром и войной, стабильностью и хаосом (Klessman 2007: 2).

Мир был наивысшей целью и обязанностью государей раннего Нового времени, и его аллегории присутствовали в их репрезентации. Политический язык дипломатии в раннее Новое время был в основном разработан и контролировался социальной элитой, которая получила образование в классической культуре латинских школ и университетов. Поэтому символический язык греко-римской античности или реестр библейских ссылок составляли его основную систему отсчёта. К примеру, в иконографии мир всегда представлялся символической фигурой, относящейся либо к греко-римскому пантеону с его божествами, либо к иудейско-христианскому миру с библейскими фигурами, ангелами или раннехристианскими святыми (Kaulbach 2013: 115).

В значительной мере массовое сознание питается катастрофами, переменами и торжествами, и в этом плане торжественная репрезентация заключения мира представляет немалый научный интерес и огромную пользу в воссоздании комплексной исторической панорамы. При этом символическая сила «особых дней» – христианских праздников или событий исключительного значения – для людей той эпохи служила украшением их повседневной жизни и моментом выражения своего отношения к реальности и власти.

Эмоции и политический расчёт: императивы выбора даты заключения мира

Казалось бы, на переговорах о мире главными императивами дипломатов должны быть не эмоции, а фиксация итогов, соответствующих интересам государств. По большому счёту, все воюющие стороны были рады, когда, наконец, приходили к соглашению, независимо от даты. Любые переговоры уже во время войны вызывали большие эмоции населения. Например, когда в начале 1710 г. французский посол аббат Мельхиор де Полиньяк, отправлялся на мирные переговоры из Парижа в голландский город Гертруденберг, люди стояли по обеим сторонам дороги и кричали «Мир! Мир!» Об этом свидетельствуют доклад де Полиньяка главе Департамента иностранных дел Франции маркизу де Торси (Bely 1994: 9–10) и мемуары герцога де Сен-Симона[3]. Подданные соперничавших в войне за Испанское наследство (1701–1714) государей Европы жаждали

[2] Ливий Т. 2018. *История Рима от основания города.* Москва: Litres. Кн. IX, 1, 10.

[3] Saint-Simon, duc de. 1968. *Historical memoirs of the duc de Saint-Simon.* Norton L., ed. L.: McGraw Hill Book Company. Vol. II. P. 68.

мира, это прекрасно понимали монархи и дипломаты. Поэтому демонстрация нового мирного состояния общества стимулировалась как «сверху» – монархами и их кабинетами, так и «снизу» – населением европейских стран.

Однако реальная ситуация выглядела несколько иначе: правители и дипломаты часто стремились заключить мир в определённые символические даты. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, что Вестфальская система международных отношений формировалась и развивалась в переходный период истории. Ещё в XVI в. Европа начала долгий путь от «традиционалистской» средневековой социальной жизни к обществу, основанному на гражданстве и рыночной экспансии. Необходимым элементом этого перехода было государство, основанное на социальной дисциплине. Важную роль здесь играла религия, делая государство более сакральным перед тем, как оно стало более светским. Постепенно формировалось относительно однородное общество подданных с внушаемыми формами поведения и мышления (Schilling 2007: 6–8), которое должно было позитивно воспринимать и помнить политические акции своих правителей, для чего нужно было особенно их «пометить». Как справедливо заметил в 1920 г. Альберт Эйнштейн, «…как насчёт психологического происхождения концепции времени? Эта концепция, несомненно, связана с фактом «вспоминания», а также с различием между чувственными переживаниями и их воспоминаниями» (Einstein 1920: 139).

Выбор даты мирного договора

Сопоставление и анализ выбора дат заключения мира позволяет выявить три варианта последних. Первый – подписание мирного договора в субботу, воскресенье или в христианский праздник. Как самый яркий пример этого варианта приведём подписание Вестфальского мира (договоры в Мюнстере и Оснабрюке 24 октября 1648 г.) в субботу – день перед вторым воскресеньем после Троицы. В «Дневнике Фольмара», размещённом в издании итогов Вестфальского мира, которое вместе с дипломатической корреспонденцией состоит на сегодняшний день из 48 томов, зафиксировано, что «Его императорское Величество был счастлив, что этот христианский день послужил началом спокойствия…»[4]. Стоит заметить, что поскольку мир 1648 г. приобрёл каноническое значение для всех соглашений Вестфальской системы, дипломаты избегали на последующих переговорах рекомендовать дату 24 октября для заключения соглашений. «Дух» Вестфальского мира и сегодня имеет наивысшую ценность, когда идёт речь о конце кровавого бессмысленного конфликта и переходе к рациональной политике. После Второй мировой войны благодаря политикам и политологам именно Вестфальский мир стал символом мирного порядка. Так

[4] Repgen K. (Bearb.). 1984. *Acta Pacis Westphalicae.* Serie III C. Band 2. Münster: Aschendorffsche Verlag. S. 1159.

было и в Новое время – в мирных договорах второй половины XVII–XVIII вв. ссылки на Вестфальский мир, в отличие от итогов других конгрессов, указывались без года. Ведь тогда каждый образованный человек был знаком с положениями и исторической хронологией заключения Вестфальского мира – напоминание о дате было излишним. Ещё в философии конца XIX – начала XX вв. был выработан концепт идеи-силы (idea-forces), который вполне можно применить к феномену воздействия Вестфальского мира на дальнейшее развитие международных отношений (Fouillee 1908). В целом Вестфальский договор как трезвый политический документ своего времени оставил в памяти пространство для эмоций.

Нередко христианский праздник выбирали для заключения мира в случае желания обоих государств положить конец затяжной и дорогой войне на условиях status quo ante bellum. Таковым был мир в Генте между Великобританией и США, заключённый в сочельник 24 декабря 1814 г. Последнюю точку в дипломатических спорах США и Великобритании поставил российский император Александр I, который, позиционируя себя сторонником евангельского мира, выступил в роли авторитетного посредника. Вручая главе британской комиссии лорду Гамбье американский экземпляр договора, американский посол Джон Куинси Адамс, в будущем президент, выразил надежду, что «пусть в этот светлый день будет заключён последний мирный договор между Великобританией и Соединёнными Штатами»[5].

Как известно, этот договор не разрешил спорные вопросы, вызвавшие Англо-американскую войну 1812 г., а скорее обошёл их молчанием[6]. Во многом это было связано с тем, что в данном конфликте не было явного победителя, и возникший дипломатический тупик не позволил разрешить главные противоречия. Тем не менее эта война укрепила репутацию Соединённых Штатов и на международной арене, и в американском обществе, и заключение мира в канун Рождества было воспринято как триумф собственной дипломатии.

Второй вариант предполагает апелляцию к знаковому событию прошлого. Примеры обнаруживаем в соглашениях Османской империи с Россией и западными партнёрами. Так, мир в Пассаровице между Священной Римской империей и Портой (1718) и русско-турецкий мир в Кючук-Кайнарджи (1774) венчает одна и та же дата – 21 июля (Peters 2011: 39, 52), почти повторяющая момент заключения Стамбулом Прутского мира с Петром I в 1711 г. Прутский мир был заключён 23 июля, но решение было принято двумя днями раньше. 21 июля османы обложили русскую армию, прижатую к реке, полевыми укреплениями и 160 орудиями, которые непрерывно обстреливали русские позиции. Положе-

---

[5] Adams J.Q., Adams C.F. 1877. *Memoirs of John Quincy Adams: comprising portions of his diary from 1795 to 1848*. Philadelphia: J.B. Lippincott and Company. Vol. 3. P. 126.

[6] Malloy W.W. (Ed.). 1910. *Treaties, conventions, international acts, protocols and agreements between the United States of America and other powers, 1776-1909*. Vol. 1. Washington: U.S. Govt. print. off. P. 613-619.

ние русской армии стало отчаянным, количество боеприпасов был ограничено, к тому же в случае затяжной осады последние запасы продовольствия могли закончиться. Помощи ждать не приходилось, и даже Пётр, по свидетельству датского посла, «бегал взад и вперед по лагерю, бил себя в грудь и не мог выговорить ни слова»[7]. Поэтому на военном совете русский царь принял решение предложить султану мир, которое и было принято противником – и тоже с облегчением, поскольку ещё 25 июня английский посол в Турции Р. Саттон сообщал: «Меня уверяют, что они [турки] уже начали дезертировать в значительном количестве... Кроме того, солдаты очень недовольны и есть подозрения, что они могут взбунтоваться»[8]. В любом случае, янычары, испуганные отчаянным сопротивлением русских, потеряв 7000 человек, решительно отказались возобновить нападение 10 (23) июля и требовали, чтобы визирь исполнил приказание султана – поскорее заключил мир.

Как видно, для Порты дата 21 июля была связана с позитивной коннотацией, с опорой на счастливый для турецкой дипломатии пример и с надеждами на будущие победы, а для России – с желанием скорректировать результаты Прутского мира, текст которого для правительств западноевропейских держав Пётр скорректировал, исключив унизительные для России формулировки (Duchhardt 2019: 16, 19). В издании дипломатических документов, вышедшем в свет в 1731 г., помещён именно этот текст в переводе на латинский язык, с примечанием, что эта копия, «как говорят», была передана русским послом правительству Нидерландов[9].

В начале мирных переговоров с турками у деревни Кючук-Кайнарджи фельдмаршал П.А. Румянцев ультимативно потребовал, чтобы мирный договор был подписан в течение пяти дней (Виноградов 2000: 117). Срок был указан намеренно, как на печальную годовщину Прутского договора, и Румянцев хотел вычеркнуть мечом подписанные тогда унизительные условия. Для ведения переговоров был выбран Н.В. Репнин – не только прекрасный дипломат, но и полководец, как никто другой знавший все нюансы и сложности выполнения пунктов договора, чтобы потом отстаивать позицию России в Стамбуле. Так русская дипломатия стремилась превратить плохую дату в хорошую, подобно тому, как римляне в 275 г. до н. э. после разгрома эпирского царя Пирра переименовали местечко Maleventum в Beneventum.

С века Просвещения, по мере распространения рационального мышления в политических теориях «право мира» стало конкурировать с «правом войны», и дата заключения мира могла быть непосредственно обусловлена насущной необходимостью завершения войны. К тому же в античной традиции, столь по-

[7] Юст Юль. 2020. *Записки датского посланника при Петре Великом*. Москва: Центрполиграф. С. 44.
[8] Sutton R. 1953. *The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1710-1714)*. London: Offices of the Royal Historical Society. P. 65.
[9] Du Mont. MDCCXXVIII. *Corps universel diplomatique*. T. VIII. Partie I. Amsterdam. P. 275-276.

читавшейся в раннее Новое время, мирный договор сам по себе рассматривался как магический объект. Поэтому при его заключении стороны обычно обращались к богам, чтобы те были свидетелями заключения договора и гарантами его исполнения. Но бывало и так, что само заключение мира освящалось, становилось церковным праздником. Так, Пётр I издал указ о Викториальных днях, в которые должны отмечаться годовщины побед в Северной войне. Торжества по традиции были приурочены к церковным праздникам, однако на день заключения Ништадтского мира церковного праздника не было. И царь решил освятить этот день перенесением мощей Святого Великого князя Александра Невского из Владимира в новую российскую столицу – Санкт-Петербург. В 1723 г. мощи Александра Невского были привезены в Шлиссельбург и оставались там до 1724 г. 30 августа 1724 г. Пётр встретил раку с мощами Александра Невского на ботике «Святой Николай», который он называл «Дедушкой русского флота» (Соловьёв 1998: 401).

В любом случае после юридического оформления мирного договора следовали благодарственные молебны. Это был, пожалуй, самый публичный момент заключения мира.

Более очевидно символику дат заключения мира отражает следующая таблица, где по новому стилю зафиксированы даты основных мирных договорённостей Вестфальской системы.

Таблица 1. Даты заключения основных мирных договоров Вестфальской системы

Table 1. Dates of the conclusion of basic peace treaties of the Westphallian system

Исторический пример	Христианские праздники, субботы, Воскресенья	Завершение войны
Копенгагенский мир между Данией и Швецией 6 июня 1660 г. (1523 г. – Густав Ваза, став королём Швеции, разрывает союз с Данией) **Травендальский мир** между Данией, Швецией и Голштинией 8 августа 1700 г. по шведскому календарю (1588 г. – англичане разбили остатки испанской Непобедимой Армады) **Пассаровицкий мир** между Священной Римской империей и Портой 21 июля 1718 г. (Прутский мир 1711 г.) Русско-турецкий мир в **Кючук-Кайнарджи** 21 июля 1774 г. (Прутский мир 1711 г.)	**Вестфальский мир** между участниками Тридцатилетней войны 24 октября 1648 г. (суббота, день перед вторым воскресеньем после Троицы) **Пиренейский мир** между Францией и Испанией 7 ноября 1659 г. (память святителя Руфа Мецского, епископа Меца; память святителя Флорентия Страсбургского, епископа Страсбурга) **Оливский мир** между Речью Посполитой и Швецией 3 мая 1660 г. (Обретение святого Креста) **Кардисский мирный договор** между Россией и Швецией 1 июля 1661 г. (празднования в честь Боголюбской и Пюхтицкой икон Божьей матери). **Мир в Бреде** между Англией, Республикой Соединённых провинций, Францией и Данией 31 июля 1667 г., (воскресенье) **1-й Ахенский мир** между Францией и Тройственным союзом (Англия, Республика Соединённых провинций, Швеция) 2 мая 1668 г. (суббота) **Журавенский договор** между Речью Посполитой и Османской империей 17 октября 1676 г. (суббота) **Нимвегенские мирные договоры** 1678–1679 гг. 10 августа 1678 г. между Францией и Нидерландами (суббота, день Св. Лаврентия), 17 сентября 1678 г. между Францией и Испанией (день Св. Ламберта), 5 февраля 1679 г. между Францией и Священной Римской империей, Швецией и Империей (воскресенье)	**Прутский мир** между Россией и Османской империей 23 июля 1711 г. **Ништадтский мир** между Россией и Швецией 10 сентября 1721 г. (с оговоркой – перенесение мощей Святого Великого князя Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург) **Систовский мир** между Габсбургской монархией и Османской империей 4 августа 1791 г. **Ясский мирный договор** между Россией и Османской империей 9 января 1792 г. **Люневильский мир** между Францией и Австрией 9 февраля 1801 г.

Исторический пример	Христианские праздники, субботы, Воскресенья	Завершение войны
Парижский (Версальский) мир между Великобританией и Американскими штатами 3 сентября 1783 г. (609 г. – английский мореплаватель Генри Хадсон открыл Нью-Йоркскую гавань) **Кампо-Формийский** мир между Францией и Австрией 18 октября 1797 г. (1685 г. – французский король Людовик XIV отменил Нантский эдикт, даровавший права гугенотам) **Тильзитский** мир между Францией и Россией 7 июля 1807 г. (1770 г. – победа русского флота в Чесменской битве; 1438 г. – французский король Карл VII провозгласил Прагматическую санкцию о приоритете королевской власти над властью папы римского)	**Вечный мир** между Россией и Речью Посполитой 6 мая 1686 г. (память великомученика Георгия Победоносца) **Карловицкий мир** между монархией Габсбургов, Речью Посполитой, Венецией и Османской империей 26 января 1699 г. (Память святой Маргариты Венгерской) **Рисвиский договор** между Францией и Аугсбургской лигой 20 сентября 1697 г. (суббота, память святого Евстафия) **Константинопольский мирный договор 14 июля 1700 г.** между Россией и Османской империей (празднование в честь Валаамской иконы Божьей матери) **Утрехтский мир** между Великобританией и Францией 11 апреля 1713 г. (страстная неделя) **Раштатт-Баденский мир** между Францией и Империей 7 сентября 1714 г. (Рождество Богородицы, а также память святых Фелмицитаты и Перпетуи, Павла Препростого, игумена Дейфера, Терезы Маргариты) **2-й Ахенский мир** между Великобританией, Нидерландами и Францией 18 октября 1748 г. (день Евангелиста Луки) **Венский мирный договор** между монархией Габсбургов и Францией 18 ноября 1738 г. (1626 – папа Урбан VIII освятил собор Св. Петра в Риме) **Абоский мир** между Россией и Швецией подписан 18 августа 1743 г. (воскресенье, а обмен ратификациями произошёл 7 сентября в Рождество Богородицы) **Губертусбургский мир** между Пруссией, монархией Габсбургов и Саксонией 15 февраля 1763 г. (память Зигфрида Шведского и ещё трёх святых) **Парижский мирный договор** между Великобританией и Португалией, с одной стороны, и Францией и Испанией – с другой, 10 февраля 1763 г. (память Святой Схоластики) **Ясский мирный договор** между Россией и Османской империей 9 января 1792 г. (суббота) **Амьенский мирный договор** 25 марта 1802 г. между Францией, Австрией, Батавской республикой и Великобританией (Благовещение Пресвятой Богородицы) **Пресбургский мир** между Францией и Австрией 26 декабря 1805 г. (рождественские праздники, день Св. Стефана) **Фридрихсгамский мирный договор 17 сентября 1809 г.** между Россией и Швецией (воскресенье) **Парижский мирный договор** между участниками шестой антифранцузской коалиции (Россией, Великобританией, Австрией и Пруссией), с одной стороны, и Людовиком XVIII – с другой 30 мая 1814 г. (день Св. Жанны д'Арк) **Гентский мир** между Британией и США 24 декабря 1814 г. (рождественский вечер) **Шенбруннский мирный договор** 14 октября 1809 г. между Францией и Австрией (суббота, но, кроме того, 14 октября 1066 г. герцог Нормандии Вильгельм Завоеватель разгромил армию короля англосаксов Гарольда в битве при Гастингсе и присоединил его королевство к своему герцогству, а в 1806 г. в этот день имели место победы Наполеона над прусской армией при Йене и Ауэрштедте)	**Парижский мирный договор** между участниками 7-й антифранцузской коалиции (Россией, Великобританией, Австрией и Пруссией) и Францией 20 ноября 1815 г.

Источник: составлено автором.

* * *

В настоящей работе учтены далеко не все договоры Вестфальской системы (см. табл.), и поэтому результаты анализа в определённой степени можно считать дискуссионными; выбор даты в каждом отдельном случае заключения

договора может стать отдельным исследованием. К тому же символика дат не всегда была «чистой», имели место совпадения исторического примера и выходного дня, как в случае с Шенбруннским миром между Францией и Австрией 14 октября 1809 г. Кроме того, заключение мира ускорило покушение Фридриха Штапса на Наполеона 12 октября. Тем не менее, как видно из приведённой таблицы, чаще всего мирные договоры заключали в религиозные праздники и выходные дни. Это свидетельствует о том, что мирные договоры Вестфальской системы имели место в рамках подданнической политической культуры, предполагающей пассивное и отстранённое отношение населения к политической системе, без стремления изменять что-либо, и участие в политической жизни (в том числе сознательное) «по традиции», «ритуально» (Алмонд, Верба 2010). Несмотря на то, что в политическом и обыденном сознании жителей континента к концу XVIII в. понятие «Европа» заменило понятие «христианский мир», символическая сила христианских праздников была очень велика. Безусловно, дипломаты на переговорах руководствовались рациональными мотивами, связанными с реальной ситуацией и государственными интересами, но вольно или невольно в большинстве случаев они выбирали дату мира, совпадавшую с христианским праздником и усиливавшую символический посыл мира. Таким образом происходила сакрализация акта завершения военного противостояния, совершаемого государями и политиками.

Как бы то ни было, окончание войны, обычно сопровождавшееся торжествами, само по себе имело сакральный смысл и гуманитарную направленность. Мирный конгресс был тщательно оформленным торжеством мира в рамках континента, требовавшим значительных расходов, подробно освещавшимся в прессе и прославлявшимся в праздниках, выпуске памятных медалей, живописи, искусстве, поэзии и даже моде. Его открытие, ход и заключение договоров сопровождались пирами, балами и фейерверками. Это был перформативный акт, как в культурном (мирные торжества), так и в дипломатическом плане (церемониальный характер переговоров). Город, где проходил международный форум, ощущал атмосферу праздника и превращался в самое оживлённое и самое дорогое место Европы. Миру радовались все стороны и выделяли финансовые средства, чтобы устроить торжественные мероприятия. А когда какое-либо государство по условиям договоров получало коммерческие выгоды и расширяло свои границы, эти средства были ещё больше (Duchhardt 2019: 13–14; de Bruin, van der Haven, Jensen, Onnekink 2015: 1). Историк из Тюбингена А. Шиндлинг метко заметил, что с Вестфальского мира Европа стала «Европой конгрессов» (Schild, Schindling 2009: 7). По сути, мирный Конгресс был призван минимизировать тяжёлое наследие конфликтов в исторической памяти.

В конечном итоге можно заключить, что и исторический пример, и христианский праздник, и сам акт завершения войны подчёркивали сакральный характер мира как высшей ценности бытия. Вместе с тем сакрализация мира была результатом целенаправленной дипломатии – идеология и практика Клас-

сической Европы строились на рациональном подходе к внешней и внутренней политике, учитывавшем как государственный интерес, так и менталитет подданных. В ходе заключения мира имело место политическое конструирование, осуществлявшееся посредством моделирования, когда политическая идея символически репрезентировалась и в датах воспринимаемой мирной реальности.

Об авторе:

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета. Россия, 214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4. E-mail: ivonins@rambler.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

UDC: 94, 327
Received: October 12, 2021
Accepted: November 20, 2021

Sacralization of Peace by the Choice of Dates for Conclusion of International Treaties within Westphalian System

L.I. Ivonina
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-140-152

Smolensk State University

Abstract: The issues of peace have always been important for historical science. However, in recent years, international historiography began to pay attention to Peace congresses' symbolism and socio-cultural design. The symbolic power of "special days" – whether it is a Christian holiday or an event of exceptional significance - allowed people of early Modernity to express their attitude to reality and power. An analysis of the choice of the dates for the conclusion of Peace by adversary states within the Westphalian system demonstrates three persistent variants of the dates. The first is signing a peace treaty on Saturday, Sunday, or a Christian holiday. The most striking example of this option is the signing of the Peace of Westphalia itself (treaties in Münster and Osnabrück on October 24, 1648), on Saturday – the day before the second Sunday after Trinity. The second option involves a reference to an important event in the past. For example, the Peace in Passarovitz between the Holy Roman Empire and Porta (1718) and the Russian-Turkish Peace in Kuchuk-Kaynardzhi (1774) were signed on the same date – July 21, the date when Istanbul and Peter the Great signed the Prut Peace Treaty in 1711. Since the age of the Enlightenment, when the "Right of Peace" began to compete with the "Right of War" in political theories, the date of Peace could be

directly determined by the end of negotiations. Sometimes the conclusion of the Peace became a Christian holiday. Peter the Great decided to consecrate the day of the conclusion of the Nystad Peace Treaty by transferring the relics of the Holy Grand Duke Alexander Nevsky from Vladimir to the new Russian capital – St. Petersburg. Conclusion of the Peace was used as a tool of social constructivism, implemented through modeling. The political idea was symbolically grounded in significant historical or religious dates. Combining the historical precedent, the Christian holiday and the end of the war emphasized the sacred nature of Peace as the highest social value.

Keywords: Westphalian system, international congress, representation of Peace, sacred symbolism of dates, Christian holiday

About the author:

Liudmila I. Ivonina – Doctor of Historical Sciences, Professor Department of Universal History and International Relations. Smolensk State University. Russia, 214000, Smolensk, Przevalskogo st. 4. E-mail: ivonins@rambler.ru

Conflict of interest:
The author declares absence of conflict of interests

References:

Blanning T. 2002. *The Power of Culture and the Culture of Power: Old Regime Europe,1660–1789.* Oxford: Oxford University Press. 479 p.

Bruin R.E. de, Haven C. van der, Jensen L., Onnekink D. (Eds.) 2015. *Performances of Peace: Utrecht 1713.* Leiden: Brill.

Einstein A.1920. *Relativity, the Special and the General Theory: A Popular Exposition.* London: Methuen. 184 p.

Peters M. 2011. The Peace of Passarowitz in the Historical Sciences, 1718–1829. Ingrao Ch. et al., eds. *The Peace of Passarowitz, 1718.* West Lafayette/Indiana: Purdue University Press. P. 39–52.

Bely L.1994. Le cardinal de Polignac, courtisan ou negociateur? *Cahiers de Saint-Simon.* №22. P. 7–16. (In French)

Dingel I., Paulmann J., Schnettger M., Wrede M. (Hrsg.). 2018. *Theatrum Belli – Theatrum Pacis. Konflikte und Konfliktregelungen in fruehneuzeitlichen Europa.* Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht. 320 S. (In German)

Duchhardt H. 2019. *Friedens-Miniaturen. Zur Kulturgeschichte und Ikonographie des Friedens in der Vormoderne.* Munster: Aschendorff Verlag. 184 S. (In German)

Duchhardt H., Espenhorst M. (Hrsg.) 2013. *Utrecht-Rastatt-Baden 1712–1714. Ein europaeisches Friedenswerk am Ende des Zeitalters Ludwigs XIV.* Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht. 419 S. (In German)

Fouillee A. 1908. *Morale des idees-forces.* Paris: Felix Alcan. 391 p. (In French)

Kaulbach H.M. (Hrsg). 2013. *Friedensbilder in Europa 1450–1815. Kunst der Diplomatie, Diplomatie der Kunst.* Berlin/Munchen. 160 S. (In German)

Klessman B. 2007. *Bellum solemne. Formen und Funktionen europäischer Kriegserklärungen des 17. Jahrhunderts.* Mainz: Philipp von Zabern. 275 S. (In German)

Schaller H.M. 1974. Der Heilige Tag als Termin mittelalterliche Staatsakte. *Deutsches Archiv für Erforschung des Mittelalters.* Bd. 30. S. 1–24. (In German)

Schild G., Schindling A. (Hrsg.) 2009. *Kriegserfahrungen. Krieg und Gesellschaft in der Neuzeit.* Paderborn. 227 S. (In German)

Almond G.A., Verba S. 2010. Grazdanskaja kultura. Podhod k izucheniju politicheskoi kulturi [The Civil Culture. The Method to Study of the Political Culture]. *Politija*. №2 (57). P. 122–144 (In Russian).

Soloviev S.M. 1998. *Istorija Rossiji s drevnejshih vremen* [The History of Russia since Ancient Times]. T.17–18. Moscow: Golos; Kolokol – Press. 708 p. (In Russian).

Vinogradov V.N. 2000. Kuchuk-Kaynardzhijskij mir – okna na Balkani [The Peace of Kuchuk-Kaynardzhi – Windows to the Balkans]. *Vek Ekaterini II. Dela Balkanskije* [The Age of Catherine II. Balkan affairs]. Moscow: Nauka. P. 115–122 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Алмонд Г.А., Верба С. 2010. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры. *Полития*. 2(57). С. 122–144.

Виноградов В. Н. 2000. Кючук-Кайнарджийский мир – окна на Балканы. *Век Екатерины II. Дела Балканские.* Москва: Наука. С. 115–122.

Соловьев С. М. 1998. *История России с древнейших времён.* Т. 17–18. Москва: Голос; Колокол – Пресс. 708 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(6). С. 153–171
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-153-171

Check for updates

Северная война и церковная реформа Петра I

Н.В. Соколова

Институт славяноведения РАН

В статье изложены некоторые итоги исследования истории церковной реформы, в котором Северная война рассматривается в качестве одного из важнейших факторов петровских преобразований в церковно-государственных отношениях. Вводятся в научный оборот описные книги патриарших вотчин в 17 уездах России, созданные в ходе описания церковно-монастырских имуществ во исполнение указа от 31 января 1701 г. Отмечены черты общего и особенного в формуляре и содержании этих документов и ранее известных описаний архиерейских домов и монастырей, проводившихся по наказным памятям Монастырского приказа в 1701-1705 гг. Констатируется, что секуляризация земельных владений патриарха, в отличие от иных церковных владений, уже в начале XVIII в. была доведена до логического конца, была полной и окончательной. В этой связи очевидна необходимость отказа от однозначных исторических параллелей между событиями начала XVIII в. и «монастырской секуляризацией» 1764 г.

Сопоставление адресованных Петру I предложений влиятельного в тот период «прибыльщика» Алексея Курбатова в письме, датированном 25 октября 1700 г., и содержания именных указов от 24 и 31 января 1701 г. о восстановлении Монастырского приказа позволяет высказать гипотезу о том, что поражение под Нарвой и подготовка к встрече с курфюрстом Августом II, итогом которой стало подписание Бирженского трактата, заставили внести существенные коррективы в планы церковной реформы. Новеллой январских указов, которые, по моему мнению, и стали началом реформы (в тогдашнем общеевропейском смысле этого понятия), было включение вотчин патриарха в перечень владений церкви, подлежащих впредь контролю со стороны государства.

Последовавшая в начале Северной войны секуляризация церковно-монастырских владений и имущества не только противоречила многовековой исторической практике, но была тогда организационно неподъёмной для государства. Оно оказалось способным решить задачу управления выморочными патриаршими землями, но для приемлемого контроля над всеми владениями Церкви у него ещё не было соответствующих кадровых и логистических возможностей.

Ключевые слова: история Русской Православной церкви, церковная реформа Петра I, реформы церковно-государственных отношений, патриарх Адриан, секуляризация, описные книги, Северная война

УДК: 94, 327
Поступила в редакцию: 12.10.2021
Принята к публикации: 20.11.2021

Исследование взаимовлияния внутренних процессов в государстве Российском и тех процессов, которые традиционно воспринимаются как внешние, не является сильной стороной отечественной историографии. Это обусловлено как относительно узкой специализацией самих историков на той или иной проблематике, так и объективной сложностью, неочевидностью наложения соответствующих векторов воздействия тех или иных событий и обстоятельств, особенно если они имели место в условиях своего рода ускорения исторического времени. Церковная реформа Петра I и Северная война являются именно такими историческими феноменами, взаимосвязь которых остаётся практически не изученной.

Сохраняющийся интерес исследователей к истории реформы в сфере церковно-государственных отношений во многом предопределён той ролью, которая отводилась ей в осуществлении не только реформаторских планов Петра I внутри страны, но и в решении внешнеполитических задач России (историографию см., напр.: Баггер 1985: 32-33, 119, 130, 146-147; Булыгин 1977: 9, 23; Седов 2013: 122-124; Башнин, Черкасова 2021: 25, 28). Как справедливо отмечал крупнейший датский историк-русист Ханс Баггер, несмотря на то что важнейшие труды по истории реформы, написанные в XIX – первой четверти XX в., «являются по своей структуре систематически-описательными», для них характерен и «довольно высокий уровень проблемности» (Баггер 1985: 119). Многие ключевые источники введены в научный оборот благодаря работам М.И. Горчакова, С.Г. Рункевича, П.В. Верховского (Верховской 1916; Горчаков 1868; Горчаков 1871; Рункевич 1900). Возрождение исследований по проблематике реформы имело место с середины 1950-х гг., вначале за рубежом, а затем и в отечественной науке. Среди работ, подготовленных в рамках марксистской парадигмы, следует отметить монографию И.А. Булыгина, которой был задан один из основных трендов в изучении реформы на следующие десятилетия, заключающийся в анализе политики государства в отношении церковно-монастырских имуществ и её последствий (Булыгин 1977). Он впервые был сформулировал вывод о том, что на начальном этапе церковной реформы была проведена «полная» монастырская секуляризация, тогда как ранее исследователи характеризовали её как «частичную» или «частичную и временную» (Булыгин 1974: 79, 83; Никольский 1912: 188; Слицан 1954: 376).

Для постсоветской историографии характерны интерес к публикации архивных документов, возвращение дискуссионности, в частности о хронологии реформы, о целях и задачах её основных этапов, о содержании важнейших понятий, таких как «реформа» и «секуляризация», об обоснованности их применения к взаимоотношениям государства и церкви в России первой четверти XVIII в., а также значительное разнообразие в подходах и интерпретации источников в рамках различных исследовательских направлений и парадигм. В

недавно опубликованной в Canadian-American Slavic Studies статье российских историков Н.С. Башнина и М.С. Черкасовой «Как начиналась церковная реформа Петра I?» констатируется существование в современной российской историографии двух основных направлений: «исследование экономического, хозяйственного аспекта реформы и её идеологического, концептуального, мировоззренческого содержания». Однако, считают авторы, «до сих пор в исторической литературе не показаны истоки церковной реформы Петра I, недостаточно разработана её хронологическая динамика и предыстория этого крупного преобразования. Ещё менее разработаны её региональные аспекты и особенности, непосредственный механизм проведения преобразований на местах, взаимодействие центральных и местных институтов власти – гражданских, церковных, земских (общинного самоуправления)». С целью восполнить этот пробел исследователями «представлен сравнительно-исторический анализ социальных и экономических сторон преобразования на примере двух епархий северной России – Вологодско-Белозерской и Устюжско-Тотемской в хронологических рамках 1690-е – начало 1700-х гг.». Они предложили смелую концепцию начала реформы: «Предпосылки и начальные мероприятия церковной реформы Петра I … были связаны с Русским Севером, епархиальными преобразованиями, взаимоотношениями духовной и местной светской власти и датируются серединой 1690-х гг.». «Благодаря изучению документов северных епархий, – как полагают авторы, – становится очевидным, что в начале церковной реформы была поставлена цель точно выяснить объёмы церковных богатств по всей России, для чего и были проведены в сжатые сроки переписные работы. Осознание царём того, что Церковь владеет значительными земельно-промысловыми, денежными, людскими ресурсами и обсуждение этого вопроса со служащими приказа Большого дворца и своими соратниками укрепили реформатора в мысли использовать их в государственных интересах». В статье сделан вывод о том, что «опыт описания церковных владений, полученный на Севере, был распространён на всю страну в 1701–1703 гг.», и предложена новая датировка церковной реформы, где период 1696–1703 гг. обозначен как некая её стартовая фаза. В этот хронологический интервал попадают и события, последовавшие за официальным объявлением Петром I войны Швеции. Однако Северная война как фактор церковной реформы авторами не рассматривается. Она упомянута в тексте единожды, в связи с констатацией «предельно высоких темпов роста государственных платежей в первые годы Северной войны» (Башнин, Черкасова 2021: 27–28, 33, 36, 42, 45).

Для П. В. Седова, анализирующего традиции и новации в церковной реформе Петра I, Северная война оказывается, напротив, чрезвычайно важным обстоятельством. В выступлении в рамках дискуссии «Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.)» исследователь задаётся вопросом, «как современники осознавали такое наступление на церковное имущество, в каких словах выражался смысл происходившего, ведь никаких

указов о всеобщей конфискации церковных земель не объявлялось». Он приводит свидетельства источников об одних и тех же словах, якобы произнесённых в 1702 г. Иваном Алексеевичем Мусиным-Пушкиным, Фёдором Алексеевичем Головиным и Никитой Моисеевичем Зотовым в схожих ситуациях, в которых так или иначе затрагивались материальные интересы Церкви, «что де все ныне государево», и делает вывод: «Эти слова начальников не были записаны ни в одном законе, но они как эхо разносили по стране государеву волю. То, что было беззаконием в мирное время, на что можно было жаловаться самому государю, *во время войны возводилось в ранг неписанного закона* (курсив мой. – *Н.С.*), каковым и была, в сущности, власть самодержца» (Седов 2013: 134–136).

По мнению П.В. Седова, «действия Петра I по изъятию церковных доходов восходили к традиционной практике XVI–XVII вв., когда государь патронировал церковь как титульный собственник». «Преемственность отношений "священства" и "царства" второй половины XVII в. с петровским временем, – декларирует исследователь, – состояла не в торжестве секуляризации, а в господстве представлений о божественной сущности царской власти. Именно эта доктрина соединяла представления московского периода о том, что "на государеву милость образца нет", с утверждением начала Северной войны: "все де ныне государево". При таком подходе становится понятно, почему церковные власти были "государеву указу не преслушны"». «В конце Северной войны, – резюмирует автор, – Пётр отменил внешнее управление церковными землями и вернул монастырям их вотчины, главным образом в связи с тем, что внешнее управление церковной собственностью оказалось малоэффективным… Приведённый материал, скорее, позволяет говорить не о секуляризации, а о мероприятиях по изъятию церковных доходов. Такая политика восходила к прежнему опыту XVII в., но проводилась столь решительно, что на время далеко вышла за пределы традиции. К концу Северной войны, когда поражение Швеции было уже не за горами, Пётр вернул церкви земельные владения и доходы с них, последние – в несколько урезанном виде. … Никаких прямых свидетельств о намерении Петра провести полную секуляризацию церковных земель нам не известно, хотя после смерти последнего патриарха Адриана в 1700 г. его власть над церковью была абсолютной» (Седов 2013: 140–142).

Столь различные трактовки смысла и значения перемен, происходивших во взаимоотношениях государства и церкви в условиях Северной войны, начиная с сакраментального вопроса о том, церковная реформа – это «средство» или «цель», свидетельствуют об актуальности дальнейшего изучения темы. И особое внимание следовало бы уделить накоплению эмпирического материала, прежде всего выявлению новых источников, которые способствовали бы углублению наших представлений не только о начальном периоде реформы, но и о методах и темпах её осуществления в дальнейшем.

Источниками данного исследования стали как опубликованные, так и, главным образом, неопубликованные документы: царские указы, в том числе

именные, указные грамоты, наказные памяти из московских приказов и «отписки» от воевод и других представителей власти на местах, переписные книги 1678 г. и различные «ведомости», составленные по данным этих описаний в XVIII в., хозяйственные книги учётно-динамического и учётно-статического характера (приходо-расходные книги московских приказов, различные описи церковно-монастырского имущества и вотчин), документы текущего приказного делопроизводства, «скаски» церковного клира, приказчиков, мирских старост и крестьян, переписка, дневники, подённые записи и др.

Целью статьи является изучение Северной войны как одного из факторов церковной реформы Петра I. В качестве рабочей гипотезы рассматривается тезис о взаимосвязи между событиями в истории внешней политики и дипломатии, а также военной истории, имеющими непосредственное отношение к Северной войне, с одной стороны, и характером взаимоотношений государства и церкви в первой четверти XVIII в. – с другой. Важнейшей своей задачей автор считает способствование преодолению ментального барьера в сознании историков между внешней политикой и делами внутренними, что позволило бы сделать анализ реформаторской деятельности Петра I более продуктивным и корректным.

Новый источник по истории патриаршества в России

В предлагаемой вниманию читателя статье вводится в научный оборот комплекс документов, представляющих собой материалы описания вотчин Патриаршего дома, которое было произведено в 1701–1703 гг. по наказным памятям Монастырского приказа. Рукопись в 2^0, хранящаяся в Российском государственном архиве древних актов[1], насчитывает 1007 листов. Переплёт (доски в коричневой коже) повреждён, отсутствует передняя крышка. Без начала. В книге две нумерации листов. Более древняя фолиация, чернилами, выполнена кириллическими цифрами. Номер на первом листе рукописи показывает, что утеряны 6 начальных листов. После листа 980 нумерация продолжается уже арабскими цифрами, почерком XVIII в. Архивная фолиация карандашом дополнительно включает титульные страницы отдельных описей. Неиспользованные листы в конце тетрадей помечены как «порозжие» и не пронумерованы.

Конволют составлен из подлинников, о чём свидетельствуют скрепы по листам. Количество рукоприкладств отличается в описях разных писцов. Например, книги владений патриарха в ряде станов Московского уезда имеют лишь одну скрепу производившего описание стольника – «Василий Сабуров», в то время как описи Сенежской волости Владимирского уезда – пять (стольника князя Ивана Васильевича Барятинского, дьяка Монастырского

[1] *Российский государственный архив древних актов* (далее – РГАДА). Ф. 236. Оп. 1. Д. 119.

приказа Ивана Иванова, приказчика патриаршей вотчины и двух приходских священников).

В книгу включены документы, в которых содержатся сведения о владениях Патриаршего дома в 17 уездах (Московский, Владимирский, Нижегородский, Ростовский, Костромской, Юрьевский уезд Польского, Муромский, Переславский уезд Залесского, Коломенский, Кашинский, Синбирский, Дмитровский, Галичский, Можайский, Лебедянский, Елецкий, Суздальский). Для сравнения: А.Н. Сахаров включает в список административно-территориальных единиц, где в XVII в. существовало патриаршее хозяйство, 23 уезда (Сахаров 1966: 39, 46–47). В росписи XVIII в., составленной на основе переписных книг 1678 г. и озаглавленной «Книга переписная, сколько за Святейшим патриархом в разных уездах крестьянских и бобыльских дворов»[2], вотчины патриарха зафиксированы в 20 уездах. Разночтения с перечнем уездов в нашей рукописи частично объясняются изменениями в административно-территориальной принадлежности вотчин (например, слобода Комаровка, описанная в 1702 г. стольником С.И. Толстым в Синбирском уезде, ранее значилась в Карсунском уезде). Отсутствие ряда других уездов, по-видимому, является следствием произошедших с момента составления предыдущего кадастра изменений или результатом деятельности Монастырского приказа (см. ниже). Таким образом, можно констатировать, что в книге представлена большая часть уездов, где имелись владения патриарха.

Анализ описей патриарших владений позволил выделить черты общего и особенного в формуляре и содержании вновь выявленных документов и ранее известных описей архиерейских домов и монастырей 1701–1705 гг. В частности, программа описания, восходящая к наказным памятям из Монастырского приказа, практически не отличается от того, как описывали вотчины монастырей. В состав конволюта кроме собственно описных книг патриарших сел, как правило, включены описания находившихся там церквей, а также «скаски» крестьян о вотчинных повинностях и платежах и об ознакомлении с царскими указами. Изучение материалов Нижегородского уезда, который являлся достаточно «типичным», как по срокам проведения описания, так и с точки зрения предмета учёта, поскольку на этой территории существовали все виды церковно-монастырских владений, позволяет сделать вывод об общих методах работы писцов. В сохранившихся описях стольника Петра Борисовича Вельяминова нашли отражение все имевшиеся на тот момент в уезде владения Патриаршего дома[3]. Сопоставление дат в преамбулах описей нижегородских патриарших сел (Матюшево, Работки, Спасское и Ватрас) и монастырских владений[4] даёт основание утверждать, что различные виды церковной собственности в уезде описывали

[2] РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 157.
[3] РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119. Л. 377–547.
[4] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 22, 30, 45, 54, 56, 6567.

единовременно. Дополнение новыми данными ранее выполненного ретроспективного картографирования передвижений писцов по территории уезда при учёте монастырских вотчин и крестьян также свидетельствует, что какого-то отдельного, специального, описания владений Патриаршего дома не было.

Данное наблюдение требует верификации на материалах прочих уездов. Однако уже сейчас можно констатировать, что и в ряде других уездов патриаршие вотчины описывали те же писцы, кто известен нам в этом качестве по описям монастырей и/или архиерейских домов в пределах той же административно-территориальной единицы. Например, подобным образом была организована работа писцовых комиссий стольников Гаврилы Павловича Савелова (Владимир), Луки Богдановича Коблукова (Дмитров), Семена Микифоровича Коробьина (Переславль), Ивана Васильевича Кикина (Коломна), Ивана Леонтьевича Нелидова (Галич). Следует подчеркнуть, что такая практика имела место и в деятельности стольника Ивана Мироновича Кологривова, который описывал в Суздальском уезде как патриаршее село Михайлова сторона, так и приписанный к Нижегородскому Печерскому монастырю Борисоглебский монастырь в селе Кидекша и владения Суздальского Покровского девичьего монастыря[5]. Опись суздальской вотчины патриарха – самый ранний из документов нашего конволюта, имеющих дату. Она была представлена в Монастырский приказ уже 14 апреля 1701 г. Иными словами, описание вотчин патриарха является одним из самых ранних и началось вскоре после указа от 31 января 1701 г.

Вводимый в научный оборот источник представляет собой комплекс объединённых в одном переплёте для удобства их использования в повседневной приказной практике описных (отписных) книг. Целью составления такой традиционной и для того времени широко распространённой разновидности хозяйственных книг учётно-статического характера являлся именно учёт как таковой. Следовательно, отсутствуют какие-либо основания полагать, что появление этих документов, составленных «стольниками Монастырского приказа в начале 1700-х гг.», «отражает утилитарный взгляд Петра I на религию и Церковь» (Башнин, Черкасова 2021: 44). Именно этот тип документов и имел в виду Н.М. Никольский, когда писал: «Приказ принял их в своё ведение по описи, произведённой его агентами, описи, правда, очень неполной и плохой, но все-таки, следовательно, не без счета. Приняв в своё ведение церковные имущества, приказ вступил в полное управление ими» (Никольский 1912: 187). Оценка качества «описи» зависит от того, в какой мере исследователь был знаком с совокупностью сохранившихся документов, что никак не влияет на верную характеристику источника как такового.

В приказах, где дьяки и подьячие восстановленного в 1701 г. Монастырского приказа работали ранее, к тому времени уже существовала вполне сложившаяся

[5] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 22. Л. 627; Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 218. № 841–5.

традиция составления таких «описных» книг. Они создавались, например, при смене настоятелей патриарших домовых монастырей. Список с такой описи, как правило, отправлялся в патриарший Дворцовый приказ, который теперь также оказался подчинён главе Монастырского приказа И. А. Мусину-Пушкину. Хорошо известна и практика тотального описания движимого и недвижимого имущества, земельных владений при их передаче в ведение Приказа Большого дворца как конфискованных (например, у В.В. и А.В. Голицыных) или выморочных (вотчины И.Б. Черкасского, И.М. Милославского, Б.И. Морозова, А.И. и А.А. Воротынских) (Соколова 2016: 44, 49, 55; Соколова 2021: 227-228, 236-237, 239-240, 243, 247). Именно подобный опыт проведения одновременного учёта землевладения и хозяйства крупных вотчинников, земли которых были расположены в подчас весьма удалённых друг от друга уездах, был особенно важен для описания земель церкви с учётом целей данного мероприятия.

В этом контексте представляется недостаточно убедительным тезис о том, что опыт переписи церквей Великоустюжской епархии 1696-1697 гг. и её результаты (выявление 20 тыс. руб. – *Н.С.*) «подтолкнули Петра I и его соратников к более внимательному отношению к церковному имуществу, а следовательно к расширению контрольно-учётной документации и проведению социально-экономической ревизии Церкви в масштабах всей страны» (Башнин, Черкасова 2021: 44). Для определения нижней границы датировки церковной реформы слабым и слишком умозрительным аргументом является утверждение о каком-то особом влиянии этой переписи как «первого описания целой епархии по инициативе светской власти» на проведение описания церковно-монастырского имущества в начале XVIII в. (Башнин, Черкасова 2021: 29). В чем заключалась реформаторская деятельность царя в период после этой переписи и до царских указов 24 и 31 января 1701 г.? Ментальный барьер между внешней политикой и делами внутренними в данном случае проявился в игнорировании внешнеполитических обстоятельств – «Великого посольства», Азовского похода, т. е. длительного отсутствия Петра I в столице в условиях, когда во главе Церкви оставался патриарх Адриан, а Монастырский приказ как инструмент преобразований ещё не был воссоздан.

Таким образом, уже на стадии архивной эвристики очевидно, что без привлечения новых документов любые суждения о начальном этапе церковной реформы могут оказаться не просто неполными, но и ошибочными. Введение же в научный оборот описных книг владений Патриаршего дома требует включения этого источника в событийный контекст.

Северная война как одна из предпосылок церковной реформы

Осознание царём того факта, что церковь владеет огромными земельно-промысловыми, денежными и людскими ресурсами, которые можно использовать «в государственных интересах», не могло стать, вопреки безапелляцион-

ному суждению Н. В. Башнина и М. С. Черкасовой, результатом описания 1701-1703 гг. (Башнин, Черкасова 2021: 45), хотя бы в силу возраста и жизненного опыта Петра Алексеевича (1672-1725) на момент издания указа о таком описании. Из письма «прибыльщика» Алексея Курбатова Петру I, датированного 25 октября 1700 г., следует, что вопрос о неких преобразованиях в церковно-государственных отношениях поднимался и раньше (Верховской 1916: 111; Рункевич 1900: 27). М. И. Горчаков, ссылаясь на этот источник, утверждал, «что Пётр давно уже (курсив мой. – Н.С.) намеревался взять от церковных учреждений управление их имуществами в ведение государства и что Курбатов указал Государю удобный момент для предположенной передачи» (Горчаков 1868: 122). Однако упомянутое в тексте письма «первое писание» Курбатова царю не имеет каких-либо хронологических привязок.

Триггером же церковной реформы стала смерть патриарха Адриана (в ночь с 15 на 16 октября 1700 г.). Известие застало Петра I в войсках под Нарвой. И поражение 19 ноября, похоже, внесло определённые коррективы в планы церковной реформы. Так, указ о поручении дел Патриаршего духовного приказа митрополиту Рязанскому и Муромскому Стефану вышел лишь 16 декабря, т. е. через два месяца после кончины патриарха и неделю спустя после возвращения царя в Москву[6]. Историки неоднократно указывали, что в самом факте назначения местоблюстителя патриаршего престола нет ничего экстраординарного (Булыгин 1977: 73; Горчаков 1871: 349-351; Никольский 1912: 184), однако их мнения о том, предполагали ли уже первоначальные планы Петра I ликвидацию патриаршества, порой диаметрально противоположены.

Сопоставление предложений из письма А.А. Курбатова («чтоб во архиерейских и монастырских имениях усмотреть и, волости переписав, отдать все во хранение, избрав кого, во всяком радении тебе, государю, усердного, учинив на то росправный приказ особливый»[7]) и содержания именных указов от 24 января 1701 г. о восстановлении Монастырского приказа и от 31 января 1701 г. о передаче в его ведение всех церковно-монастырских имуществ позволяет отметить важную новеллу январских документов[8]. В отличие от проекта, изложенного царю Курбатовым, в перечень того, что отныне подлежит контролю государства (Монастырского приказа), оказались включены и владения патриарха. Так, указ от 24 января 1701 г. гласил: «Дом Святейшаго Патриарха и домы ж Архиерейские и монастырские дела ведать боярину Ивану Алексеевичу Мусину Пушкину, а с ним у тех дел быть дьяку Ефиму Зотову; и сидеть на Патриаршем дворе в палатах, где был Патриарш Розряд, и писать Монастырским приказом; а в приказе Большого Дворца монастырских дел не ведать, и прежния дела ото-

[6] Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.] (далее – ПСЗ). СПб., 1830. Т 4. № 1818. 16 декабря. С. 87–88.

[7] Цит. по: Верховской 1916: 111; Рункевич 1900: 27–28.

[8] ПСЗ. Т. 4. № 1829. 24 января. С. 133; № 1834. 31 января. С. 139.

слать в тот приказ». Причинно-следственная связь между этим документом и указом 31 января 1701 г. очевидна, и потому вполне ожидаемо, что, согласно последнему, имущество и вотчины патриарха подлежали описанию наряду с тем, что имели архиерейские дома и монастыри («А для переписки дому Святейшаго Патриарха и всех архиереев и монастырей и их вотчин и всяких угодий послать из царедворцев людей добрых»), что и было, как показано выше, де факто исполнено.

Как представляется, именно неудачное для России начало Северной войны (капитуляция входившей в «Северный союз» Дании, экспедиция Карла XII в Лифляндию, в результате которой Август II снял длившуюся около семи месяцев осаду Риги и отошел в Польшу, поражение русской армии под Нарвой) оказалось тем исторически случайным фактором, ускорившим принятие решений в связи с уже зревшими в окружении царя планами совершенствования фискального механизма государственного бюджета за счёт церковных доходов. Почти совпавшая по времени с этими событиями смерть патриарха Адриана, во-первых, означала «естественное» расширение сферы ответственности воссоздаваемого Монастырского приказа, во-вторых, открывала дополнительный источник пополнения казны в условиях очевидного форс-мажора.

Вместе с тем внешнеполитический контекст церковной реформы и роль Северной войны как её существенного фактора было бы в корне неверным сводить к тезису об оценке Петром I грядущих расходов государственного бюджета на новую армию и флот. Следует отметить и необходимость масштабных финансовых вливаний в дипломатической сфере. 19 февраля 1701 г. «боярину Федору Алексеевичу Головину[9] с товарыщи» был направлен специальный указ с изложением документа от 24 января 1701 г., содержащий предписание «и сей свой великого государя указ в Посольском приказе записать в книгу»[10]. Таким образом, Посольский приказ был в числе институций, до сведения которых информация об нововведениях была доведена формально-бюрократически, в письменной форме. Цена, которую пришлось заплатить за сохранение Саксонии в качестве союзника и поддержку саксонского курфюрста Августа II как польского короля (в надежде на вступление Речи Посполитой в Северный союз против Швеции), в частности по Бирженскому трактату, известна[11]. Показательно, что Петр I выехал из Москвы на свидание с Августом II, намечавшееся ещё в ноябре-декабре 1700 г., лишь 31 января 1701 г., в день подписания второго из январских указов (Павленко 2006: 147). И лишь после возвращения Петра Алексеевича из этого дипломатического вояжа был подписан именной указ от 11 марта 1701 г.[12]

---

[9] Сам Ф. А. Головин в это время сопровождал Петра I. См.: Свидание Петра Великого с Августом II, в Биржах. Рукописный дневник (Diariusz) Польского дипломата-очевидца этого свидания // Временник Общества истории и древностей российских. Кн. 17. 1853. Смесь. С. 10–17.

[10] РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1701 г. Д. 15. Л. 1–2.

[11] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 (1688–1701). СПб., 1887. № 365. С. 435–439.

[12] ПСЗ. Т. 4. № 1839. 11 марта. С. 159.

Реалии церковной реформы Петра I глазами современников и историков

Мартовский указ историки справедливо относят к числу важнейших «постановлений практического характера, которые показывают, как духовенство постепенно, но все более и более устранялось от управления своими имениями и хозяйством, а государственная власть в лице Монастырского приказа, наоборот, все более забирала это управление в свои руки» (Булыгин 1976: 76). В документе впервые был формализирован способ перераспределения части доходов Церкви в пользу государства через немедленное выставление оброчных статей в её имениях (мельницы, перевозы и мосты, рыбные ловли, пустоши, промысловые угодья) на торги с распоряжением «отдавать из наддачи новым откупщикам». Если различать в рамках церковной реформы, вслед за Н. М. Никольским, секуляризацию доходов и секуляризацию имущества (Никольский 1912: 188), то именно этот указ знаменует собой начало первой.

Впрочем, вскоре последовала и секуляризация имущества (Булыгин 1977: 93, 94; Горчаков 1871: 457, 461). Следует подчеркнуть, что уже в самом начале она затронула и владения патриарха. Так, вотчина, проданная Ивану Ивановичу Бутурлину по именному указу от 8 марта 1702 г., ранее была описана как патриаршая «деревня Савелкова, а Петраково тож» в Горетове стане Московского уезда[13]. Другие владения Патриаршего дома уже в 1703 г. были приписаны к различным государственным учреждениям (Горчаков 1871: 458), в том числе по указам от 11 марта и 2 октября 1703 г. ржевская, белозерская и пошехонская вотчины, что, вероятно, и объясняет отсутствие их описаний в конволюте, хранящемся в РГАДА.

Источники свидетельствуют, что начальный этап реформы осмысливался современниками в тесной взаимосвязи с Северной войной. Однако вопрос о том, в какой мере «церковные власти были “государеву указу не преслушны”» (Седов 2013: 142), требует дальнейшего изучения. Отношение к секуляризации части церковных иерархов замечательно иллюстрируют слова митрополита Нижегородского и Алатырского Исаии[14], зафиксированные в донесении драгунского поручика Василия Афанасьевича Тютчева, который в феврале 1707 г. был послан из Монастырского приказа в Нижний Новгород для «розыска» по доносу подьячего Фомы Лазарева: «Боярин де Иван Алексеевич Мусин Пушкин *напал на церкви божии, вотчины наши ведает, а ныне де у нас и данные, и венечные деньги отнимает.* А если де те сборы у меня отимут, то я своей епархии все церкви затворю и архиерейство покину. Какое де моё архиерейство, что моё у меня отнимают? Как де хотят иные архиереи, а я за своё умру, а не отдам. А ты по наказу своему разыскивай правдою. *И так вы пропадаете, как червей, шведы*

[13] РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Д. 119. Л. 71–73.

[14] В сентябре 1708 г. был лишён митрополии и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь.

вас побивают, а все де за наши слезы и за ваши неправды. Да и впредь де, буде не отстанете от неправд, шведы вас побьют». В мае того же года в ходе следствия в Преображенском приказе по доносу митрополичьего певчего Семена Андреева, сказавшего «слово и дело» на нижегородского подьячего Назара Микляева, была озвучена несколько иная версия высказываний Исаии о церковной политике Петра I: «Он де и про государя говорил такие слова: если б де он государь у нас архиреев монастырей и крестьян не отнял, так бы де он государь шведов побил, а то он государь монастыри и крестьян у нас отнял, так де нас всех шведы побьют»[15].

Более ранний эпизод длительного конфликта нижегородского митрополита с Монастырским приказом нашёл отражение в документе из фонда «Приказные дела новых лет» РГАДА. В наказной памяти в Новгородский приказ Федору Алексеевичу Головину, датированной 28 сентября 1703 г., речь идёт о повторной посылке «послушной грамоты» нижегородскому воеводе[16], поскольку стольник Павел Михайлович Скрябин, «которой из Монастырскаго приказу послан в Нижней Новгород *для розыску про ссоры нижегородского архиерея со стольником с князем Иваном Борятинским*», не получил служилых людей «для розсылок»[17]. Известно, что Иван Васильевич Барятинский, ранее описывавший церковно-монастырские владения во Владимирском и Муромском уездах, в том числе вотчины патриарха, затем был послан от Монастырского приказа в Нижний Новгород[18]. Там был создан «Приказ монастырских дел», однако кадровая проблема, по-видимому, стояла очень остро. Нижегородский воевода жалуется в Москву, что в этом «приказе» сидит ранее обвинённый в краже подьяческий сын Михаил Ординцов, которого стольник князь И. В. Барятинский ему «не отдаёт». Помимо этого, нижегородские власти не могут «сосчитать» подьячего Петра Семенова, который был «у сбора пошлин», поскольку Барятинский «послал ево Петра в вотчину (ранее монастырскую. – *Н.С.*) на приказ в село Юнгу»[19]. Таким образом, назначенный из Монастырского приказа управитель церковно-монастырскими имуществами при исполнении своего поручения вынужденно вступал в конфликт не только с церковными, но и со светскими властями.

Как справедливо отмечал И.К. Смолич, «когда 24 января 1701 г. Монастырскому приказу передан был надзор за монастырскими владениями, он одновременно получил право контроля над всеми церковными владениями – прежними патриаршими, епархиальными и монастырскими, как сказано в указе. Но Монастырский приказ не получил точных указаний о пределах своей компетенции» (Смолич 1999: 269–270). Вывод П.В. Седова о том, что «в конце Северной войны

[15] РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 453. Л. 43 об. -44, 65.
[16] Помаскин (Помаский, Помасков) Богдан Иванович (РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 49. Л. 134).
[17] РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1703 г. Д. 170. Л. 1 об. -2.
[18] РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 49. Л. 19.
[19] РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. 1703 г. Д. 169. Л. 2–2 об.

Пётр отменил внешнее управление церковными землями и вернул монастырям их вотчины, главным образом в связи с тем, что внешнее управление церковной собственностью оказалось малоэффективным» (Седов 2013: 140), требует уточнения, ибо автор пишет о монастырях, но игнорирует судьбу вотчин патриарха. Кроме того, недопустимой модернизацией представляется использование понятий «эффективность» и «внешнее управление».

Источники свидетельствуют о влиянии хода военной кампании на содержание и темпы проведения церковной реформы. Разумеется, в первые годы тенденция к сокращению контроля и управления посредством Монастырского приказа, человеческие и финансовые ресурсы которого уменьшились в результате призыва на военную службу патриарших дворян и отписки к другим приказам патриарших вотчин и монастырей, ещё только намечалась, но ретроспективный взгляд на эволюцию уже завершённых процессов даёт основания для такого заключения. М.И. Горчаков отмечал сокращение в 1705 г. «ради свейской войны» не только оклада монахам, но и жалования в самом Монастырском приказе (Горчаков 1871: 455, 473). В итоге было принято решение о постепенном возвращении монастырям управления вотчинами, а бывшие владения патриарха были переданы во вновь учреждённые губернии. Финансовый мотив церковной реформы отходил на второй план, вытесняемый, среди прочего, ожиданиями результативного осуществления податной реформы. Успехи в Северной войне позволили сконцентрировать внимание на иных аспектах церковной реформы, что нашло отражение в издании так называемого Духовного регламента в год подписания Ништадтского мира.

* * *

Исследование показало необходимость осмысления церковной реформы в системной целостности Петровской эпохи. Внешнеполитическая ситуация оказывала влияние на внутриполитические процессы. Источники позволяют сделать вывод о существенном воздействии фактора Северной войны на содержание церковной реформы, в частности, на принятие решения о секуляризации уже на её начальном этапе и на темпы преобразований в целом. Судьба патриарших земельных владений после смерти Адриана также, по-видимому, была предопределена обстоятельствами военного времени.

Началом реформы, по мнению автору, следует считать царский указ от 24 января 1701 г. о восстановлении Монастырского приказа, функционировавшего в соответствии с гл. XIII Соборного уложения[20] с 1649 по 1677 г. Восстановление ранее существовавшего приказа, а не учреждение некоего ново-

[20] Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии. АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние; подгот. текста Л.И. Ивиной; коммент. Г.В. Абрамовича [и др.] ; рук. авт. коллектива А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1987. (Законодательные памятники Русского централизованного государства XV–XVII веков). С. 69–70.

го ведомства, «курирующего» государственно-церковные отношения, на мой взгляд, свидетельствует, что намечавшиеся изменения изначально трактовались Петром I в соответствии с пониманием термина «реформа», характерным для тогдашней Европы, а не в его современном значении (Пименова 2013: 61; Кром, Пименова 2013: 12-13; Дискуссия по докладам... 70-71). Зафиксированные факты зачитывания населению церковно-монастырских вотчин неких «царских указов», пересказ которых позволяет идентифицировать, в частности, мартовский и декабрьский указы 1701 г. (Башнин, Черкасова 2021: 35; Соколова 2008: 59; Шамина 2017: 122, 131-132, 160, 169, 179, 183, 191; Шамина 2021: 64, 70), следует расценивать как свидетельство того, что цели деятельности Монастырского приказа и его сотрудников на местах на начальном этапе реформы не сводились к тому, чтобы «точно выяснить объёмы церковных богатств по всей России» (Башнин, Черкасова 2021: 45).

В ходе исследования документально подтверждено исполнение указа от 31 января 1701 г. в отношении категорий церковных владений, которая ранее не рассматривалась в историографии в контексте описания, произведённого по наказным памятям из Монастырского приказа в начале XVIII в. Вводимые в научный оборот материалы описей патриарших вотчин расширяют возможности использования сравнительно-исторического метода. Источник позволяет установить, каковы были земельные владения Патриаршего дома в 17 уездах, полученные государством в результате секуляризации. Но для оценки того, какие церковные имущества в результате реформы оказались в ведении государства и какие церковные доходы пополнили казну, требуется дальнейшее его изучение с точки зрения полноты, подробности описаний и достоверности данных, представленных в Монастырский приказ каждым из писцов.

Секуляризация земельных владений патриарха в начале XVIII в. была доведена до логического конца, т. е. она была полной и, что важно подчеркнуть, в отличие от секуляризации монастырской, – окончательной (ввиду вначале фактического, а затем и формально-юридического упразднения патриаршества). Очевидна потребность в отказе от однозначных исторических параллелей между событиями начала XVIII в. и так называемой монастырской секуляризацией 1764 г.

Как представляется, ускоренная секуляризация церковно-монастырских земельных владений и имущества, последовавшая в начале Северной войны, не только противоречила вековым устоям земного существования Русской церкви, но оказалась организационно неподъёмной для тогдашнего государства, у которого ещё не было для этого соответствующих кадровых и логистических возможностей.

Об авторе:

Наталья Викторовна Соколова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
E-mail: natalia_sokolova@outlook.com

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: October 12, 2021
Accepted: November 20, 2021

Great Northern War and Church Reform of Peter the Great

N.V. Sokolova
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-153-171

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Abstract: The article presents historical research on the Church reform of Peter I, considering the Great Northern War (1700–1721) as one of the crucial transformational factors in church-state relations in Russia. The article introduces descriptive books of patriarchal estates in 17 counties of Russia. They were created during the audit of Church and monastic property in line with the decree of January 31, 1701. It considers features of the form and content of these documents and previously known descriptions of bishops' houses and monasteries, which were carried out according to the mandated memorials of the Monastic Order in 1701-1705. The article claims that the secularization of the patriarch's landholdings, in contrast to other church holdings, was complete and final already at the beginning of the 18th century. In this regard, there is an obvious need to reject historical parallels between the events of the early 18th century and the "monastic secularization" of 1764.
Comparing the Alexei Kurbatov's proposals to Peter I in a letter dated October 25, 1700, with the content of the personal decrees of January 24 and 31, 1701 on the restoration of the Monastic Order allows us to hypothesize that the defeat at Narva and preparation for the meeting with the Elector Augustus II that would result in the signing of the Biržai pact, significantly adjusted the plans of the Church reform. The novelty of the January decrees that presumably started the reform (in the then-common European sense of the concept) was the inclusion of the patriarch's estates in the list of the Church's possessions subject to the control of the state in the future.
I conclude that the secularization of church-monastic possessions and property that followed at the beginning of the Great Northern War not only contradicted the centuries-old historical practice but was at that time organizationally overwhelming for the state, which was able to solve the problem of managing the escheat patriarchal lands but did not yet have the appropriate staffing and logistics capacities for control over all possessions of the Church.

Keywords: history of the Russian Orthodox Church, Church reform of Peter the Great, reforms of the church and state relations, Patriarch Adrian, secularization, descriptive books, Great Northern War

About the author:

Natalia V. Sokolova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 119334, build. 32-A, Leninsky Prospect, Moscow, Russia. E-mail: natalia_sokolova@outlook.com

Conflict of interest:
The author declares the absence of conflict of interest.

References:

Bagger Kh. 1985. *Reformy Petra Velikogo: Obzor issledovanii* [Reforms of Peter the Great. Literature Review]. Moscow: Progress. 203 p. (In Russian).

Bashnin N.V., Cherkasova M.S. 2021. Kak nachinalas' tserkovnaia reforma Petra I? (po materialam severnorusskikh eparkhii 1690-1700-kh gg.) [How did the Church Reform of Peter I begin? (based on the materials of the Northern Russian Dioceses of the 1690s–1700s)]. *Canadian-American Slavic Studies.* 55 (1). P. 24-50. DOI 10.30965/22102396-05501002 (In Russian).

Bulygin I.A. 1977. *Monastyrskie krest'iane Rossii v pervoi chetverti XVIII v.* [Monastic peasants of Russia in the first quarter of the 18th Century]. Moscow: Nauka. 327 p. (In Russian).

Bulygin I.A. 1974. Tserkovnaia reforma Petra I [Church Reform of Peter I]. *Voprosy istorii.* 5. P. 79-83. (In Russian).

Discussion on the reports of P.Yu. Uvarov, S.E. Fedorov and L.A. Pimenova [Diskussiya po dokladam P.Yu.Uvarova, S.Ye. Fyodorova i L.A. Pimenovoy]. *Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI-XVIII vv.).* Sbornik statei. [The Phenomenon of Reforms in the West and east of Europe at the Beginning of the Modern period (16th-18th Centuries). A collection of articles]. Ed. by Krom M.M., Pimenova L.A. 2013. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. P. 69-76. (In Russian).

Verkhovskoi P.V. 1916. *Uchrezhdenie dukhovnoi kollegii i Dukhovnyi reglament. K voprosu ob otnoshenii tserkvi i gosudarstva v Rossii. Issledovaniia v oblasti istorii russkogo tserkovnogo prava* [Establishment of the Spiritual College and the Spiritual Regulation. On the Issue of the Relationship between Church and State in Russia. Research in the History of Russian Ecclesiastical law]. Rostov-na-Donu: Novoe vremia. Vol. 1. [2], XXVI, CLXXVIII, 686 p. (In Russian).

Gorchakov M.I. 1868. *Monastyrskii prikaz (1649-1725 g.): Opyt istorichesko-iuridicheskogo issledovaniia* [Monastic Prikaz (1649-1725): an Attempt at a Historical and Legal Research]. St. Petersburg: tip. A. Transhelia. 159 p. (In Russian).

Gorchakov M.I. 1871. *O zemel'nykh vladeniiakh vserossiiskikh mitropolitov, patriarkhov i Sv. sinoda. (988-1738 gg.): Iz opytov issledovaniia v istorii russkogo prava* [On the Land Holdings of the All-Russian Metropolitans, Patriarchs and the Holy Synod. (988-1738): From attempts at research in the history of Russian law]. St. Petersburg: tip. A. Transhelia. 558, 252 p. (In Russian).

Krom M.M., Pimenova L.A. Phenomen reform v Evrope rannego novogo vremeni [The Phenomenon of Reforms in Early Modern Europe]. *Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI-XVIII vv.).* Sbornik statei. [The Phenomenon of Reforms in the West and east of Europe at the Beginning of the Modern period (16th-18th Centuries). A collection of articles]. Ed. by Krom M.M., Pimenova L.A. 2013. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. P. 7-16. (In Russian).

Nikol'skii N.M. 1912. Tserkovnaia reforma Petra [Church Reform of Peter I]. *Tri veka: Rossiia ot smuty do nashego vremeni. Istoricheskii sbornik* [Three Centuries: Russia from the Time of Troubles to today. Historical digest]. Ed. by V.V. Kallash. Vol. 3. Moscow: T-vo I.D. Sytina. P. 180-197. (In Russian).

Pavlenko P.N. 2006. *Istoriia Petra Velikogo* [The History of Peter the Great]. Moscow: Veche. 570 p. (In Russian).

Pimenova L.A. 2013. Reformy i reformatory vo Frantsii v vek Prosveshcheniia [Reforms and Reformers in France in the Age of Enlightenment]. *Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI-XVIII vv.). Sbornik statei* [The phenomenon of reforms in the west and east of Europe at the beginning of the Modern period (XVI-XVIII centuries). A collection of articles]. Ed. by Krom M.M., Pimenova L.A. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. P. 59-68. (In Russian).

Runkevich S.G. 1900. *Istoriia russkoi tserkvi pod upravleniem sviateishego sinoda. T. 1. Uchrezhdenie i pervonachal'noe ustroistvo sviateishego pravitel'stvennogo sinoda (1721-1725 gg.).* [History of the Russian Church under the Governance of the Holy Synod. Vol. 1. Establishment and initial structure of the Most Holy Governing Synod (1721-1725)]. St. Petersburg: Tipografiia A.P. Lopukhina. 429 p. (In Russian).

Sakharov A.N. 1966. *Russkaia derevnia XVII veka. Po materialam patriarshego khoziaistva* [Russian Village of the 17th Century. Based on Materials from the Patriarchal Land Holdings]. Moscow: Nauka. 230 p. (In Russian).

Sedov P.V. 2013. «Vse de nyne gosudarevo»: traditsii i novatsii v tserkovnoi reforme Petra I ["Everything is Sovereign Now": Traditions and Innovations in the Church Reform of Peter I]. *Fenomen reform na zapade i vostoke Evropy v nachale Novogo vremeni (XVI-XVIII vv.). Sbornik statei*. Ed. by Krom M.M., Pimenova L.A. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. P. 122-142. (In Russian).

Slitsan B.G. 1954. Reforma tserkovnogo upravleniia [Church Governance Reform]. *Ocherki istorii SSSR. Vol. VII. Period feodalizma. Rossiia v pervoi chetverti XVIII v. Preobrazovaniia Petra I*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. P. 371-379. (In Russian).

Smolich I.K. 1999. *Russkoe monashestvo. 988-1917* [Russian Monasticism. 988-1917]. Transl. from German by Archpriest Vladislav Tsypin. (Prilozhenie k «Istorii Russkoi Tserkvi»). Moscow: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaia entsiklopediia». 366 p. (In Russian).

Sokolova N.V. 2016. Iz istorii boiarskogo zemlevladeniia v Nizhegorodskom uezde v 80-kh gg. XVII v. [From the History of Seigniorial Tenure in Nizhny Novgorod uezd in the 1680s.]. *Petersburg historical journal.* №4. P. 42-58. (In Russian).

Sokolova N.V. 2021. *Nizhegorodskaia dvorcovaia derevnia XVI-XVII vekov* [Nizhny Novgorod Crown Villages of the 16-17th Century]. Moscow: Aspect Press Ltd. 336 p. (In Russian). DOI: 10.31168/7567-1128-8

Sokolova N.V. 2008. Opisanie tserkovnomonastyrskikh vladenii v protsesse sekuliarizatsii nachala XVIII v.: Opyt rekonstruktsii (na materialakh Nizhegorodskogo uezda) [Description of Church and Monastery Lands during Secularization in the Early 18th Century: Experience of Reconstruction on Materials of Nizhny Novgorod Uyezd]. In: *Severo-Zapad v agrarnoi istorii Rossii. Mezhvuzovskii tematicheskii sbornik nauchnykh trudov*. Kaliningrad. P. 44-60. (In Russian).

Shamina I.N. 2017. Perepisnye knigi kolomenskikh Spaso-Preobrazhenskogo, Golutvina, Bobreneva i Brusenskogo monastyrei 1701 g. [Inventory Books of the Kolomna Spaso-Preobrazhensky, Golutvin, Bobrenev and Brusensk Monasteries of 1701]. *Vestnik tserkovnoi istorii*. 3-4 (47-48). P. 96-226. (In Russian).

Shamina I.N. 2021. Prakticheskaia realizaciia pervogo etapa cerkovnoi reformy Petra I. [Practical Implementation of the First Stage of the Church Reform of Peter I (1701-1703)]. *Rossiiskaia istoriia.* 4. P. 60-73. DOI: 10.31857/S086956870016256-2 (In Russian)

Список литературы на русском языке

Баггер Х. 1985. *Реформы Петра Великого: Обзор исследований.* Москва: Прогресс. 203 с.

Башнин Н.В., Черкасова М. С. 2021. Как начиналась церковная реформа Петра I? (по материалам севернорусских епархий 1690-1700-х гг.). *Canadian-American Slavic Studies.* 55 (1). P. 24-50. DOI: 10.30965/22102396-05501002

Булыгин И. А. 1977. *Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в.* Москва: Наука. 327 с.

Булыгин И. А. 1974. Церковная реформа Петра I. *Вопросы истории.* 5. С. 79–83.

Верховской П.В. 1916. *Учреждение духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России. Исследования в области истории русского церковного права.* Ростов-на-Дону: Новое время. Т. 1. [2], XXVI, CLXXVIII. 686 с.

Горчаков М. И. 1868. *Монастырский приказ (1649–1725 г.): Опыт историческо-юридического исследования.* Санкт-Петербург: тип. А. Траншеля. 296, 159 с.

Горчаков М. И. 1871. *О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. синода. (988–1738 гг.): Из опытов исследования в истории русского права.* Санкт-Петербург: тип. А. Траншеля. 558, 252 с.

Дискуссия по докладам П.Ю. Уварова, С.Е. Федорова и Л.А. Пименовой. 2013. *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). Сборник статей.* Отв. ред. Кром М.М., Пименова Л.А. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета. С. 69–76.

Кром М.М., Пименова Л.А. 2013. Феномен реформ в Европе раннего Нового времени. *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). Сборник статей.* Отв. ред. Кром М.М., Пименова Л.А. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета. С. 7–16.

Никольский Н. М. 1912. Церковная реформа Петра. *Три века: Россия от смуты до нашего времени. Исторический сборник.* Под ред. В.В. Каллаша. Т. 3. Москва: Т-во И.Д. Сытина. С. 180–197.

Павленко П. Н. 2006. *История Петра Великого.* Москва: Вече. 570 с.

Пименова Л. А. 2013. Реформы и реформаторы во Франции в век Просвещения. *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). Сборник статей.* Отв. ред. Кром М.М., Пименова Л. А. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета. С. 59–68.

Рункевич С.Г. 1900. *История русской церкви под управлением святейшего синода. Т. 1. Учреждение и первоначальное устройство святейшего правительственного синода (1721–1725 гг.).* Санкт-Петербург: Типография А. П. Лопухина. 429 с.

Сахаров А. Н. 1966. *Русская деревня XVII века. По материалам патриаршего хозяйства.* Москва: Наука. 230 с.

Седов П. В. 2013. «Все де ныне государево»: традиции и новации в церковной реформе Петра I. *Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.). Сборник статей.* Отв. ред. Кром М.М., Пименова Л. А. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета. С. 122–142.

Слицан Б.Г. 1954. Реформа церковного управления. *Очерки истории СССР. Т. VII. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I.* Москва: Издательство Академии наук СССР. С. 371–379.

Смолич И. К. 1999. *Русское монашество. 988–1917.* Пер. с нем. протоиерея Владислава Цыпина. (Приложение к «Истории Русской Церкви»). Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». 366 с.

Соколова Н. В. 2016. Из истории боярского землевладения в Нижегородском уезде в 80-х гг. XVII в. *Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории.* №4. С. 42–58.

Соколова Н. В. 2021. *Нижегородская дворцовая деревня XVI–XVII веков.* Москва: Издательство «Аспект Пресс». 336 с. DOI: 10.31168/7567-1128–8

Соколова Н. В. 2008. Описание церковно-монастырских владений в процессе секуляризации начала XVIII века: опыт реконструкции (на материалах Нижегородского уезда). *Северо-Запад в аграрной истории России. Межвузовский тематический сборник научных трудов.* Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта. С. 44–60.

Шамина И.Н. 2017. Переписные книги коломенских Спасо-Преображенского, Голутвина, Бобренева и Брусенского монастырей 1701 г. *Вестник церковной истории.* 3/4 (47/48). С. 96–226.

Шамина И.Н. 2021. Практическая реализация первого этапа церковной реформы Петра I. *Российская история.* №4. С. 60–73. DOI: 10.31857/S086956870016256-2

Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(6). С. 172–190
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-172-190

Check for updates

Венецианское направление внешней политики Петра I и Прутский поход

А.О. Ястребов

Институт российской истории РАН

Регулярные контакты Петра I с Венецианской республикой накануне русско-турецкой войны 1710-1713 гг. возобновились после без малого 10-летнего перерыва. Перед объявлением султаном Ахмедом III войны царь отправил дожу два послания, смысл которых мог быть истолкован одновременно и как призыв к Венеции признать промежуточные итоги Северной войны, и как обращение к православным подданным республики с целью побудить их принять участие на стороне России в надвигавшемся конфликте. Этот эпизод недостаточно хорошо освещён в российской и зарубежной историографии; связь персонажей, посланных царём в Венецию, с Прутским походом также не была специально проанализирована исследователями, поэтому представляется необходимым установить связь между двумя событиями, особенно в контексте изменения российской внешней политики на венецианском направлении.

В марте 1711 г. в Венецию направлен русский консул с целью вербовки рекрутов для открывавшегося театра военных действий на Балканах. Дмитрий Боцис не случайно стал первым русским консулом в Италии: будучи видным представителем греческой общины столицы, он с успехом распространил своё влияние не только на местных греков, но и на славян Далмации, желавших служить русскому царю и сразиться с турками.

Исход Прутского похода не повлиял на работу консульства и торгового представительства. Впоследствии в Венецию были направлены и с успехом действовали агенты русского правительства, имевшие поручения уже коммерческого свойства. Одним из них был граф Савва Рагузинский, выдающийся дипломат и успешный коммерческий агент. Его деятельность была вполне мирного свойства, хотя по-прежнему включала в себя политический мониторинг и легальную разведку.

Таким образом, можно утверждать, что возобновление двусторонних отношений, вызванное Прутской операцией, сказалось позитивно на русско-венецианских связях. Начав свою деятельность трудами консула Боциса и дипломатического агента Каретты, имевших полномочия создать второй, Балканский «фронт» в тылу у султана, после 12 июля 1711 г. российское представительство было преобразовано в коммерческое агентство с широкими дипломатическими полномочиями. Этими изменениями открывается новый, плодотворный период в истории двусторонних отношений России и Венеции.

Ключевые слова: Пётр I, Прутский поход, Венецианская республика, консульство, Дмитрий Боцис, Савва Владиславич Рагузинский, Пётр Толстой

УДК: 94, 327
Поступила в редакцию: 10.11.2021
Принята к публикации: 10.12.2021

Венецианская республика перестала быть приоритетным партнёром Москвы после радикального изменения направления российской экспансии – с юга на север. Будучи ослабленной постоянными войнами с Турцией, Светлейшая республика к началу XVIII столетия стала, как теперь принято говорить, региональной державой и не принимала участия в судьбах Европы, постепенно превращаясь во внешнеполитическом плане в сателлита Австрии. Однако на османском направлении Серениссима оставалась по-прежнему одним из основных игроков в части как военного, так и дипломатического противостояния туркам.

Русско-венецианским связям этого, второго «петровского» периода (1710-1725 гг.), посвящались исследования как русских и советских, так и современных учёных, а также зарубежных исследователей. Остановимся на наиболее значительных из них.

Дореволюционные российские историки внесли весомый вклад прежде всего в изучение персоналий той эпохи. Так, в Русском биографическом словаре А.А. Половцева находим сведения о большинстве венецианцев, состоявших на царской службе в первой четверти XVIII в. Подробные данные о гражданах Светлейшей республики, служивших во флоте Петра Великого, находим у В.Н. Берха, Ф.Ф. Веселаго и С.И. Елагина (Берх 1831; Веселаго 1875; Веселаго 1885;). В.М. Рихтер, П.П. Пекарский, Я.А. Чистович описали биографии итальянских медиков Петровской России (Рихтер 1814 1820; Пекарский 1862; Чистович 1883). В наше время исследованием венецианского элемента в российских армии и флоте, а также на медицинском поприще занимается М. Корти (Корти 2010; Корти 2014).

Работы Т.К. Крыловой и И.С. Шарковой посвящены политическим и экономическим аспектам связей Москвы и республики в интересующий нас период, представляя собой наиболее глубокие исследования по этой теме в отечественной истории (Крылова 1939; Крылова 1941; Шаркова 1972; Шаркова 1981).

Ч. Пьовене Чевезе и М. Ди Сальво опубликовали и проанализировали редкие материалы, касающиеся участников венето-русского политических и религиозных связей конца XVII – начала XVIII вв. (Piovene Cevese 1981; Di Salvo 2003; Di Salvo 1999; Di Salvo 1994).

Труды ряда учёных, исследовавших связи Молдавии и Валахии с греческим и славянским миром Балкан, а также с Россией и Венецией в интересующий нас период, исключительно важны для изучения русско-греческо-славянского культурного обмена. В первую очередь в этом секторе исторической науки должны быть названы имена П. Черноводяну, Н. Вэтэману и А. Карафанасиса (Cantemir 1973; Cernovodeanu, Lazea, Carataşu 1973; Vătămanu 1962; Vătămanu, Carataşu 1972; Καραθανάσης 2000). Х. Мальтезу посвятила публикацию представителям венецианской греческой общины на службе российских государей в XVIII столетии (Maltezou 2000). Отдельно упомянем монографию Й. Дучича о Савве Рагузинском (Дучич 2000).

С.О. Андросов – автор целого ряда публикаций, посвящённых приобретению в рассматриваемый период произведений искусства по заказу Петра и его окружения, особенно касаясь работы С. Рагузинского в Венеции (Андросов 1984; Андросов 1995; Андросов 2004; Андросов 2013; Андросов 2014).

Несмотря на обилие работ и широкий охват тем, посвящённых русско-венецианским связям интересующей нас эпохи, никто из учёных не посвятил специального исследования той роли, которую сыграл Прутский поход, как наиболее яркая страница русско-турецкой войны 1710–1713 гг., во внешней политике России на данном направлении. Поэтому в настоящей работе хотелось бы проследить взаимосвязь между Прутским походом и изменением политики царя Петра в отношении своего давнего союзника – Венецианской республики, а также привлечь внимание к персоналиям «Прутской акции», показать связь и кадровую преемственность между османским и венецианским направлением политики Петра, где Прут является как бы водоразделом в активности тех или иных персонажей, ведь большинство из них задолго до Прута были вовлечены в русско-турецкие и русско-венецианские дела.

Предпосылки возобновления отношений между Россией и Венецией

В конце Великого посольства состоялось знакомство царя Петра с королем Августом II (31 июля/10 августа 1698 г.), ставшее последним шагом на пути к смене курса внешней политики России и прологом к скорому началу Северной войны (Гузевич, Гузевич 2003: 50). Прекращение связей с Венецией поэтому вполне объяснимо: военная кампания на южных рубежах закончилась, соглашения Карловицкого конгресса, а затем Константинопольский мирный договор 1700 г. обеспечили Петру надёжный тыл для начала Северной войны, а для этого не имело смысла раздражать Порту слишком активными отношениями с её заклятыми врагами – венецианцами. Время же торговых контактов с ними ещё не пришло.

Интерес государя к Венецианской республике и как к военному союзнику, и как к источнику технологий существенно уменьшился, хотя в России оставались ещё тамошние корабельные мастера, и переписка царя и Сената республики была посвящена их отпуску из России.

Дело в том, что в конце 90-х гг. XVII в. в Россию для работы на воронежских верфях отправились 13 корабелов во главе с мастером Якобом Мором. Большинство отпустили обратно ещё в 1699 г., но двое проработали до 1701 г.[1],

[1] *Письма и бумаги императора Петра Великого* (далее – ПБПВ). 1887. Т. 1. Санкт-Петербург. С. 82–85. Кстати, в грамоте от 30 июля 1696 г. (Там же. С. 98-100 и *Памятники Дипломатических сношений России с державами иностранными* (далее – ПДС). 1864. Т. VII. Санкт-Петербург. Ст. 1099–1101) царь обращается к дожу с предложением о заключении формального союза. Переговоры велись в Вене весь 1696 г. через русского посла К. Нефимонова, и предварительный союз с Венецией и Польшей был условием императора Леопольда для подписания русско-австрийского договора.

причём против собственной воли. О них Пётр простосердечно писал дожу Сильвестро Вальеру: «…повелели есмы зделать им галиас, а хотя от того дела вышепомянутые мастеры много кратно отрицалися, но мы, великий государь, наше царское величество, к сему их принудили»[2].

В период затишья в двухсторонних отношениях (1701-1710 гг.), во-первых, состоялись поездки в Венецию двух московских эмиссаров – князя Б.И. Куракина в 1707 г. и дворянина Б.Ф. Оладьина в 1708 г. (Крылова 1939: 56; Шаркова 1981: 98-99), а также из Москвы было отправлено письмо царя о родственниках графа Ивана Боциса (от 20 апреля ст. ст. 1707 г.). Грамота была напечатана (с черновика) в «Письмах и бумагах»[3], но какого рода проблемы возникли у родственников грека и побудили царя по просьбе Боциса написать дожу А. Мочениго, остаётся неясным (Карданова 2013: 383, 399). К письму прилагался мемориал Боциса, в котором он излагал свою просьбу, однако в папке Czari di Moscovia Венецианского государственного архива, содержащей грамоты государей, это приложение отсутствует, равно как и сама грамота. Впрочем, довольно и того, что Пётр энергично вступился за казавшегося ему полезным офицера: «…Понеже пребывающей в службе нашей в морском флоте шоутбейнахт от галер господин контий Боцис всеподданнейше нас просил к вашей светлости и всей светлейшей речи посполитой Венецыйской о заступлении нашем о фамилии своей и сродников, ныне обретающихся во владениях ваших, дабы оных изволили вы иметь в милостивом своем призрении и в требованиях их показывати им доволство, чего ради вашу светлость и светлейшую речь посполитую дружебно просим»[4]. Останавливаемся на Иване Боцисе по той причине, что появление в переписке его фигуры очень символично, ибо он и особенно его брат Дмитрий (за которого он, вполне возможно, и просил царя заступиться перед властями) важны в контексте избранной темы исследования.

Таким образом, течение Северной войны, происки Карла XII и претендента на польскую корону Станислава Лещинского, недовольство крымского хана потерей Азова и прекращением русских «поминков», а также общее ослабление России в результате многолетнего противостояния со Швецией заставили султана думать о начале новой войны за недавно потерянные земли. Конечно же, к развязыванию конфликта между Россией и Портой приложили руку и европейские дипломаты, аккредитованные в Стамбуле (Шаркова 1981: 103; Крылова 1941: 272).

Именно по этой причине в преддверии неизбежного конфликта с султаном и возобновились русско-венецианские дипломатические сношения. Первым

---

[2] От 28 ноября 1699 г. Хранится: ASVe. Collegio, Lettere principi. F. 13, N 50. Опубликовано: «Царская грамота к Венецийскому князю с извещением об отпуске, согласно прошению, обратно в Венецию восемь человек корабельных мастеров». *ПДС*. Т. VII. Ст. 1356-1359.

[3] *ПБПВ*. Т. 5. С. 11-12.

[4] *ПБПВ*. Там же.

шагом стала миссия посла России в Вене барона Иоганна Кристофа Урбиха. Он побывал в Венеции в апреле 1711 г., причём подробности обсуждавшихся вопросов неизвестны. Видим, что царь в преддверии Прутского похода вновь пробовал активизировать австро-венецианский канал связи, и если грамота дожу о бароне Урбихе была «верительной», то есть не описывала, по какому делу он направлен, упоминая лишь, что «для нужнейших дел, к общему благу и высокой ползе обоих наших стран принадлежащих»[5], то в письме императору Иосифу I от того же 9 января 1711 г. сказано, что Урбих уполномочен «вести переговоры о наступательном и оборонительном союзе против турок»[6]. Поэтому ничто не мешает предположить, что и в Венеции царь рассчитывал прозондировать возможность получить военную помощь, хотя по своему прошлому опыту он не мог не понимать, что надежда на выступление обеих держав против Порты, мягко говоря, минимальна (Шаркова 1981: 106). Да и царские послания, которые привёз с собой российский посол, не содержали просьбы о военной помощи (Шаркова 1981: 104).

Царские послания от 10 декабря 1710 г.

Итак, важнее самого визита Урбиха те грамоты, что он привёз, а также ответ дожа (от 10 июня н.ст.), который он передал российскому государю. В первой царской грамоте после почти десятилетнего перерыва Пётр не только не предлагал военного союза и тем более не просил о помощи, а наоборот, апеллировал к властям о допущенной ими несправедливости, вступаясь за греческую церковь, отобранную у православной общины митрополитом-униатом Мелетием Типальдом[7].

Венецианские греки были важным звеном в политике Московского государства ещё со времен Алексея Михайловича, но особенно существенный вклад в развитие новой России внесли они при Петре, находясь как военные и гражданские специалисты на русской службе в самой столице республики и в Петербурге, а в Константинополе будучи задействованы по дипломатической части при после П.А. Толстом (Ястребов 2018: 142, 183).

Казалось бы, в положении Петра следовало быть более деликатным и обсуждать скорее открытие «второго фронта», чем вступаться за национальное меньшинство, вмешиваясь во внутренние дела другого государства. Однако было понятно, что венецианцы, выйдя ослабленными из изнурительной Морейской войны (1684–1699 гг.), вряд ли окажут России военную помощь, тем

[5] *ПБПВ*. Т. 11. Вып. 1. С. 31. Н.Н. Бантыш-Каменский предполагал, что целью поездки были торговые вопросы, однако едва ли так было на самом деле (Бантыш-Каменский 1896: 214).

[6] *ПБПВ*. Т. 11. Вып. 1. С. 31.

[7] Оригинал хранится в ASVe. Collegio. Lettere principi. F. 13. № 55, лат. перевод № 56. Опубликована в выдержках Е.Ф. Шмурло (Шмурло 1897: 55), а затем в таком же виде перепечатана в ПБПВ. Т. 10. С. 427.

более что именно их старший партнёр – император – через своего посланника в Константинополе склонял султана к войне с Россией.

Тем не менее, представляется, что российское правительство рассчитало всё исключительно точно. Итак, царь написал письмо-ходатайство о греческой церкви 7 декабря (ст. ст.) 1710 г. ещё до получения известия об объявлении войны султаном[8] и отправил его вместе с ещё одной грамотой, в которой приглашал венецианцев к торговле в областях Балтийского побережья, незадолго перед тем отвоёванных у шведов[9]. Как будто бы, грамота, посвящённая торговле и повествующая о победах русского оружия, призвана гарантировать больший вес ходатайству о греческой церкви. На самом же деле фактические адресаты посланий были разными.

Хотя формально первое письмо обращено к венецианцам, его следует рассматривать как часть проводившейся царём работы по поддержке антиосманского движения на Балканах, чему должен был послужить его образ «всеправославного» правителя и фактического главы Русской Церкви (Ястребов 2016: 123, 140). То есть, по сути, оно адресовалось грекам и другим единоверным подданным Светлейшей республики, тем самым показывая, что православные в политике Петра начинают играть роль не только как специалисты для работы в России, но и как стратегический союзник ввиду намечавшегося Петром похода в Молдавию и на Балканы[10], а также как персонал для дипломатических и коммерческих коммуникаций.

Если первое письмо должны были «услышать» греки, то вторая грамота адресовалась непосредственно к венецианцам. В ней сообщалось о победах русского оружия на Балтийском побережье, и итальянские купцы приглашались к торговле. Это был призыв к Светлейшей возобновить политические и торговые связи, а одновременно – выказать отношение к сложившейся внешнеполитической ситуации: ведь Пётр приглашал венецианских купцов торговать на недавно отвоёванных у Швеции территориях, то есть в тяжёлой обстановке накануне Прутского похода он уже писал дожу о торговле. Иными словами, к военным действиям он призывал заинтересованных в них греков, а к торговле – заинтересованных в ней венецианцев.

Царь сообщал в письме: «хотя мы не сумневаемся, что ваша светлость и вся яснейшая Речь Посполитая известные о счастливых предшествиях нашего справедливого оружия, которое Всевышний в сей прошедшей компании паки

---

[8] Сообщение П.А. Толстого об объявлении Турцией войны пришло в Санкт-Петербург 20 декабря 1710 г., то есть уже после отправки Петром письма в Венецию.

[9] Хранится: ASVe. Collegio. Lettere principi. F. 13, 57, 59. Текст грамоты впервые опубликован Шмурло (Шмурло 1897: 55–57). Переиздание: ПБПВ. Т. 10. С. 428–429; перепечатан: (Карданова 2013: 528-530).

[10] См. грамоту царя к черногорскому народу от 3 марта 1711 г. «…Сего года весною намерение имеем, дабы не токмо возмощи нам противу неприятеля-бусурмана с воинством наступати, но и силным оружием *в средину владетелства его входим* (курсив мой – А.Я.) и утесненных православных христиан, аще Бог допустит, от поганского его ига освобождать…». ПБПВ. Т. 11. Вып. 1. С. 118.

против нашего неприятеля короля швецкого знатными викториями благословити изволил. <…> При сем рассудили мы за благо вашей светлости и яснейшей Речи Посполитой и сие объявить, что ежели которые ваши подданные похотят купечество свое иметь морем или сухим путем как в городах и пристанях наших в новозавоеванных провинциях при Балтийском море, так и во всем нашем государстве, тем дается в том всякая свобода и поволность, равно якоже и иных иностранных приятелских областей купцам, которые в наших государствах торговли свои имеют. И тако вашей светлости и яснейшей Речи Посполитой подданные могут без всякого сомнение купечество свое в наших государствах для ползы обоих стран отправлять» (Ястребов 2016: 136–137).

Дож в ответ поздравил царя с победами, то есть определил свою позицию по отношению к Швеции, а следовательно, пусть косвенно, и к Турции, союзнице Карла XII: «мы в первую очередь с полным удовлетворением узнали об успехах, которые принесло Ваше славное оружие в прошедшей кампании. Вы насладились тем счастливым успехом, который соответствует силе имеющегося войска, ведомого прославленным гением Вашего Царского Величества. <…> К такому очевидному свидетельству Вашей особой благосклонности к нам Вы пожелали прибавить доверие, облегчив нашим подданным торговлю в Ваших счастливых пределах. С нашей стороны Вы найдете ту же взаимную готовность принять с одинаковой искренностью купцов Вашего народа, в чем Ваше Царское Величество можете быть полностью уверены, как и в том, что всегда мы о греческом народе печемся и будем печься особенно и относиться к нему, как искони то в Республике нашей заведено, с особенной склонностью и любовью»[11].

Учреждение русского консульства в Венеции

Как видим, ответ дожа на царские послания содержит, помимо отмеченных особенностей, приглашение начать полноценные торговые отношения. Вслед за письмами в 1711 г. прибыл в лагуну и консул – Дмитрий Боцис[12], причём русское представительство здесь стало вторым в истории после открытого в 1707 г. Амстердамского и функционировало (с перерывами) более столетия, пережив саму республику Святого Марка (Παπακώστα 2011: 435-436).

Отметим и то, что положительный отзыв о целесообразности открытия русского консульства со стороны комиссии «Пяти мудрецов над торговлей» последовал 22 июня, то есть всего через 12 дней после отправки ответного письма дожем[13].

[11] Черновик грамоты хранится: ASVe. Senato. Deliberazioni. Corti. Registri 88. F. 118 r.–119. То же: ASVe. Senato. Deliberazioni. Corti. Filza 171. 10 giugno 1711. Опубликовано: (Ястребов 2016: 138-139).

[12] Консульский патент от 2 марта 1711 г.

[13] См. Сноску 15 ниже.

Дмитрий Боцис был родным братом упомянутого выше Ивана Боциса, приехавшего в Россию в 1703 г. с небольшой группой греков и принятого на службу в чине шаутбенахта (контр-адмирала) российского гребного флота. В отличие от брата-моряка Дмитрий был тесно связан со столицей республики; он ещё в 1698 г. присоединился к православной греческой общине Венеции и на протяжении четверти века активно участвовал в её жизни. С 1706 по 1713 гг. он исполнял обязанности заместителя гвардиана (председателя) братства, представляя в общем собрании выходцев из Навплии. В архиве Греческого института Венеции зафиксированы его неоднократные пожертвования на нужды храма святого Георгия[14]. Это говорит о том, что Боцис не «прибыл» в Венецию в буквальном смысле. Он находился там постоянно (Бантыш-Каменский 1896: 214).

Обратим внимание, что патент был выдан всего через неделю после объявления о начале войны, состоявшегося 25 февраля 1711 г. в Успенском соборе Московского кремля[15]. Тот факт, что Пётр назначил на это место родного брата одного из своих ближайших сподвижников, говорит о важности миссии Дмитрия[16]. Она была всё же не торговой, а чисто политической – он должен был мобилизовать единоверных (и единокровных) греков, а также население Черногории, Албании и Герцеговины (преимущественно сербов по национальности) на борьбу против османов, для чего ему выделялись значительные денежные средства (Бантыш-Каменский 1896: 214).

Кандидатура Дмитрия могла быть предложена Петру как братом Иваном, так и фигурой, важной не только в контексте русско-турецкого противостояния 1711 г., но и русско-венецианских связей после Прутского похода – «иллирийским графом» Саввой Владиславичем Рагузинским, о котором речь пойдёт ниже.

В том же 1711 г. в Венецию прибыл ещё один дипломатический агент Петра – итальянец Матвей Каретта[17]. Как и Боцис, Каретта имел политические задачи, однако был более ориентирован на итальянские государства, в первую очередь на Венецию и Папскую область. Впоследствии ему удалось войти в контакт с властями Генуэзской республики, результатом чего стало открытие её торговых отношений с Россией. Каретта был в курсе и российско-турецких дел, поскольку в течение ряда лет состоял помощником русского посла в Кон-

[14] AAIE. Reg. 134. F. 51 r. Reg. 225. F. 95 r.

[15] *ПБПВ*. Т. 11. Вып. 1. С. 111. Копия на латинском языке хранится: ASVe. V Savi alla Mercanzia. Busta 24. Без пагинации. Положительный отзыв комиссии «Мудрецов» от 22 июня 1711 г. гласит: «Консульство может быть полезным для торговых дел, так как особой задачей консулов является привлечение коммерции их соотечественников как для собственной, так и для общественной пользы, которая через умножение торговли помогает их личным интересам». Там же.

[16] Граф И. Боцис пользовался заслуженным уважением царя и при бракосочетании его с Екатериной был посажённым отцом жениха. После его смерти (1714 г.) Пётр в знак памяти и уважения к соратнику пожелал оставить себе его шпагу (Берх 1831: 238).

[17] Кредитивная хранится: ASVe. Collegio. Lettere principi. Busta 13. Czar di Moscovia. F. 62; этот текст в русском переводе см.: ПБПВ. Т. 11. Вып. 1. С. 169. № 4383.

стантинополе П.А. Толстого. Известно, что царь был готов раздавать патенты славянским и греческим каперам, охотившимся на турецкие суда, а также замышлял спровоцировать (и в результате спровоцировал) восстания в турецких Черногории и Албании (Бантыш-Каменский 1896: 214; Дучич 2009: 152–153)[18].

Интересно отметить, что трёх иностранцев-агентов русского правительства, связанных в первой четверти XVIII в. с Венецией, – грека Боциса, итальянца Каретту и серба Рагузинского – объединяло то, что они были завербованы послом в Константинополе П.А. Толстым. К этой группе примыкает Андрей Кассис, приехавший в Венецию в конце правления Петра Великого, и вновь вернувшийся в 1740 г. Он был зятем Ивана Боциса, и о нём скажем ниже.

После завершения русско-турецкой кампании 1710–1713 гг. и победоносного продолжения Северной войны интересы царя и российской знати постепенно перешли из области военной в коммерческую и общекультурную. Самые тяжкие лишения первых лет реформ были позади, любознательность начального периода европеизации также была удовлетворена, появилось хорошее знание европейского и восточного рынков товаров и произведений искусства. И здесь на передний план выходит фигура одного из вдохновителей и организаторов Прутского похода – Саввы Владиславича Рагузинского.

После Прута: деятельность Саввы Рагузинского

К моменту своего приезда в Венецию граф был личностью весьма известной. Начав свою карьеру в конце XVII в. в качестве российского агента в Константинополе, оказывающего услуги русским дипломатам, при Петре Толстом он стал особенно полезен как информатор и купец. Он первым прошёл морем с торговым рейсом из Стамбула в российский Азов. Царь принял его благосклонно, признал за ним графский титул, наградил деньгами и выдал «пожалованную грамоту» на беспошлинную торговлю (Дучич 2009: 91). Уже из их первой встречи Рагузинский вынес для себя убеждение, что предназначение Петра – освободить сербов от османского ига.

Впоследствии Пётр неоднократно командировал Савву в Царьград для связи с Толстым и по другим делам, в основном политического характера, хотя и в коммерции граф был весьма успешен. В период, предшествовавший Полтавской битве, он был интендантом всей русской армии (Дучич 2009: 112).

Владиславич сделался при государе главным советником по вопросам православного Востока (Дучич 2009: 115). Он перестал быть связным П.А. Толстого, а играл самостоятельную и важную роль в планах царя, убеждая его в реальности выхода русских к Адриатическому морю, а то и к берегам Босфора (Дучич 2009: 115). Что такая перспектива не была фантастическим прожектом, а

[18] В *ПБПВ*. Т. 11. Вып. 1. С. 424 – письмо капитана Ивана Сумилы Д.Боцису от 10 июля 1711 г.

имела все шансы на воплощение, читаем у оппонента православных, униатского митрополита Мелетия Типальда, отобравшего греческую церковь у общины, за которую и заступался Пётр. Типальд ещё в 1699 г. предупреждал своего корреспондента из числа аристократов, что молодой царь вполне может прийти в греческие области республики (Ястребов 2018: 131, прим. 35). А речь тогда шла не о победителе Полтавской баталии, а о совсем неопытном молодом правителе, в активе которого было лишь завоевание отдалённой татарской крепостцы Азова.

Савва активно помогал Петру в установлении контактов с Дунайскими княжествами, сербами и черногорцами, Дубровницкой республикой, гражданином которой он был (Дучич 2009: 116). Накануне Прутского похода царь направил его к фельдмаршалу Шереметеву в качестве «полномочного министра и советника»[19]. Он же вёл переговоры с Молдавским господарем Дмитрием Кантемиром, увенчавшиеся успехом (Дучич 2009: 142-143)[20].

Важную роль Рагузинского в подготовке похода подтвердили сами турки, первоначально требовавшие от окружённого у Станилешти Петра выдать им Кантемира и Рагузинского. Екатерина I в указе о возведении Саввы в графское достоинство Российской империи (1725 г.) особо подчёркивала его заслуги во время Прутского похода (Дучич 2009: 232).

Среди бумаг царя имеется план военных действий против Турции, по всей видимости, составленный Рагузинским. Один из пунктов плана гласит: «В Венецию послать человека умного, кои смог бы разведать тамошние намерения и нам о них донести шифром» (Шаркова 1981: 105, прим. 99). Это подтверждает высказанное нами выше предположение, что Рагузинский и стал инициатором открытия консульства, тем более что Д. Боцис был его близким другом (Шаркова 1981: 125). Косвенно эту гипотезу подтверждает тот факт, что консульский патент Боцису выписан 2 марта 1711 г., а грамота черногорскому народу, в которой славяне призваны к восстанию против османов и за которой наверняка стоит Рагузинский, опубликована 3 марта[21].

Рагузинский прибыл в Венецию в 1716 г. и оставался там до 1722 г., выполняя различные поручения Петра, прежде всего коммерческого свойства, но не только (Андросов 1984: 60). Пётр снабдил его рекомендательным письмом к дожу, где цель его приезда указана так: «для посещения своей фамилии и исправления порученных ему дел» (Бантыш-Каменский 1896: 215). Действительно, статус графа был частным, он не получил никакого официального наименования, но, тем не менее, был принят дожем, а впоследствии развил такую бурную деятельность, о которой можно с уверенностью сказать, что ветеран Прутского похода

[19] *ПБПВ*. Т. 11. Вып. 1. С. 492.
[20] *ПБПВ*. Т. 11. Вып. 1. С. 298-299, 302-303, 556, 558.
[21] *ПБПВ*. Т. 11. Вып. 1. С. 117-119.

один сделал больше, чем его предшественники Боцис и Каретта вместе взятые. Положение неформального посланника царя, немалые деньги, а также старые знакомства в среде аристократов открыли ему двери не только дворца дожей и светских салонов, но и таможенного ведомства республики. К тому же, он был женат на Вирджинии Тревизан, происходившей из знатного (хотя и обедневшего) рода (Далле Фузине, Андросов 1993: 167).

Рагузинский активно взялся за организацию двусторонних коммерческих рейсов, точно руководствуясь приглашением царя Петра венецианским купцам к торговле с Санкт-Петербургом. С 1717 по 1722 гг. он отправил в Россию шесть кораблей (Шаркова 1981: 129-130). А «в 1718 г. венецианская гавань впервые увидела российский флаг: 7 мая туда прибыл из Санкт-Петербургского порта после многомесячного пути русский военный корабль "Армонт" с грузом казенных товаров. Определение о посылке русского корабля в Венецию было подписано Петром I в Гааге 12 марта 1717 г.» (Шаркова 1981: 130). Рагузинский сообщал, что «венециани со всякой склонностью подданным вашего величества служить обещаются» (Шаркова 1981: 131).

Эти корабли, курсировавшие между итальянскими и русскими портами, везли товары не только казённые, но и собственные Владиславича. Ему было выгоднее провозить свои товары вместе с царскими (зачастую занимавшими значительно меньше места, чем его собственные), ибо так он получал освобождение от европейских и русских пошлин, декларируя все товары как «государевы».

Круг поручений, которые исполнял Рагузинский, был весьма обширен: кроме торговли, скупки произведений искусства и надзора за русскими гардемаринами, это были дела дипломатического характера, а также наём специалистов[22].

Дипломатическая часть миссии включала себя информирование о событиях в Италии, о второй Морейской войне и в том числе о составе турецкого флота. С другой стороны, он сообщал венецианцам о событиях в России, особенно о перипетиях Северной войны, что способствовало повышению престижа России в Венеции и в Европе в целом. Так, признание за Россией статуса империи, провозглашённого 22 октября/2 ноября 1721 г., последовало в Венеции уже 16 декабря, то есть практически сразу по получении сообщения из России. Вероятно, за этим скорым и не вполне выгодным для Венеции признанием (которое было неприятно Австрии) стояли дипломатические усилия С. Рагузинского (Андросов 1984: 62).

Ему же поручались ответственные комиссии, связанные с поиском и приобретением в Италии произведений искусства для дворцов царя и санкт-

[22] Венеция в конце 90-х гг. XVII в. привлекала молодого царя именно в части кораблестроения. Не перестало быть актуальным это направление и с началом Северной войны – венецианцы приняли участие как в строительстве, так и в управлении российским флотом. В дальнейшем, как видим, русские навигаторы, в данном случае гардемарины, направлялись в Республику для помощи в боевых действиях и прохождения морской практики.

петербургской знати (Крылова 1939: 73). Так, он возглавил переговоры с госсекретарём Папского государства кардиналом Оттобони о приобретении статуи Венеры для Зимнего дворца в Петербурге и в связи с этим получил аудиенцию у Папы римского (Шмурло 1894: 102-103)[23].

Параллельно с Рагузинским в Венеции работал П.И. Беклемишев (до 1720 г.), прибывший в том же 1716 г. на место Каретты и сумевший наладить государственную торговлю не только с Венецией, но и с Тосканским герцогством[24]. Его работа, несомненно, связана с русско-турецким конфликтом 1710 г., будучи, как и миссия Рагузинского, в некотором роде его следствием. Беклемишев занимался почти исключительно коммерческими вопросами.

Послесловием к трудам современников и участников Прутского похода стала деятельность в лагуне венецианского грека Андрея Кассиса, советника Мануфактур- и Коммерц-коллегий, посланного в конце правления Петра Великого для найма мастеров, особенно шелководов, виноградарей и табаководов (Μάλλιαρης 2008: 193). Он пробыл в Венеции с 1724 по 1727 гг., результатом чего, среди прочего, стал «Проэкт о итальянских мануфактурах и мастерах, и обучении тамошних художеств русских учеников», в котором по заданию царя были изложены предложения по перенесению в Россию знаний, связанных в основном с технологиями производства тканей. На проект наложена резолюция Петра (Шмурло 1897: 69). Вернувшись в Россию, Кассис продолжил трудиться на государственной службе, но уже не столь удачно, как при Петре. В период бироновщины он даже угодил в тюрьму. Его женой была племянница консула Д. Боциса, и, возможно, по совету последнего Кассис в 1740 г. вновь поехал в Венецию и оттуда написал прошение на имя императора Иоанна Антоновича с просьбой о назначении его русским резидентом (Шмурло 1897: 25, 28, 57-58). Эта попытка воссоздать российское представительство в Венецианской республике после отъезда консула Д. Боциса успехом не увенчалась. Прошение было оставлено без внимания, вероятно, по причине политических коллизий в России, но сама попытка показательна как своего рода постскриптум ко второму периоду русско-венецианских отношений при Петре Великом, тем более что Андрей Кассис входил в круг братьев Боцисов и С. Рагузинского.

* * *

Неудачный Прутский поход стал отправной точкой для возобновления отношений России с Венецианской республикой, которые следует признать весьма успешными и взаимовыгодными. Оставленное без внимания прошение Кассиса о восстановлении представительства не поставило точку в истории русского консульства в Венеции. С восшествием на престол Екатерины II этот вопрос

[23] Его переписку, а также письма Петра к кардиналу Оттобони опубликованы, см. (Андросов 2013: 97, 118).
[24] О деятельности П.И. Беклемишева см. подробнее: (Шаркова 1981: 115, 124; Крылова 1939: 60, 64).

решился положительно: первым консулом после перерыва стал в 1768 г. влиятельный грек маркиз Панос Маруцци (Maltezou 2000: 167, 173; Maltezou 1989: 68, 74; Фадеева 2012). Само консульство просуществовало до 30-х гг. XIX в.

Помимо возобновления дипломатических отношений с потенциальными союзниками в перспективе совместных антиосманских действий на государственном уровне, контакты с Венецией преследовали цель «точечной» вербовки подданных Республики для гражданских и военных целей; примером подобного найма десятью годами раньше был Иван Боцис. И если политическая задача глобального втягивания итальянцев в конфликт с Портой, во многом из-за неудачи Прутского похода, не удалась, то взаимодействие с венецианцами на уровне вербовщиков и торговых агентов сложилось неплохо, и начало ему было положено именно в этот период. Можно даже сказать, что царь не особенно верил, что Австрию и Венецию удастся втянуть в боевые действия, понимая, что они едва ли захотят развязывать новый конфликт с непредсказуемыми последствиями. Его целью было показать силу реформированного государства, пригласить к взаимовыгодному партнёрству, свободно вербовать рекрутов для балканского театра и работы в России, получать информацию о политической обстановке в Италии.

В конечном счете, именно коммерческие цели, первоначально маскировавшие собой военные приготовления, и вышли на первый план, сделавшись основой будущих двусторонних отношений. Две грамоты, написанные накануне Прутского похода, стали, таким образом, первыми ласточками «русского возвращения» в «город на лагунах», а послание дожа, отправленное Петру в дни военной операции в Молдавии, дало позитивный сигнал к принятию нового положения России на европейской политической карте (доказательством чему вскоре стало признание за её главой титула императора) и готовность к взаимовыгодному торговому сотрудничеству.

Прутский поход явился своеобразным водоразделом в отношениях России и Венеции, из военно-технических навсегда превратившихся торговые и культурные.

Столь впечатляющих результатов нельзя было бы добиться без участия в деле петровских эмиссаров, представлявших собой плеяду незаурядных личностей. Начав свою деятельность как помощники царя по реализации его балканской программы внутри России и за её пределами, впоследствии они модифицировали характер своей работы и с успехом реализовали свои таланты на новом, коммерческом, поприще.

Сокращения:

ASVe – Archivio di Stato di Venezia

AAIE – Antico archivio dell'Istituto ellenico

ПБПВ – Письма и бумаги императора Петра Великого

ПДС – Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными

Об авторе:

Алексей Олегович Ястребов – доктор церковной истории, PhD, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории религии и церкви, ИРИ РАН. 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. E-mail: mirofore@gmail.com

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 94, 327
Received: November 10, 2021
Accepted: December 10, 2021

Peter the Great's Venetian Policy and the Prut Campaign

A.O. Yastrebov
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-172-190

Institute of Russian History of RAS

Abstract: Russia's regular contacts with the Republic of Venice on the eve of the Russian-Turkish war 1710-1713 resumed after almost a ten-year break. Before Sultan Ahmed III declared war, the Tsar sent two letters to the doge. They can be interpreted as a call to Venice to recognize the intermediate results of the Northern War and as an appeal to the republic's orthodox subjects to join Russia in the impending conflict. This episode is scarcely covered in Russian and international historiography. The connection of the envoys with the Prut campaign is also not covered in the literature. Therefore, it seems necessary to establish a connection between the two events, especially in changes in Russian foreign policy towards Venice.

In March 1711, a Russian consul was sent to Venice to build support and attract volunteers for the opening theater of military operations in the Balkans. It is no coincidence that Dmitry Bozis became the first Russian consul in Italy. Being a prominent representative of the Greek community of the capital, he successfully extended his influence not only to the local Greeks but also to the Slavs of Dalmatia, who wanted to serve the Russian Tsar and fight the Turks.

The outcome of the Prut campaign did not affect the consulate's work and the trade mission. Agents of the Russian government, who had commercial orders, were sent to Venice, and successfully fulfilled their mission. One of them was Count Savva Raguzinsky, an outstanding diplomat and successful commercial agent. His activities were relatively peaceful, although they still included political monitoring and legal intelligence.

The resumption of bilateral relations caused by the Prut operation positively affected Russian-Venetian relations. Since the departure of the consul Bozis and the diplomatic agent Caretta, who had the authority to create a second Balkan "front" in the rear of the Sultan, after July 12, 1711, the Russian mission transformed into a commercial agency with broad diplomatic powers. These changes open a new, fruitful period in the history of bilateral relations between Russia and Venice.

Keywords: Peter I, the Prut campaign, the Republic of Venice, consulate, Dmitry Bozis, Savva Vladislavich Raguzinsky, Petr Tolstoy

About the author:

Alexey O. Yastrebov – Doctor of Church History, Doctor of philosophy (PhD), Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Center for the History of Religion and Church, IRH RAS 117292 Moscow, Ul. Dm. Ulyanova, 19. E-mail: mirofore@gmail.com

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests.

References:

Καραθανάσης Α. 2000. *Οι Έλληνες λόγιοι στη Βλαχία 1670-1714. Συμβολή στη μελέτη της ελληνικής πνευματικής κίνησης στις παραδουνάβιες ηγεμονίες κατά την προφαναριώτικη περίοδο.* Θεσσαλονίκη: Κυριακίδη. 279 σ. (In Greek)

Μάλλιαρης Α. 2008. Η Πάτρα κατά τη Βενετική περίοδο (1687-1715) Γη, πληθυσμοί, κοινωνία στη Β.Δ. Πελοπόννησο. *Βενετία: εκδ. Ελληνικό Ινστιτούτο Βυζαντινών και Μεταβυζαντινών Σπουδών Βενετιας.* 281 σ. (In Greek)

Μαλτέζου Χ. 2000. Οι αμπασαδόροι της Μεγάλης Μοσχοβίας στη Βενετία και ο Κρητικός Πόλεμος. *Θησαυρίσματα*. № 30. Σ.9-20. (In Greek)

Παπακώστα Χ. 2011. Οι Ρώσοι πρόξενοι στη βενετική επικράτεια το 18ο αιώνα *Ρωσία και Μεσόγειος. Πρακτικά Α΄ διεθνούς συνεδρίου (Αθήνα, 19-22 Μαΐου 2005).* Όλγα Κατσιαρδή-Hering, Αθηνά Κόλια-Δερμιτζάκη, Κατερίνα Γαρδίκα, συνεργ. Μικέλα Σκούντζου. Τ. Α. Αθήνα. Σ. 419-437. (In Greek)

Cantemir D. 1973. Historian of South East European and Oriental civilizations: Extracts from *The History of the Ottoman Empire.* Ed. Duțu A., Cernovodeanu P. București: Association internationale d'études du sud-est européen, Balkan Peninsula. 360 p. (In Romanian)

Cernovodeanu P., Lazea A., Carataşu M. 1973. Din corespondența inedită a lui Dimitrie Cantemir. *Studii. Revista de istorie.* București. №5. P. 1023-1049. (In Romanian)

Corti M. 2016. *Italiani d'arme in Russia. Artigiani, ingegneri, ufficiali in un esercito straniero (1400-1800).* Roma: Carocci. 200 p. (In Italian)

Di Salvo M. 2003. Bombe intelligenti per Pietro il Grande. *Studi in onore di Riccardo Picchio, offerti per il suo ottantesimo compleanno.* A cura di R.Morabito; Università degli studi di Napoli, L'Orientale dipartimento di studi dell'Europa Orientale. Napoli. P. 295-301. (In Italian)

Di Salvo M. 1999. Vita e viaggi di Filippo Balatri. Preliminari all'edizione del testo. *Russica Romana.* Vol. 6. Roma. P. 37-58. (In Italian)

Maltezou Ch. 2000. Greci di Venezia al servizio della Russia nel Settecento. *Θησαυρίσματα*. №30. P. 167-173. (In Italian)

Maltezou Ch. 1989. Les Grecs devant Moscou – ville imperiale. *Studia Slavico-Byzantina et Mediaevalia Europensia.* T. 1. P. 68-74. (In French)

Piovene Cevese C. 1981. *Petr Andreevič Tolstoj: un viaggiatore d'eccezione al tempo di Pietro il Grande.* Genève: Slatkine. 104 p. (In Italian)

Vătămanu N. 1962. Iacob Pylarino, medic al curții domnești din București (1684-1687; 1694-1708). *Din istoria medicinii românești și universale.* București. P. 121-132. (In Romanian)

Vătămanu N., Carataşu M. 1972. Trois lettres inédites de Jean Comnèn. *Revue Roumaine d'Histoire.* №11. P. 137-145. (In French)

Androsov S.O. 1984. Raguzinskii v Venetsii: Priobretenie statuj dlya Letnego Sada [Raguzinsky in Venice: Acquisition of Statues for the Summer Garden]. *Skul'ptura v muzee.* Leningrad. P. 60-83. (In Russian)

Androsov S.O. 1996. Petr Velikii v Venetsii [Peter the Great in Venice]. Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Cargnano 1994 – Roma. P. 19-27. (Petr I v Venetsii). *Voprosy Istorii.* 1995. №3. P. 129-135. (In Russian)

Androsov S.O. 2004. *Petr Velikii i skul'ptura Italii [Peter the Great and the scuplture of Italy] (Pietro il Grande e la scultura Italiana).* Saint Petersburg: ARS. 418 p. (In Russian, In Italian)

Androsov S.O. 2013. Ot Petra I k Ekaterine II. Lyudi, statui, kartiny [From Peter I to Catherine II. People, Statues, Paintings]. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin. 336 p. (In Russian)

Androsov S.O. 2014. Otzvuki dela tsarevicha Alekseya v Italii [Echoes of the Case of Tsarevich Alexei in Italy]. *Italiya i Evropa. Sbornik pamyati Viktora Ivanovicha Rutenburga.* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. P. 238-242. (In Russian)

Bantysh-Kamenskii N.N. 1896. *Obzor vneshnikh snoshenii Rossii [Review of Russia's External Relations].* Ch. 2. Moscow. Tip. E. Lissnera i Yu. Romana. 271 p. (In Russian)

Berkh V.N. 1831. *Zhizneopisaniya pervykh rossiiskikh admiralov ili opyt istorii rossiiskogo flota [Biographies of the first Russian Admirals or the Experience of the History of the Russian Fleet].* Ch. 1-4. Saint Petersburg: Morskaya tipografiya. 1204 p. (In Russian)

Chistovich Ya.A. 1883. *Istoriya pervykh meditsinskikh shkol v Rossii [History of the First Medical Schools in Russia].* Saint Petersburg: Tipografiya Ya. Treya. 1040 p. (In Russian)

Corti M. 2010. *Drugie ital'yantsy: vrachi na sluzhbe Rossii [Other Italians: Doctors in the Service of Russia].* Saint Petersburg: zhurnal «Zvezda». 208 p. (In Russian)

Corti M. 2013. Kapitan «Malina». Venetsianets iz Adriatiki v Baltiiskom more [Captain "Malina". A Venetian from the Adriatic in the Baltic Sea]. *Klio*. 4(88). 2014. P. 97-103 (Corti M. Capitan «Malina». Un veneziano dall'Adriatico al Mar Baltico. Collana Sism. №1. 30 p.). (In Russian, in Italian)

Dalle Fusine K., Androsov S.O. 1993. O portretakh Savvy Vladislavicha Raguzinskogo [On the portraits of Savva Vladislavich Raguzinsky]. *Stranitsy istorii zapadnoevropeiskoi skul'ptury. Sbornik nauchnykh statei pamyati Zh.A. Matsulevich (1890-1973).* Saint Petersburg. P. 164–171. (In Russian)

Di Salvo M. 1994. Vokrug poezdki Ioannikiya Lihuda v Veneciyu [Around the Trip of Ioannikius Likhud to Venice (1688-89)]. *Ricerche slavistiche.* (XLI). P. 211-226. (In Russian)

Duchich I. 2009. *Graf Savva Vladislavich. Serb-diplomat pri dvore Petra Velikogo i Ekateriny I [Count Savva Vladislavich. Serbian diplomat at the court of Peter the Great and Catherine I].* Per. s serbskogo V.N. Sokolova. Saint Petersburg: Skifiya. 304 p. (In Russian)

Elagin S.I. 1864. *Istoriya russkogo flota. Period Azovskii [History of the Russian Navy. The Azov Period].* Saint Petersburg: Tipografiya Gogenfel'dena i Ko. 387 p. (In Russian)

Elagin S.I. 1866. *Materialy dlya istorii russkogo flota. Baltiiskii flot 1702–1725 [Materials for the History of the Russian Fleet. Baltic Fleet 1702-1725].* T. III. Saint Petersburg: Tipografiya Morskogo ministerstva. 749 p. (In Russian)

Fadeeva T.M. 2012. Grecheskii proekt v litsakh: markiz Pano Marutstsi, knyazhna Zoya Gika, brat'ya Aleksei i Fedor Orlovy v Arkhipelagskoi voine (1768–1769) [Greek Project in the Faces: Marquis Pano Maruzzi, Princess Zoya Gika, Brothers Alexei and Fyodor Orlov in the Archipelago War (1768–1769)]. *XVIII Mezhdunarodnye Dashkovskie chteniya. Moskovskii gumanitarnyi institut imeni E.R. Dashkovoi.* Moscow. 23 marta 2012. Rukopis'. (In Russian)

Guzevich D., Guzevich I. 2003. *Velikoe posol'stvo: Rubezh epokh, ili nachalo puti. 1697-1698 [The Great Embassy: The Edge of Epochs, or the Beginning of the Path. 1697-1698].* Saint Petersburg: Feniks. 305 p. (In Russian)

Kardanova N.B. 2013. *Diplomaticheskie poslaniya Petra Velikogo dozham Venetsianskoi Respubliki: Tematika, Zhanr, Stil', Epistolyarnyi etiket [Diplomatic Messages of Peter the Great*

to the Doges of the Venetian Republic: Subject, Genre, Style, Epistolary Etiquette]. Diss. …dokt. filolog. nauk. Mashinopis'. Moscow. 535 p. (In Russian)

Krylova T.K. 1939. Rossiya i Venetsiya na rubezhe XVII i XVIII vv. [Russia and Venice at the Turn of the 17th and 18th Centuries]. *Uchenye zapiski Leningr. ped. in-ta im. A.I. Gertsena.* T. 19. P. 43-82. (In Russian)

Krylova T.K. 1941. Russko-turetskie otnosheniya vo vremya Severnoi voiny [Russian-Turkish Relations during the Northern War]. *Istoricheskie zapiski. AN SSSR.* In-t istorii. T. 10. P. 250-279. (In Russian)

Pekarskii P.P. 1862. *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom [Science and Literature in Russia under Peter the Great].* T. 1-2. Saint Petersburg: Obshchestvennaya pol'za. 1312 p. (In Russian)

Rikhter V.M. 1814, 1820. *Istoriya meditsiny v Rossii [History of Medicine in Russia].* T. 1, 2. Moscow: Tip. Mosk. un-ta,. 462 p., 531 p. (In Russian)

Sharkova I.S. 1972. Posol'stvo Chemodanova i otkliki na nego v Italii [Chemodanov's Embassy and Responses to it in Italy]. *Problemy istorii mezhdunarodnykh otnoshenii. Sbornik statei pamyati akademika E.V. Tarle.* Leningrad. P. 207-223. (In Russian)

Sharkova I.S. 1981. *Rossiya i Italiya: Torgovye otnosheniya XV – pervoi chetverti XVIII v. [Russia and Italy: Trade Relations of the 15th – First Quarter of the 18th Century].* Leningrad: Nauka. 208 p. (In Russian)

Shmurlo E. F. 1897. Otchet o zagranichnoi komandirovke osen'yu 1897 g. [Report on a Business Trip Abroad in the Fall of 1897]. *Uch. zap. Imp. Yur'evskogo un-ta. Yur'ev.* № 1. Prilozh. 80 p. (In Russian)

Shmurlo E.F. 1894. Otchet o dvukh komandirovkakh v Rossiyu i za granitsu v 1892/3 i 1893/4 gg. [Report on Two Business Trips to Russia and Abroad in 1892/3 and 1893/4]. *Uch. zap. Imp. Yur'evskogo un-ta.* Yur'ev. № 3. (In Russian)

Veselago F.F. 1875. *Ocherk russkoi morskoi istorii [Essay on Russian maritime history].* Ch. 1. Saint Petersburg: Tipografiya V. Demakova. 652 p. (In Russian)

Veselago F.F. 1885. *Obshchii morskoi spisok, chast' 1. Ot osnovaniya flota do konchiny Petra Velikogo [General Naval List, part 1. From the Founding of the Fleet to the Death of Peter the Great].* Saint Petersburg: Tipografiya V. Demakova. 454 p. (In Russian)

Yastrebov A. O. 2018. *Russko-venetsianskie diplomaticheskie i tserkovnye svyazi v epokhu Petra Velikogo* [Russian-Venetian Diplomatic and Church Relations in the Era of Peter the Great]. Moscow: Poznanie. 392 p. (In Russian)

Yastrebov A.O. 2016. Khodataistvo Petra I za pravoslavnykh Venetsii kak chast' rossiiskoi vneshnei politiki [Peter I's petition for the Orthodox of Venice as part of Russian foreign policy]. *Vestnik PSTGU II. 1(68).* P. 123-140. DOI: 10.15382/sturII201668.123-140 (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Андросов С.О. 1984. Рагузинский в Венеции: Приобретение статуй для Летнего Сада. *Скульптура в музее.* Ленинград. С. 60-83.

Андросов С.О. 1996. Пётр Великий в Венеции. *Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia.* Cargnano 1994-Roma. P. 19-27. (Пётр I в Венеции. Вопросы Истории. 1995. №3. С. 129-135).

Андросов С.О. 2004. *Пётр Великий и скульптура Италии (Pietro il Grande e la scultura Italiana).* Санкт-Петербург: АРС. 418 с.

Андросов С.О. 2013. *От Петра I к Екатерине II. Люди, статуи, картины.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 336 с.

Андросов С.О. 2014. Отзвуки дела царевича Алексея в Италии. *Италия и Европа. Сборник памяти Виктора Ивановича Рутенбурга.* Санкт-Петербург: Нестор-История. С. 238-242.

Бантыш-Каменский Н.Н. 1896. *Обзор внешних сношений России.* Ч.2. Москва: Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа. 271 с.

Берх В.Н. 1831. *Жизнеописания первых российских адмиралов или опыт истории российского флота.* Ч. 1-4. Санкт-Петербург: Морская типография. 1204 с.

Веселаго Ф.Ф. 1885. *Общий морской список, часть 1. От основания флота до кончины Петра Великого.* Санкт-Петербург: Типография В. Демакова. 454 с.

Веселаго Ф.Ф. 1875. *Очерк русской морской истории.* Ч. 1. Санкт-Петербург: Типография В. Демакова. 652 с.

Гузевич Д., Гузевич И. 2003. *Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути. 1697-1698.* Санкт-Петербург: Феникс. 305 с.

Далле Фузине К., Андросов С.О. 1993. О портретах Саввы Владиславича Рагузинского. *Страницы истории западноевропейской скульптуры. Сборник научных статей памяти Ж.А. Мацулевич (1890-1973).* Санкт-Петербург. С. 164–171.

Ди Салво М. 1994. Вокруг поездки Иоанникия Лихуда в Венецию (1688-89). *Ricerche slavistiche.* (XLI). P. 211-226. (In Russian)

Дучич Й. 2009. *Граф Савва Владиславич. Серб-дипломат при дворе Петра Великого и Екатерины I.* Пер. с сербского В.Н. Соколова. Санкт-Петербург: Скифия. 304 с.

Елагин С.И. 1864. *История русского флота. Период Азовский.* Санкт-Петербург: Типография Гогенфельдена и Ко. 387 с.

Елагин С.И. 1866. *Материалы для истории русского флота. Балтийский флот 1702–1725.* Т. III. Санкт-Петербург: Типография Морского министерства. 749 с.

Карданова Н.Б. 2013. *Дипломатические послания Петра Великого дожам Венецианской Республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет.* Дисс. …докт. филолог. наук. Машинопись. Москва. 535 с.

Корти М. 2010. *Другие итальянцы: врачи на службе России.* Санкт-Петербург: журнал «Звезда». 208 с.

Корти М. 2014. Капитан «Малина». Венецианец из Адриатики в Балтийском море. Клио. 4(88). С. 97-103 (Corti M. Capitan «Malina». Un veneziano dall'Adriatico al Mar Baltico. *Collana Sism.* №1. 2013. 30 p.).

Крылова Т.К. 1939. Россия и Венеция на рубеже XVII и XVIII вв. *Учёные записки Ленингр. пед. ин-та им. А.И. Герцена.* Т. 19. С. 43-82.

Крылова Т.К. 1941. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. *Исторические записки АН СССР, Ин-т истории.* Т. 10. С. 250-279.

Пекарский П.П. 1862. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1-2. Санкт-Петербург: Общественная польза. 1312 с.

Рихтер В.М. 1814, 1820. *История медицины в России.* Т. 1, 2. Москва: Тип. Моск. ун-та. 462 с., 531 с.

Фадеева Т.М. 2012. Греческий проект в лицах: маркиз Пано Маруцци, княжна Зоя Гика, братья Алексей и Фёдор Орловы в Архипелагской войне (1768–1769). *XVIII Международные Дашковские чтения. Московский гуманитарный институт имени Е.Р. Дашковой.* Москва. 23 марта 2012. Рукопись.

Чистович Я.А. 1883. История первых медицинских школ в России. Санкт-Петербург: Типография Я. Трея. 1040 с.

Шаркова И.С. 1972. Посольство Чемоданова и отклики на него в Италии. *Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти академика Е.В. Тарле.* Ленинград. С. 207-223.

Шаркова И.С. 1981. *Россия и Италия: Торговые отношения XV – первой четверти XVIII в.* Ленинград: Наука. 208 с.

Шмурло Е.Ф. 1894. Отчёт о двух командировках в Россию и за границу в 1892/3 и 1893/4 гг. *Уч. зап. Имп. Юрьевского ун-та.* Юрьев. № 3.

Шмурло Е. Ф. 1897. Отчёт о заграничной командировке осенью 1897 г. *Уч. зап. Имп. Юрьевского ун-та. Юрьев.* № 1. Прилож. 80 с.

Ястребов А.О. 2018. *Русско-венецианские дипломатические и церковные связи в эпоху Петра Великого.* Москва: Познание. 392 с.

Ястребов А.О. 2016. Ходатайство Петра I за православных Венеции как часть российской внешней политики. *Вестник ПСТГУ II. 1(68).* С. 123-140. DOI: 10.15382/sturII201668.123-140.

Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(6). С. 191–199
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-191-199

Check for updates

Новые бизнес-модели: доминирование ценностей глобальной устойчивости

Е.В. Строганова, С.А. Сергеева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на книгу: Jonker J., Faber N. 2021. *Organizing for Sustainability. A Guide to Developing New Business Models.* Palgrave Macmillan, Cham. 242 p. DOI: 10.1007/978-3-030-78157-6

Ключевые слова: бизнес-модель, бизнес-моделирование, устойчивость, ценность, устойчивые закупки, циркулярная экономика, модель потребления

Бизнес-моделирование появилось и захватило умы владельцев корпораций и предпринимателей в 70-е гг. прошлого века, когда началась реализация крупномасштабных отраслевых и международных проектов с высокой степенью сложности, применением прогрессивных технологий в таких отраслях, как нефтедобыча и нефтехимия, атомная энергетика, космические полёты, транспортировка грузов и др. Это требовало проведения не только технико-экономических расчётов, но и тщательной проработки сценарных вариантов коммерциализации бизнеса с учётом влияния множества экономических и неэкономических факторов, что привело к необходимости проектирования более динамичной связи между элементами проекта (ресурсами, персоналом, временем реализации, показателями контроля и эффективности), которую удалось представить в виде специально сформированной бизнес-модели (Baden-Fuller, Haefliger 2013). Развитие информационных технологий в 80-е гг. позволило оцифровать такие модели, что привело к формированию программных продуктов для бизнес-моделирования, включая CASE-технологии (Computer-Aided Software/System Engineering) и BMS (Business Modeling Software). Однако современный этап бизнес-моделирования, несмотря на активное развитие цифровых технологий, почти полностью сместился в сферу проектирования бизнес-моделей как некоторого описания идеологии работы компании, вклю-

УДК: 339.94
Поступила в редакцию: 10.10.2021 г.
Принята к публикации: 18.11.2021 г.

чая схему для генерирования доходов от деятельности, которая соответствует её стратегическим приоритетам, в результате чего сегодня мы можем идентифицировать более 150 различных бизнес-моделей (Гассман, Франкенбергер, Шик 2017). С другой стороны, становится всё более очевидным, что для достижения общемировых целей в области устойчивого развития часто требуется не только разработка новых продуктов и технологий или постепенное совершенствование работы компаний, но и целостная система ценностей, которая изменяется посредством совершенствования бизнес-моделей. Следует также отметить, что ситуация пандемийного кризиса отчетливо показала, что компании, которые не меняют свои бизнес-модели, не адаптируют свою деятельность под изменяющиеся условия, с большой вероятностью являются верными кандидатами на статус банкротов и ликвидацию бизнеса.

Поэтому развитие вариантов для получения доходов и стало отправной точкой реорганизации и перепроектирования бизнес-моделей в современной экономике, которая характеризуется динамичностью и неопределённостью и требует от экономических субъектов активных адаптивных действий для достижения предпринимательских целей без ущерба для развития общества, что и является основной идеей книги голландских авторов – профессора и заведующего кафедрой «Устойчивое предпринимательство» в Неймегенской школе менеджмента Яна Йонкера и доцента кафедры предпринимательства в циркулярной экономике в Университете Гронингена в Леувардене Нильса Фабера – опубликованной в издательстве Palgrave Macmillan в 2021 г. под названием «Организация в интересах устойчивого развития. Руководство по разработке новых бизнес-моделей».

Авторы книги пытаются найти золотую середину между классическим представлением о бизнес-модели как о способе, которым компания создаёт ценность для клиентов (Osterwalder, Pigneur 2010), побуждает их платить за ценность (Teece 2010) и получает от этого прибыль (Chesbrough 2007), и как о бизнес-концепции, которая оказывает положительное влияние на людей (т.е. потребителей), общество, социальную и экологическую среду. Сами авторы, очевидно, в силу своей научной специализации (циркулярная экономика) более тяготеют ко второму обоснованию, придерживаясь неденежного ценностно-ориентированного подхода к бизнес-моделированию, который усилился вследствие фактических тенденций современного бизнеса к проявлению корпоративной социальной ответственности в условиях всеобщей цифровизации и глобальной конкуренции, когда экономика должна стать не просто циркулярной (экономикой замкнутого цикла), но и восстанавливающейся (стр. 61), которая сосредоточена, например, на восстановлении биоразнообразия (а не на его истощении) и которая даёт больше, чем использует.

При этом интересно, что уже в заключении к книге авторы признают, что новые бизнес-модели, создающие множественную ценность, которые можно рассматривать даже как революционные (стр. 6), реально в экономике сформи-

ровать пока сложно вследствие определённого декларативного характера перехода к устойчивой, циркулярной и инклюзивной экономике и существующих ловушек стремления к прибыльности в предпринимательских решениях и всё ещё недостаточно рациональной модели потребления людей. Поэтому и формирование бизнес-модели, отличающейся от традиционной другим приоритетом создания стоимости, является центральной проблемой книги. Т.е. эта стоимость представляет собой, по их мнению, не финансовую оценку, а ценность для развития устойчивости в контексте достижения целей устойчивого развития, что требует: а) развития исследований процессов создания множественной ценности в существующих бизнес-моделях или развития методологии формирования новых бизнес-моделей; б) понимания иной организации ценностного предложения со стороны компании или предпринимателя, при котором ответственность разделяется между обеими сторонами – и производителем (продавцом) и покупателем; в) внедрения принципиально новых форм совершения транзакций (продаж, закупок) с использованием современных и прогрессивных финансовых технологий, включая гибридные транзакции, криптовалюты и технологии блокчейн.

Самой акцентной методической и практико-ориентированной компонентой книги является шаблон новой бизнес-модели (Business Model Template – BMT), разработанный авторами. В их интерпретации это позволяет реализовать структурированный подход, который может применяться как в реальном бизнесе, так и в учебных целях для студенческой аудитории, и в результате выявления отрицательных и положительных воздействий и последовательных выборов критериев и факторов бизнеса получить определённую бизнес-модель нового типа, с чётким и обоснованным ценностным предложением, согласованным с идеями устойчивой, циркулярной и инклюзивной экономики, тем самым сделав вклад в решение социально-экономических и экологических проблем в мире.

По замыслу авторов, данный шаблон должен быть заполнен в три этапа и включает в себя десять составных блоков, облегчающих разработку бизнес-модели. Именно с этих позиций и выстроена структура книги, включающая три раздела: сначала должна быть пройдена стадия определения при формировании бизнес-модели, затем собственно стадия её проектирования и, наконец, стадия оценки полученных результатов при реализации бизнес-модели. Таким образом, на каждой стадии должен быть сформирован конкретный составной блок бизнес-модели, которому посвящена отдельная глава в книге (с 3 по 12 главу).

Следует отметить, что идея проектирования новой бизнес-модели, которая предложена в данной книге, согласуется с уже ставшей классической моделью А. Остервальдера, включающей девять строительных блоков бизнес-модели (Osterwalder, Pigneur 2010). Модель А. Остервальдера описывает ценность, которую компания предлагает различным клиентам, отражает её компетенции (способности или преимущества), партнёров, требуемых для создания, продви-

жения и поставки этой ценности клиентам, а также финансовые ресурсы, необходимые для получения устойчивых потоков дохода. Таким образом, модель А. Остервальдера более ориентирована на описание бизнеса с позиции формирования денежного дохода, что и будет символизировать результативность бизнес-модели.

В отличие от этой модели, шаблон бизнес-модели, предложенной Я. Йонкером и Н. Фабером в рецензируемой книге, включает определённые строительные блоки (здесь их уже 10), но они имеют другие сущностные и оценочные параметры, и в целом сама новая бизнес-модель, которая должна быть спроектирована в результате, будет уже иметь некоторую множественную ценность, а не ориентацию исключительно на получение прибыли. Кстати, сами авторы отмечают, что в бизнес-моделировании их шаблон бизнес-модели не является ни первым и ни последним, и признают, что на формирование собственной модели их подтолкнуло, с одной стороны, наличие схожих подходов к формированию бизнес-моделей и определённые их недостатки (стр. 51–52), а с другой стороны, потребность выделить целевое влияние бизнес-модели на экологию и экосистемы, общество, инклюзивность и экономику.

Сам выбор составных элементов шаблона бизнес-модели представляется нам оригинальным, и фактически он определённым образом синтезирует подходы и методы, применявшиеся ранее в стратегическом управлении, но теперь возможности для их интерпретации и использования для понимания способа реализации прагматичных или инновационных бизнес-идей встроены в последовательность действий, включающих следующие элементы: 1) понимание сущности бизнес-идеи и её контекста, включая и идентификацию оригинальности и отличия от существующих видов предпринимательской деятельности; 2) понимание возможности изменений вследствие реализации бизнес-проекта, вплоть до реализации определённой бизнес-мечты или стремления к предоставлению общественных благ; 3) план действий в рамках бизнес-плана, включая идентификацию возможных проблем и вариантов их решения; 4) выбор бизнес-модели из определённого перечня паттернов (архетипов) для создания запланированной ценности; 5) определение партнёров, с которыми возможно совместно создавать множественную ценность; 6) разработка стратегии для реализации бизнес-проекта и его ключевых ориентиров; 7) составление плана по реализации стратегии; 8) проверка правильности и реализуемости целевой ценности, которая определена в стратегии и бизнес-модели; 9) проявление реализации бизнес-модели для внешней среды, включая как положительные, так и отрицательные последствия в настоящее время и в перспективе; 10) создание множественной ценности посредством проектирования системы транзакций, включая общественные отношения. То есть авторы, последовательно двигаясь от идеи к результатам, воспроизводят в своём шаблоне бизнес-модели концепцию создания ценности с учётом положений устойчивой, циркулярной и инклюзивной экономики. Следовательно, применение шаблона через отработку

каждого из 10 составных элементов даёт определённую гарантию понимания аспектов устойчивости, которые возможно были бы упущены в отсутствие такого шаблона, а также формирует инструмент для нестандартного осмысления социальных и экологических проблем.

В главе 6 Я. Йонкер и Н. Фабер предлагают свою классификацию паттернов бизнес-моделей, которую они назвали архетипами. По разработанной ими методике шаблона бизнес-модели пользователям необходимо выбрать один из трёх типов (причём выбранная модель становится рабочим прототипом и разрабатывается с нуля или с помощью неё можно преобразовать существующую бизнес модель): 1) платформенная бизнес-модель, направленная на более эффективное использование имеющихся активов, повышение производительности за счёт цифровизации, причём ценность, создаваемая в этом архетипе бизнес-модели, достигается за счёт облегчения транзакций между двумя или более группами людей; 2) общественная или коллективная бизнес-модель, предполагающая взаимодействие компании с участием многих заинтересованных партнёров, населения, государственных структур, инфраструктурных организаций для получения взаимных выгод от реализации разных видов деятельности, причём создание ценности связано с формированием активного сообщества, и такая ценность превышает ценность производимых продуктов или услуг; 3) циркулярные бизнес-модели, ориентированные на сохранение ценности, заложенной в материалах и продуктах, на неопределённо длительное время, что будет способствовать кругообороту этих материальных потоков в рамках функционирования экономики замкнутого цикла. Фактически мы вынуждены признать, что третий архетип бизнес-модели является интегрированным, поскольку для того, чтоб спроектировать циркулярную бизнес-модель, также нужно организовать как производство товаров (т.е. использовать платформенную модель), так и вовлечь в её реализацию как можно больше партнёров (т.е. использовать общественную модель).

Книга написана очень понятным языком для читателя любого уровня экономической подготовки, в ней нет сложных математических или финансовых расчётов, но представлено много примеров (включая не только кейсы, но и ссылки на интернет-страницы и видеоконтент) и конкретных планов, которые создают ощущение причастности к создаваемой новой бизнес-модели. Безусловно важным обстоятельством достоверности и обоснованности методики проектирования новой бизнес-модели для устойчивой экономики, которую предложили авторы в книге, являются данные о её апробации в более чем 20 реальных компаниях и университетах, включая Гаагский университет прикладных наук, Роттердамский университет прикладных наук, Саксонский университет прикладных наук и школу бизнеса TMO Fashion Business School.

Тем не менее существенным достоинством книги является то, что она адресована не только предпринимателям для формирования своих собственных бизнес-моделей, когда у них уже есть некоторая идея для осуществления предпри-

нимательского или инновационного проекта, не только для студентов, которые стремятся получить самые современные знания по проектированию бизнес-моделей, но и для предпринимателей и владельцев и управляющих компаний, которые рассматривают или пересматривают свою стратегию, по-прежнему используют традиционные линейные бизнес-модели, в которых стремление к более высокой прибыли опережает ценности устойчивого развития, циркулярной экономики, экологичности деятельности. Одновременно с этим авторы заявляют, что книга может быть использована и управляющими тех компаний, которые планируют проектировать бизнес-сети (возможно, хотя это и не отражено прямо, – экосистемы бизнеса), однако сосредоточение всего лишь на преимуществах сети и её ресурсах, что будет способствовать её расширению, видится нам несколько ограниченной, поскольку проектирование или расширение сети требует чёткого определения критериев отбора бизнес-направлений в сеть для укрепления её конкурентных позиций, включая и вопросы финансирования и реализации сделок слияний и поглощений, что в книге практически не раскрыто. В целом, можно считать, что целевой аудиторией этой книги должны стать прогрессивные предприниматели, которые желают быть стратегически устойчивыми в своих стремлениях стать успешными в динамичном бизнес-мире с его жёсткой конкуренцией и коммерческими соблазнами.

Очевидно, что перед любым исследователем, который стремится спроектировать наиболее эффективный инструмент, возникает вопрос о его критериях. Поэтому авторы также сделали попытку установить элементы успешной бизнес-модели, применив как свои наработки, так и результаты анализа бизнес-моделей компаний из разных отраслей экономики, опубликованные в журнале *Harvard Business Review* (Kavadias, Ladas, Loch 2016). По их мнению, персонализированный продукт или услуга, производство по замкнутому циклу, совместное использование активов производителями, совместное использование вещей пользователями, сотрудничество с партнёрами, гибкость управления компанией – вот составляющие эффективных бизнес моделей, причём достаточно как минимум трёх таких характеристик для формирования потенциала преобразований в бизнес-модель с множественной ценностью, отвечающую целям устойчивого развития.

Указанная выше позитивная оценка о возможностях проектирования успешных бизнес-моделей несколько необъективна, по нашему мнению. Так, отмечается совместное использование вещей как элемент успешной бизнес-модели, но авторы не поясняют, почему, например, бизнес-модель совместной экономики не стала архетипом (отметим, что её выделяют исследователи, например (Stepnov, Kovalchuk 2020)), а модель циркулярной экономики, которая имеет определённые трудности в реализации, уже выделена ими как паттерн для использования на практике.

Также нелогично для завершённости исследования, что авторы книги не сочли необходимым провести критический сравнительный анализ между разными

шаблонами, которые уже присутствуют в научной литературе и используются на практике, включая образовательные процессы. Например, также для достижения целей устойчивого развития исследователи из Кембриджского университета М. Гейссдойерфер, П. Саваге, С. Эванс (Geissdoerfer, Savaget, Evans 2017) разработали бизнес-модель инновационных процессов (Cambridge Business Model Innovation Process – CBMIP) как решение задачи исключения разрыва между проектированием бизнес-модели и её реализацией, т. е. бизнес-модель должна быть реалистична и реализуема. Концептуально за основу взята устойчивая бизнес-модель (Sustainable Business Models – SBM), которая не просто направлена на достижение целей устойчивого развития (экологической устойчивости и социальной интеграции) посредством взаимодействий заинтересованных сторон (производителей и потребителей, прежде всего), но и осуществление инноваций на уровне бизнес-модели, что возможно при внедрении новых инструментов и методов. Поэтому в целом, CBMIP позиционируется почти как готовый продукт, который гарантирует традиционное создание ценности бизнес-модели через достижение эффективности в экономических, экологических и социальных аспектах. На наш взгляд, это отражает более взвешенный подход, чем уклон исключительно в экономику замкнутого цикла и игнорирование финансовых результатов, представленное в рецензируемой книге. Множественная ценность, декларируемая в новой бизнес-модели, должна включать в себя широкий спектр результатов на благо компании и её заинтересованных сторон, включая, например, эффективность использования ресурсов, устойчивость к внешним потрясениям, улучшение отношений с сотрудниками и сообществами, а также более высокую прибыльность.

Анализ материалов рецензируемой книги также вызывает ряд вопросов, отражающих некоторую противоречивость концентрации авторов на бизнес-модели для целей начала бизнеса, поскольку не раскрывается необходимость увязывания бизнес-плана и бизнес-модели, когда финансовая результативность в их понимании устойчивой бизнес-модели отходит на второй план. Как правило, на практике бизнес-модель позволяет протестировать предпринимательские идеи на предмет их жизнеспособности, коммерциализируемости и успешности, но последовательность действий и ресурсы для деятельности определяются через бизнес-планирование. Также не аргументирована роль бизнес-стратегии, хотя авторы выделили её шестым составным блоком в своём шаблоне бизнес-модели. Стратегия позволяет увидеть разные варианты получения доходов в бизнесе, а вот бизнес-модель – только проверить один из них. Поэтому и есть сомнение в жизнеспособности таких бизнес-моделей в силу уже ранее обозначенного разрыва между проектированием и реализацией без учёта коммерческой составляющей.

Интересно, что в книге практически полностью отсутствует отсылки к использованию современных технологий в производстве товаров или оказании услуг. Возможно, такова позиция авторов, специализирующихся на экономике

замкнутого цикла, однако исключение из бизнес-модели технологической составляющей может привести к потере конкурентных преимуществ (ведь даже в переработке продуктов новые технологии способны принести существенные выгоды как для экономики, так и для общества) и невозможности достичь желанной для них множественной ценности. Кроме того, современная технологическая трансформация вследствие распространения технологий Четвёртой промышленной революции должна приводить и к трансформации бизнес-моделей – поэтому очевидно, что это потребует корректировки авторского шаблона бизнес-модели и в целом перепроектирования бизнес-модели реальной компании.

В заключение отметим, что невозможно не согласиться с основным тезисом рецензируемой книги: бизнес-идеи, которые изначально являются традиционными (т. е. чисто рыночными и ориентированными исключительно на получение прибыли), всё равно будут, но будущее за новыми бизнес-моделями, в которых центральным элементом будет устойчивость как множественная ценность, превращающая рыночные возможности в социальные и экологические.

Об авторах:

Евгения Владимировна Строганова – соискатель, МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: yevgenias@bk.ru
Светлана Александровна Сергеева – кандидат экономических наук, научный сотрудник, МГИМО МИД России. Россия, 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: SergeevaSA3@edu.mos.ru

Конфликт интересов:
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 339.94
Received: October 10, 2021
Accepted: November 18, 2021

New Business Model: the Dominance of Global Sustainability Values

E.V. Stroganova, S.A. Sergeeva
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-191-199

Moscow State Institute of International Relations (University)

Book review: Jonker J., Faber N. 2021.*Organizing for Sustainability. A Guide to Developing New Business Models.* Palgrave Macmillan, Cham. 242 p. DOI: 10.1007/978-3-030-78157-6

Keywords: business model, business modeling, sustainability, value, sustainable procurement, circular economy, consumption model

About the authors:

Evgenia V. Stroganova – postgraduate, MGIMO-University. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454. E-mail: yevgenias@bk.ru
Svetlana A. Sergeeva – PhD in Economics, research assistant, MGIMO-University. 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454. E-mail: SergeevaSA3@edu.mos.ru

Conflict of interests:
The authors declare the absence of conflict of interests.

References:

Baden-Fuller C., Haefliger S. 2013. Business Models and Technological Innovation. *Long Range Planning.* 46(6). P. 419-426. DOI: 10.1016/j.lrp.2013.08.023

Chesbrough H.W. 2007. Why Companies Should Have Open Business Models. *MIT Sloan Management Review*. 48(2). P. 20-28.

Geissdoerfer M., Savaget P., Evans S. 2017. The Cambridge Business Model Innovation Process. *Procedia Manufacturing.* №8. P. 262-269. DOI: 10.1016/j.promfg.2017.02.033

Kavadias S., Ladas K., Loch C. 2016. The Transformative Business Model. *Harvard Business Review.* 94(10). P. 91-98.

Osterwalder A., Pigneur Y. 2010. *Business Model Generation. A Handbook for Visionaries, Game Changers, and Challengers.* John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, New Jersey. 288 p.

Stepnov I., Kovalchuk J. 2020. Measuring Value Created by Business Models in the Sharing Economy. *Upravlenets – The Manager.* 11(5). P. 58-69. DOI: 10.29141/2218-5003-2020-11-5-5

Teece D.J. 2010. Business Models, Business Strategy and Innovation. *Long Range Planning.* 43(2-3). P. 172-194. DOI: 10.1016/j.lrp.2009.07.003

Gassman O., Frankenberger K., Chic M. 2017. *Biznes-modeli: 55 luchshih shablonov [Business models: 55 Best Templates].* Moscow: Alpina Publisher. 432 p. (In Russian)

Список литературы на русском языке

Гассман О., Франкенбергер К., Шик М. 2017. *Бизнес-модели: 55 лучших шаблонов.* Москва: Альпина Паблишер. 432 с.

Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(6). С. 200–208
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-200-208

Check for updates

Инновационный путь совместного создания ценности в сельском хозяйстве

Н.В. Чернер

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Рецензия на книгу: Campos H. (ed.). 2021. *The Innovation Revolution in Agriculture: A Roadmap to Value Creation.* Springer Nature Switzerland AG. DOI: 10.1007/978-3-030-50991-0

Ключевые слова: инновационная революция, создание ценности, инновации в сельском хозяйстве, цели устойчивого развития, мировая продовольственная проблема, бизнес-модель для сельскохозяйственных предприятий, удовлетворение потребностей потребителей, поведенческая экономика

Уже довольно длительное время как учёные, так и практики ожидали появление фундаментального исследования применения концепции создания ценности в сельском хозяйстве. Сама концепция известна уже довольно давно, точнее, с момента выхода знаменитой книги М. Портера (Портер 1989), где идея цепочки ценности получила своё развитие. Важно отметить, что особенности сельского хозяйства как вида экономической деятельности, столь существенны и отличны от иных, что реализовать указанную идею в аграрной сфере оказалось непросто. К уже известным особенностям – существенной зависимости от природно-климатических условий, взаимодействию с живыми организмами, роли земли как основного фактора производства – добавляются специфические: слабая диффузия инноваций в области менеджмента, дефицит профессиональных кадров, обеднение социальной сферы на селе.

Такие особенности предопределяют и тернистый путь реализации концепции создания ценности в сельском хозяйстве. Если сфера услуг, производство одежды, бытовой техники, косметических средств и парфюмерии, автомобилестроение довольно быстро приняли идею создания ценности и кастомизированного индивидуализированного массового производства для удовлетворения потребностей потребителей и даже смогли включить потребителя в

УДК: 339.97
Поступила в редакцию: 10.10.2021
Принята к публикации: 24.11.2021

воспроизводственный процесс создания ценности посредством идеи «value co-creation» (совместного создания ценности) (Прахалад, Рамасвами 2006; Прахалад, Кришнан 2011), то сельское хозяйство в этом отношении оказалось менее восприимчивым для этого важного инструмента стратегического менеджмента. Некоторое время назад в переработке сельскохозяйственного сырья в продукты питания с большим успехом удалось реализовать стратегию создания ценности. Авторы показали направление реализации важного инструмента в сельском хозяйстве на основе инновационной революции в этой отрасли, которая сделала возможным управление созданием ценности в сельском хозяйстве.

Авторы выбрали правильный курс для имплементации концепции создания ценности в сельском хозяйстве посредством инновационной революции. Заслуживает внимания роль инноваций в сельском хозяйстве в современном мире. Значительные достижения в области технологий открыли возможности для решения мировой продовольственной проблемы, в том числе – проблемы обеспечения качественными, безопасными продуктами питания всех нуждающихся. Нельзя, однако, игнорировать тот факт, что постепенное решение этой проблемы сопровождается ростом мировых цен на продовольствие. Так, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН[1] сообщает, что мировые цены на продукты питания достигли в октябре 2021 г. нового пика с июля 2011 г. Индекс продовольственных цен вырос к сентябрю на 3% и составил 133,2 пункта, и этот рост продолжается третий месяц подряд. При этом эта же организация отмечает, что мировое производство зерновых достигло рекордного уровня, а объёмы запасов будут сокращаться. Причинами роста цены на отдельные виды сельскохозяйственного сырья и продовольственных продуктов называются следующие: например, рост цен на зерновые в объёме 3,2% вызван негативными прогнозами урожая в основных странах-экспортерах; рост цен на растительные масла составит 9,6% вследствие спекулятивных операций на рынке. Рост цен на молочную продукцию (2%) в основном вызван ростом спроса на сливочное масло и сухое молоко. Отметим, что обычно рост спроса на сухое молоко вызывается негативными ожиданиями будущих событий, ведь сроки хранения сухого молока продолжительны.

Роботизация сельского хозяйства значительно снизила потребность в использовании живого труда, что, с одной стороны, облегчило труд, а с другой – высвободило рабочую силу для других секторов национальной экономики. Разнообразие и высокое качество продуктов питания обеспечивают существенное увеличение продолжительности и качества жизни. Использование новейших технологий поможет снизить выбросы в атмосферу, почву и воду, уменьшить загрязнение окружающей среды и расширить инвестиционные проекты в сель-

[1] World food prices reach new peak since July 2011. 2011. *The Food and Agriculture Organization of the UN.* URL: https://www.fao.org/newsroom/detail/world-food-prices-reach-new-peak-since-july-2011/en (accessed 25.12.2021)

ском хозяйстве, в том числе на базе государственно-частного партнёрства. С другой стороны, как правильно отмечают авторы, возрастает угроза глобального потепления и, как следствие, ухудшаются природно-климатические условия выращивания ряда сельскохозяйственных культур. Любая возможная перспектива развития инноваций в сельском хозяйстве должна быть направлена на формулировку решения проблем ограниченных финансовых ресурсов и человеческого капитала, а также создания наибольшей ценности для потребителей с минимальным негативным воздействием на окружающую среду. Здесь важно отметить, что авторы оказались правы, и Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН[2] отмечает возможность сокращения выбросов в агробизнесе до 7% за счёт предпринимаемых мер по борьбе с изменением климата.

Коллектив авторов монографии предложил собственную палитру идей и концепций, которые помогут в решении проблемы возрастающих потребностей в безопасных и качественных продуктах питания при условии минимального негативного воздействия на окружающую среду. Важное место в книге отведено решению проблемы соответствия ценностных ожиданий потребителей продуктов питания и производственных возможностей сельского хозяйства и переработчиков сельскохозяйственного сырья в продукты питания. Особого внимания заслуживает предложенная авторами индивидуализированная бизнес-модель сельскохозяйственных инноваций. Действительно, трудно переоценить роль индивидуализированной бизнес-модели в реализации идей создания ценности и совместного создания ценности с потребителем.

Принимая во внимание рискованность инновационного бизнеса, эта индивидуальная бизнес-модель может стать прочной основой для внедрения инновационных экосистем в сельское хозяйство. Конечно, для принятия новой бизнес-модели, ориентированной на создание стоимости в таком сложном секторе экономики, как сельское хозяйство, требуется повышенный аппетит к риску. Важно отметить использование авторами достижений как поведенческой экономики (Kahneman, Tversky 1979; Kahneman et al. 1991) с точки зрения принятия инноваций, так и институциональной теории с точки зрения встроённости инноваций в качестве институтов развития, которые могут быть успешно применены как коммерческими, так и некоммерческими организациями.

Исследование построено, как отмечалось выше, на широком использовании поведенческой теории, институционального анализа, теории государственно-частного партнёрства, теории предпринимательства, теории аграрных рынков.

---

[2] Climate action in agribusiness could reduce emissions by up to 7 per cent. 2011. *The Food and Agriculture Organization of the UN*. URL: https://www.fao.org/newsroom/detail/climate-action-in-agribusiness-could-reduce-emissions-by-up-to-7-per-cent/en (accessed 25.12.2021)

Использованы данные Швеции, Индии, США, Эфиопии, Кении, Нидерландов, Бразилии, Индонезии как в части площадей сельскохозяйственных земель, так и структурных данных о посевах, бизнес-демографии.

Монография написана на хорошем английском языке, читается легко и с большим интересом. В подтверждение своих выводов авторы привлекают экономико-математические методы и графические материалы. Книга снабжена большим количеством фотографий, иллюстрирующих ситуативные характеристики исследуемых объектов.

На наш взгляд, авторы были ограничены объёмом своего исследования, так как далеко не все страны оказались охвачены анализом. Более фундаментальное исследование вызвало бы ещё больше интереса и откликов от исследователей.

Монография предназначена для научных работников, специалистов, заинтересованных лиц, органов государственной власти, ответственных за проведение структурных реформ, в том числе в сельском хозяйстве.

Первая глава книги «В поисках инноваций: удовлетворение потребностей потребителей и создание ценности» подготовлена редактором книги профессором Уго Кампосом, директором по исследованиям Международного центра картофеля (Лима, Перу) и известным международным специалистом по сельскому хозяйству и выращиванию картофеля. Его очень известная статья об использовании государственно-частного партнёрства в селекции картофеля была одним из самых важных исследований в 2020 г. Во вступительной главе профессор Кампос выражает идею не только о необходимости инноваций в сельском хозяйстве, но также и об их прямой связи с удовлетворением потребностей потребителей через создание ценности. Рассмотрены основные риски и угрозы внедрению инноваций в сельском хозяйстве, а также показаны некоторые точки зрения на будущее инноваций в сельском хозяйстве. Автор уделил особое внимание использованию технологии дизайн-мышления как ориентированного на человека, на возможности, на варианты и итеративного инструмента. Важно, что автору удалось показать, что предлагаемые нововведения могут использовать не только коммерческие, но и некоммерческие организации. Фирмы должны сопротивляться бездействию, использовать все имеющиеся возможности для реализации творческих идей. Автор утверждает, что бездействие намного хуже неудачи. В конце концов, неудача подразумевает некую вероятность успеха, а бездействие вовсе не подразумевает её. Бизнес-модель правильно определена автором как тип инноваций, поскольку Джозеф Шумпетер (Шумпетер 1934) также отметил, что инновацией могут быть новые способы организации процесса. Даже для цифровых компаний продуманная бизнес-модель является ключом к трансформационному росту, когда при правильной структуре схема эффективного совместного создания ценности в бизнес-модели компании становится понятной на основе включения потребителя в процесс создания продукта или услуги (value co-creation).

Вторая глава «Производительность в сельском хозяйстве для устойчивого будущего» подготовлена Энн Стинсленд и Маргарет Зейглер. Мы должны отметить некоторые очень важные моменты из этой главы. Прежде всего, мы согласны с авторами в их взглядах на множественные подходы к удовлетворению текущего и будущего спроса на сельскохозяйственную продукцию, такие как расширение земель (необходимость вырубки лесов для превращения в пахотные земли), ирригационные системы, интенсификация производства для получения большего урожая на существующих землях, выращивание большего количества сельскохозяйственных культур или разведение большего количества скота, а также обеспечение роста производительности труда за счёт технико-технологических инноваций. На наш взгляд, совмещение производительности и инноваций в сельском хозяйстве можно сформулировать как кривую производительности (соотношение труда и капитала), а также как технологизацию производственного процесса. В любом случае мы отмечаем необходимость инноваций как основы повышения эффективности сельскохозяйственного производства.

Ещё один важный момент этой главы состоит в дихотомии производительности сельского хозяйства и реализации целей устойчивого развития (ЦУР). Хорошо известно, что ЦУР не могут быть достигнуты в нынешней ситуации пандемии COVID-19. При этом сельское хозяйство играет центральную роль в стратегии достижения многих ЦУР. Авторы отметили, что ускорение продуктивности сельского хозяйства должно лежать в основе всеобъемлющей стратегии устойчивого обеспечения продовольствием всего мира, и это самая важная основа повышения продуктивности, но также мы должны думать о новых условиях изменения климата, которые заставляют нас быстрее разрабатывать и внедрять неразрушающие технологии. Инновации в сельском хозяйстве будут играть важнейшую роль в этом движении. В любом случае мы должны отметить, что глобальный рост производительности может быть основан только на целях устойчивого развития при сбалансированном спросе и предложении на продукты питания, зерновые культуры, корма, зерно и биотопливо.

Глава Матиаса Мюллера и Уго Кампоса «Открытые инновации и создание ценности в генетике сельскохозяйственных культур» посвящена исследованиям в области селекции сельскохозяйственных культур, международному сотрудничеству и государственно-частному партнёрству в области сельскохозяйственных инноваций. Эта глава продолжает идеи профессора Кампоса, изложенные в его ранее упомянутой статье по исследованию государственно-частного партнёрства и его роли в селекции картофеля (Sharma et al. 2020).

Глава «Переосмысление принятия и распространения как коллективного социального процесса: на пути к интерактивной перспективе», подготовленная Сиз Леувис из Университета Вагенингена и Ноэль Аартс из Университета Радбауд продолжает исследования Эверетта Роджерса и его знаменитой монографии «Диффузия инноваций». Их глава посвящена объяснению ключевой роли со-

циальных наук в принятии и распространении инноваций. Следует особо подчеркнуть, что Университет Вагенинген признается в мире как центр сельскохозяйственных технологий.

Глава Пер-Ола Ульвенблад из Университета Хальмстада «Разработка устойчивых бизнес-моделей для инноваций в шведском агропромышленном секторе» включает философский взгляд на устойчивое развитие сельского хозяйства, а также показывает основные характеристики шведской модели агробизнеса с привлечением широкого фактологического материала. Мы хотели бы отметить важный момент, касающийся модели инноваций, ориентированных на устойчивое развитие, которая является очень хорошим решением дихотомии ЦУР и инноваций, а также восемь архетипов устойчивых бизнес-моделей, описанных и классифицированных в исследовании Пер-Ола Ульвенблад.

Следующая глава подготовлена Ником ван Дейком, Ником ван дер Велде, Джанет Махарией, Кваме Нтим Пипим и Хивот Шимелес «Инновации в маркетинге и распределении продовольственных продуктов питания на основе пирамидальной модели: выводы из 2SCALE, крупнейшего инкубатора инклюзивного агробизнеса в Африке». Глава посвящена рассказу о финансируемой Нидерландами программе «К устойчивым кластерам в агробизнесе через обучение предпринимательству» (2SCALE). Как отметили авторы, 2SCALE – это инкубаторная программа, которая активирует государственно-частное партнёрство для инклюзивного бизнеса в агропродовольственных секторах и отраслях промышленности и, в конечном итоге, для улучшения условий жизни в сельских территориях, а также продовольственной безопасности и безопасности продуктов питания. Мы советуем всем читателям внимательно изучить эту главу. Опыт Нидерландов в этой области может быть полезен для многих стран и государственных органов управления сельским хозяйством.

Глава Дэвида Доннана «Инновации и стремление накормить мир» посвящена извечной проблеме обеспечения продуктами питания всех голодающих в истории человеческого общества. Автор показывает возможный путь решения этой проблемы на основе инноваций, которые могут стать ключом к повышению производительности и эффективности. Как мы отмечали выше, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН уже отмечает успехи в этой части.

В последней главе «Цифровые технологии, большие данные и сельскохозяйственные инновации» Стивена Т. Сонка из Университета Мэриленда резюмируется влияние цифровизации на сельское хозяйство как отрасль экономики и вид деятельности. Автор описывает роль больших данных и информационных технологий в сельском хозяйстве для достижения устойчивого инновационного развития и повышения производительности при одновременном снижении негативного воздействия сельского хозяйства на окружающую среду.

Отметим такой важный выигрышный момент монографии, как привлечение достаточно большого международного опыта (читатели найдут здесь

информацию о бизнес-моделях сельского хозяйства Швеции, Индии, США, Эфиопии, Кении, Нидерландов, Бразилии, Индонезии), то есть авторы смогли избежать «греха местечковости» и распространять субъективные результаты на все страны мира. Авторы обсуждают большинство факторов, повышающих вероятность успеха инновационной деятельности.

Важно отметить продуманность аргументов авторов, объективность и востребованность использованных теорий, инструментов, методов. Противоречий между исследовательскими задачами, планом исследования, типом данных, теорией и методами не обнаружено. Объяснения полученных результатов убедительны, но, конечно же, в научной дискуссии возможно получение альтернативных объяснений, например, о роли государственно-частного партнёрства и причинах его слабой востребованности в сельском хозяйстве в развивающихся странах. Предложенные авторами выводы вытекают из представленных аргументов в достаточной мере. Приведённые сравнения вполне уместны, а привлечённый опыт и иллюстративный материал убеждают в аргументах авторов. Авторы книги использовали довольно много примеров для обоснования собственных выводов и рассуждений. Сомнительных допущений в работе не выявлено.

Я с большим интересом ознакомилась с монографией и выражю авторам свою поддержку. При этом хотела бы высказать несколько предложений по проекту. Было бы полезно, если бы авторы проанализировали более широкий опыт большего количества стран. Это сделало бы исследование ещё более фундаментальным и востребованным. Во-вторых, институциональный анализ будет очень полезен для понимания пути и основы внедрения сельскохозяйственных инноваций. В-третьих, для лучшего внедрения сельскохозяйственных инноваций были бы полезны конкретные системы управления сельскохозяйственными предприятиями разных форм, от фермеров до крупных агрохолдингов. И последнее, более сильная позиция в отношении международного сотрудничества для решения мировой продовольственной проблемы была бы полезна органам государственной власти и международным организациям для обсуждения возможных путей сотрудничества. В любом случае мы благодарим авторов за их книгу и верим, что это исследование займёт своё высокое место. С наилучшими пожеланиями из России.

Об авторе:

Наталья Владимировна Чернер – кандидат экономических наук, доцент МГИМО МИД России, г. Москва, 119454, Проспект Вернадского, 76. E-mail: n.cherner@odin.mgimo.ru

Конфликт интересов:
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

UDC: 339.97
Received: October 10, 2021
Accepted: November 24, 2021

An Innovative Roadmap to Value Co-Creation in Agriculture

N.V. Cherner
DOI 10.24833/2071-8160-2021-6-81-200-208

MGIMO University

Book review: Campos H. (ed.). 2021. *The Innovation Revolution in Agriculture: A Roadmap to Value Creation.* Springer Nature Switzerland AG. DOI: 10.1007/978-3-030-50991-0

Keywords: innovative revolution, value creation, agricultural innovation, sustainable development goals, world food problem, business model for agricultural enterprises, consumer needs satisfaction, behavioral economics.

About the author:

Natalya V. Cherner – PhD, Ass. Prof. of MGIMO University, Moscow, 119454, Prospekt Vernadskogo, 76. E-mail: n.cherner@odin.mgimo.ru

Conflict of interests:
The author declares the absence of conflict of interests

References:

Kahneman D., Tversky A. 1979. Prospect Theory: an Analysis of Decision under Risk. *Econometrica*. №47. P. 263–291. DOI: 10.2307/1914185

Kahneman D, Knetsch J, Thaler R. 1991. Anomalies: the Endowment Effect, Loss Aversion, and Status Quo Bias. *J Econ Perspect.* 5(1). P. 193–206. DOI: 10.1257/jep.5.1.193

Porter M. 1998. *On Competition.* A Harvard Business Review Book.

Schumpeter J.A. 1934. *The Theory of Economic Development: an Inquiry Into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle.* Transaction Books, New Brunswick.

Sharma N, Sanders W, Graveland R, Schoper J, Campos H. 2020. A public-private partnership to speed up potato breeding. *Open Agriculture.* 5(1). P. 826-833. DOI: 10.1515/opag-2020-0083

Prahalad C.K., Ramaswamy V. 2004. *The Future of Competition. Co-Creating Unique Value with Customers.* Boston, Massachusetts. Harvard Business School Press.

Prahalad C.K., Krishnan M.S. 2008. *The New Age of Innovation. Driving Cocreated Value Through Global Networks.* McGraw-Hill

Prahalad K.K., Ramaswamy V. 2006. *Budushchee konkurencii. Sozdanie unikal'noj cennosti s potrebitelyami [The Future of Competition. Creating Unique Value with Consumers]*. Moscow: Olymp-Business CJSC. (In Russian)

Prahalad K.K., Krishnan M.S. 2011. *Prostranstvo biznes-innovacij. Sozdanie cennosti sovmestno s potrebitelem [The Space of Business Innovation. Creating Value together with the Consumer]*. Moscow: Skolkovo. (In Russian)

Список литературы на русском языке:

Прахалад К.К., Рамасвами В. 2006. *Будущее конкуренции. Создание уникальной ценности с потребителями.* Москва: ЗАО «Олимп-Бизнес».

Прахалад К.К., Кришнан М.С. 2011. *Пространство бизнес-инноваций. Создание ценности совместно с потребителем.* Москва: Сколково.